РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖСЕКЦИОННЫЙ СБОРНИК № 5

ОБРАЗОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Материалы VIII Конвента РАМИ

25–26 апреля 2014 г. МГИМО–Университет

Издательство «МГИМО–Университет» 2015 **УДК 37**

ББК74.48 М43

> РАМИ не несет ответственности за содержание статей. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ. Со всеми материалами VIII Конвента можно ознакомиться на сайте Ассоциации www.risa.ru

М43 **Межсекционный сборник № 5 Образование и информационное общество»** (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) : научное издание / Под ред. Е.В. Бережновой, Е.С. Зиновьевой, А.В. Шашковой. — Издательство «МГИМО–Университет», 2015. — 155 с.

ISBN 978-5-9228-1371-6

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных участниками секций VIII Конвента РАМИ, который состоялся 25–26 апреля 2014 года. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 37

ББК74.48

Оглавление

ЧАСТЬТ
ГЛОБАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
ВВЕДЕНИЕ
Е. В. Бережнова
FUCE Y LPHOE OEDY 3 OB VIEUPHOE UDOCIDY HOLDO

ЧАСТЬ II ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Е.С. Зиновьева ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	73
В.П.Терин В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ОКРУЖЕНИЯ	82
С. С. Ширин РОССИЙСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ВОПРОСАМ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ	89
М. А. Казаков, Д. Н. Беспалов ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА, УГРОЗЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	98
Р.В.Болгов КИБЕРВОЙНА В ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ НАТО	107
В. А. Плотников НФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ	116
И.В. Сурма ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	122
ЧАСТЬ III КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИ	19»
Е.А. Рудая СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО СПОРТА	141
Т.И. Кузьмина РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ	150
OF ARTORAY	154

ЧАСТЬ І ГЛОБАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

25 апреля 2014 года в рамках VIII Конвента РАМИ «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления» состоялась работа секции «Глобальное образовательное пространство: вызовы и возможности». В ней приняли участие гости, преподаватели, аспиранты, магистранты МГИМО (У), ведущие научные исследования в сфере образования.

Открывая работу секции, профессор кафедры педагогики и психологии Е. В. Бережнова отметила, что в условиях глобализации образования конкуренция между университетами выходит на новый уровень. Ряд явлений свидетельствует о том, что прежние модели организации образовательного процесса в университете не работают, а изменить их отдельными нововведениями не получается. Все отчетливее проявляется необходимость глубокой и срочной трансформации высшего образования. Каким будет университет будущего? Что должен сделать каждый, чтобы отстоять свое право на существование в современном университете? Эти вопросы объединили участников дискуссии.

Аспирант кафедры педагогики и психологии С.Д. Калинина обратила внимание на событие, которое стало заметным в российском высшем образовании. В 2014 году на Coursera.org дебютировали три российских вуза: Высшая школа экономики, Московский физикотехнологический институт (МФТИ) и Санкт-Петербургский государственный университет. Эти высшие учебные заведения стали первыми российскими вузами, ответившими при помощи онлайн-курсов на вызовы, диктуемые глобализацией высшего образования. К этим вызовам можно отнести борьбу за талантливого и мотивированного на получение высшего образования студента и повышение конкурентоспособности вуза на мировой образовательной арене. Было высказано предположение о том, что онлайн-курсы могут способствовать процессу дифференциации в высшем образовании.

Профессор Российского государственного гуманитарного университета А. Б. Каримова представила результаты анализа воздействия международных рейтингов на глобальное, региональное (СНГ) и российское образовательные пространства. Этот анализ показал, что на практике наибольшей отдачей обладают латентные функции рейтинга, которые меняют модель создания и трансляции научных

знаний, а также трансформируют ценностные установки преподавателей и студентов.

Продолжая разговор, профессор Московского института открытого образования Л. М. Перминова подчеркнула, что необходимо помнить о различных уровнях обучения — социальном, педагогическом/теоретическом, дидактическом, — интегративно представленных в деятельности каждого педагога через призму его целей и ценностных смыслов, рефлексии, профессионализма. Глобальность образовательных замыслов должна предусматривать и глобальный характер возможных рисков: ошибки педагога как главного субъекта образовательной системы будут транслированы в будущее. В связи с этим особое внимание к подготовке педагога, способного искусно организовать познавательную деятельность обучающегося. Этому необходимо учить и учиться. Глобализация образования требует усиления методологической функции дидактики в методиках преподавания различных дисциплин, и в этом интегративный характер научно обоснованных путей повышения качества образования в университетах страны.

Заведующая кафедрой английского языка № 7 И.А. Мазаева показала, что личностные свойства человека являются базовой, исходной составляющей профессиональной компетентности человека. Существующие концептуальные представления о личностных свойствах профессионалов в отечественной и зарубежной литературе предполагают серьезную воспитательную работу со студентами. Особый интерес вызвали результаты исследования требований к профессиональным умениям взаимодействия в международных организациях (И.А. Мазаева, А.О. Блохина).

В дискуссии приняли живое участие преподаватели и молодые ученые — аспиранты. Темы их выступлений касались главных сущностных черт дидактики высшей школы: деятельности преподавания, деятельности учения и содержания образования. Доцент кафедры английского языка № 1 Н. И. Цветкова убедительно доказала, что глобализация образовательного пространства предъявляет новые требования к профессиональной подготовке преподавателей иностранного языка. Доцент кафедры английского языка № 6 К. Г. Чикнаверова представила предпосылки обновления иноязычного образования в современном российском университете.

Дальнейшее обсуждение было посвящено социальным и культурным ориентирам обновления содержания образования в высшей школе

Введение 9

(Т. Макарова); средствам формирования умения у будущих политологов-международников вести межкультурный диалог (Н. Рябенко); факторам, определяющим мотивацию профессорско-преподавательского состава к успешной деятельности (И. Коренева); условиям участия студентов в выстраивании индивидуальной траектории образования (Н. Шапошникова), мотивам выбора различных стратегий дополнительного образования (О. Курденкова), проблемам разработки механизма перехода от общих описаний к конкретным представлениям о результатах обучения в высшей школе (М. Костромитина); вопросам становления личности студента в условиях глобализации образования (Д.Пекушкина).

Состоявшееся событие можно считать моментом зарождения новой традиции в рамках педагогического направления работы МГИМО—Университета. В настоящем сборнике представлен ряд статей участников дискуссии.

ГЛОБАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВОПРОСЫ ДЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Быстро меняющийся и становящийся глобальным мир, в котором интенсивно нарастает конкуренция, будет непременно и постоянно предъявлять новые требования к подготовке кадров в университетах, поэтому разговор о качественном профессиональном образовании будет на протяжении длительного времени актуальным.

В условиях глобализации образования конкуренция между университетами выходит на новый уровень. В связи с этим ряд исследователей фиксируют два момента: переосмысление понятия «традиционный университет» и предоставление его функций другими организациями. Отмечается, что «...исследования проводят временные коллективы ученых, степени присуждают частные структуры, стипендии Thiel Fellowships более престижны, чем дипломы ведущих университетов, а благодаря онлайн-курсам Massive Open Online Courses (MOOCs) лекции лучших преподавателей доступны учащимся всего мира» [3; с. 153—154]. Эти явления свидетельствуют о том, что прежние модели организации образовательного процесса в университете не работают, а изменить их отдельными нововведениями не получается. Все отчетливее проявляется необходимость глубокой, радикальной и срочной трансформации высшего образования. Каким будет университет будущего?

Этот вопрос не возник сегодня. Канадский исследователь Б. Ридингс в известной книге «Университет в руинах» осуществил попытку критического философского осмысления истории университета в западном мире и его роли в современную эпоху. Он показал, что идея университета прошла большой исторический путь: от идеи разума (у Канта) через идею культуры (у немецких идеалистов) и до нынешней идеи совершенства или качества. Однако университет оказался «в руинах», поскольку ни одна из исторических идей не может служить фундаментом его существования [12].

В ситуации глобализации и неопределенности образование на западе широко обсуждалось с использованием «товарного» тезауруса.

Российское образовательное сообщество не осталось в стороне от этих дискуссий. Были как сторонники, так и противники такого обсуждения. Так, А.О. Карпов, не принимая этой позиции, писал: «...концептуализация образования в терминах «товар» и «услуга» исключает из его дидактической основы методы и содержания, формирующие творящую личность, которая обладает исследовательским отношением к действительным, т.е. личность, способную создавать знания...» [9]. Далеко не всеми были восприняты подобные утверждения.

Довольно часто на изменения в образовании в условиях глобализации смотрели с экономической точки зрения. Среди причин такого одностороннего взгляда было сокращение государственного финансирования, утверждение и распространение концепции нового менеджерализма. При этом внимание обращалось на единообразие в правилах функционирования бизнеса, финансов и торговли, обращения товаров и услуг. Однако в сфере образования действуют лишь отдельные общепринятые правила регулирования. Образование нельзя рассматривать в отрыве от культуры и ценностей. И если речь идет об университетах, то культурные особенности проблем глобализации могут быть связаны с изменением сознания профессорско-преподавательского состава, его способностью к переоценке ценностей, что происходит довольно медленно и порой болезненно. Ускорить эти процессы не получается. Об этом свидетельствует опыт разных стран: «...изменить университеты «сверху» практически невозможно. Традиции становятся не только фундаментом академической культуры, но и ограничением для введения инноваций. Научные школы становятся не только колыбелью научных кадров, но и главным источником инбридинга (внутривидового размножения, что ведет к деградации)» [8, с. 2].

Вполне актуально звучат современные дискуссии о том, являются ли культурные традиции основой университетской жизни или серьезным препятствием в ее инновационном преобразовании. Возможно ли отказаться от культуры? Конечно же, нет! Ведь у университета остается главная обязанность, о которой в свое время писал Хосе Ортега-и-Гасет: «... "просвещать" человека, приобщать его к культуре времени, открывать перед ним со всей ясностью и определенностью огромный современный мир, в который должна войти его жизнь, чтобы стать аутентичной» [Ортега, с. 106]. Следует подчеркнуть, что приобщать студентов необходимо не к любой культуре, но «к культуре времени».

Чтобы приобщать к такой культуре, преподавателю необходимо ею владеть. А поскольку постоянно происходит расширенное воспроизводство культуры, то процессы овладения и приобщения являются непрерывными. В связи с этим эпизодически возникает необходимость в реформах университетов: «Реформа — это всегда создание новых обычаев» [11, с. 60].

Прежде чем осуществлять реформы важно в соответствии с культурой времени осуществить анализ ситуации в университетах. Не останавливаясь на всех проблемах, выделим лишь важные черты, характеризующие сущность процесса обучения в университете: взаимодействие преподавателя и студента, обусловленное содержанием образования. Изменения в деятельностях преподавателя и студента, а также изменения в составе содержания образования могут значительно трансформировать привычный процесс обучения. Однако эти изменения не исследованы в полной мере и поэтому прогнозные сценарии воспринимаются скептически. Исследователям предстоит ответить на следующие вопросы. Каким образом обучающийся может влиять на разработку программ по определенному направлению обучения и собственной образовательной траектории, чтобы стать главной фигурой глобального образования? Какими знаниями и умениями должен обладать преподаватель университета, чтобы успешно взаимодействовать с поколением студентов, которые с рождения знакомы с интернетом? Какова специфика работы преподавателя со студентами разных возрастов, стремящихся изменить свою жизнь к лучшему и добиться большего в профессии при помощи образования? Каким образом отбирать содержание учебного материала и поддерживать конкурентоспособность образовательных программ, если стремительно устаревают знание и информация? Каким образом обеспечить фундаментальность профессиональной подготовки, если постоянно делается упор на формирование практических навыков, обеспечивающих успех, а не на теорию? Всем ли преподавателям университетов необходимо вести исследования в партнерстве с учеными со всего мира? Как изменятся функции преподавателя? Действительно ли необходимость в живом общении исчезает, если лекцию можно скачать, или высказывания классиков остаются в силе: личность воспитывается личностью, характер воспитывается характером? Действительно ли назревает революция в системе оценивания результатов обучения и достижений выпускников университетов?

Все эти вопросы в целом включают нас в дискуссию о соотношении национальных и международных интересов в сфере академического развития. Иногда высказываются смелые прогнозы. Например, в начале прошлого учебного года в газете «Ведомости» вышла статья «Университет будущего: Ставка на новое содержание», в которой были представлены основные тренды на ближайшее десятилетие. Первый из них «...массовое обновление людей, работающих в высшем образовании. Каждый университет, который будет претендовать на вхождение в международные рейтинги, встанет перед необходимостью нанимать на международном академическом рынке сотни профессоров, исследователей и администраторов» [5]. Второй тренд связан с изменением технологий обучения: «Новые технологии не могут быть навязаны извне, их принесут с собой новые профессионалы, которые придут в наши вузы» [5]. Через десять, конечно, университеты будут другими. И, возможно, как считают авторы статьи, традиционную роль профессора в новой системе дополнят организаторы коммуникации, отраслевые и технологические эксперты, руководители проектной работы. Вновь возникают вопросы: действительно ли произойдет массовое обновление людей в университетах? В случае с общеобразовательной школой такой прогноз не оправдался. И о каких технологиях идет речь? Вопросы остаются открытыми.

Известно, что образовательная система характеризуется консервативностью. С одной стороны — это хорошо, поскольку позволяет сохранить лучшее, что накоплено коллективом преподавателей конкретного университета. С другой стороны — плохо, поскольку практически всегда идет сопротивление реформам.

Анализ учеными сложившейся ситуации сопротивления самой образовательной системы свидетельствует о том, что одной из причин «...является игнорирование авторами образовательной политики, ориентированных главным образом на заимствование западных образцов, культурного фактора, способного провоцировать отторжение привнесенных извне организационных форм или же искажать их содержание» [10, с. 35].

Следует заметить, что культурных факторов может быть несколько и одним из них определенно выступает педагогическая наука, которая существует на протяжении многих веков. Объект изучения педагогической науки — образование — имеет свою специфику. Во-первых, это сложный объект и невозможно решать его проблемы простыми решениями, что

довольно часто происходит. Во-вторых, этот объект включает в себя людей со своими ценностями и поэтому его преобразование должно оцениваться не с точки зрения экономики, а с точки зрения человека, его благополучия. Как к объекту управления, к образованию не могут быть в полной мере применены общие правила менеджмента, выработанные в другой сфере — экономике. Игнорирование педагогической науки и ее специфики дорого обходится педагогической практике. Для нас важным обстоятельством выступает развитие сравнительных исследований в области образования. Опора на их результаты при обосновании реформ могла бы способствовать мотивации преподавателей к активному участию в преобразовании среды университета.

Однако в настоящее время многие преподаватели оказываются в ситуации неопределенности в связи с переходом к «эффективному контракту». Он предполагает активное включение преподавателей в научные исследования. Между тем, преподавание остается деятельностью, занимающей, согласно данным различных мониторингов, основную часть времени университетских преподавателей.

Исторически сложившаяся отечественная практика разделения высшего образования и научных исследований мало способствовала развитию научной работы в вузах. Если исследования велись, то касались в основном проблем профессиональной подготовки специалистов для ведомства, к которому относился вуз. У преподавателей была большая нагрузка по выполнению практической деятельности, которая и теперь остается основным фактором, влияющим на размер базовой заработной платы. Нагрузка в часах «...для ассистента составляет 750 часов, для профессоров — 600. Таким образом, преподаватель полностью загружен учебной работой три, а иногда даже четыре дня в неделю, что оставляет ему минимальные возможности для занятия исследованиями» [2, с. 97].

Реформирование системы высших учебных заведений, увеличение финансирования на исследовательскую работу, попытки реформирования научных институтов в составе РАН и в ведомственных академиях привели к ослаблению работы НИИ, но не изменили положения с исследовательской деятельностью в высших учебных заведениях. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведенного учеными НИУ ВШЭ.

Например, в университетах Центрального федерального округа структура доходов в 2011 г. распределилась следующим образом: от образовательной деятельности — 65,9%, от научной деятельности —

15,8%, от прочей деятельности — 18,3%. В профильных вузах с научной работой ситуация оказалась еще сложнее. Так, структура доходов в 2011 году в педагогических вузах Центрального федерального округа представлена таким образом: от образовательной деятельности — 91,1%, от научной деятельности — 6,7%, от прочей деятельности — 2,2% [1]). Мы видим, что в вузах преобладает деятельность преподавания.

Существует предположение, что та (относительно небольшая) доля преподавателей, которая активно вовлечена в исследовательскую работу, делает это скорее за счет дополнительного времени, а не за счет перераспределения: сокращение времени на преподавание и увеличение на исследования.

Вопросы образования и науки обсуждались в ходе прошедшего 24 и 25 апреля Глобального университетского форума 2014 г. на площадках МГИМО, МГУ, РУДН и МИСиС. В докладе Глобальному университетскому форуму в частности подчеркнута необходимость коренных изменений в этих сферах: «В отсутствие собственной современной и эффективной образовательной системы и системы фундаментальных и прикладных исследований государство неизбежно попадает в зависимость от образовательной и научно-исследовательской систем других государств и теряет самостоятельность» [7, с. 16–17].

С целью вовлечения в научные исследования и стимулирования публикационной активности преподавателей используются разные методы. Например, обязательная регистрация в различных базах данных научного цитирования Scopus, РИНЦ. Сотрудники электронной библиотеки, занимающиеся российским индексом национального цитирования, проделали огромную работу и продолжают ее. Между тем, эта наукометрическая система далека от совершенства, не дает истинного представления о результатах научной деятельности исследователя. Естественно, что у преподавателей университетов возникает вопрос: нужно ли на нее тратить время? Развернутым ответом послужила статья в журнале «Вопросы образования» [4].

Авторы статьи подтвердили, что РИНЦ имеет ряд недостатков. На конкретных примерах они показали каким образом, используя метод механической обработки, можно изменить количественные показатели в лучшую сторону. Однако на осуществление части операций, проводимых «в ручном режиме», преподаватели не имеют права, оно передается организациям, внутри которых создаются специальные подразделения. Следует согласиться с авторами статьи, что «...

количественные методы оценки науки чаще всего будут не в полной мере объективны, в том числе и индекс Хирша. Количественные по-казатели не должны стать единственным критерием оценки науки» [4, с. 258]. Но в настоящее время внимание приковано к ним, поскольку РИНЦ и его показатели являются весомой частью отчетных, конкурсных, рейтинговых, грантовых документов Министерства образования и науки, других официальных организаций. Таким образом, эти показатели важны внутри национальной образовательной системы высшей школы при принятии управленческих решений.

Начальник отдела научного планирования, статистики и учета М.В. Харкевич, анализируя показатели МГИМО—Университета в РИНЦ, пишет о сравнительно высоком качестве научных публикаций авторов, по всем показателям университет находится в первой (лучшей) четверти вузов России. Однако с сожалением отмечает, что показатели РИНЦ оказывают незначительное влияние на положение МГИМО в университетских рейтингах, поскольку они «...составляются, как правило, с учетом наукометрических данных, рассчитанных не по РИНЦ, а по международным базам данных Scopus или Web of Science» [13].

Для университетов, которые стремятся войти в топ-100 мировых рейтингов, значимыми являются преподаватели университетов, участвующие в международных научных исследованиях. Практически во всех российских вузах доля таких ученых невелика, о чем свидетельствуют цифры: «...лишь 5% преподавателей российских вузов имеют постоянные международные контакты, и 21% — эпизодические» [6].

Мы видим, что глобализация в образовании стимулирует к анализу существующих представлений об академических профессиях, исторически ориентированных на национальные интересы. Справедливым является замечание М. Юдкевич о том, что практически не делалось попыток обнаружить функционально общезначимые признаки в статусе и деятельности преподавателя как субъекта академической профессии, и что эта неразработанность четких представлений об академической профессии сохраняется [14].

Дальнейшая судьба университетов может зависеть от ответов на следующие вопросы. Каковы основные черты академической профессии в глобализирующемся образовательном пространстве? В какой степени образовательные стандарты высшего образования соответствуют подготовке людей к обновленной академической профессии? Каковы

элементы концепции повышения квалификации людей, работающих в академических профессиях?

Ответов пока нет, но ясно одно — продолжать работать по инерции скоро будет невозможно. Кафедрам и преподавателям предстоит отстаивать свое право на существование в современных университетах.

Литература

- 1. Абанкина И.В. Университеты в региональной экономике: новая конфигурация ресурсов [электронный ресурс] / И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина, Е.А. Николаенко, Л.М. Филатова // Институт образования НИУ ВШЭ. Режим доступа: http://ioe.hse.ru/seminar1314. Дата обращения: 23.04.2013.
- 2. Андрущак, Г. Меняющаяся реальность: российское высшее образование и академическая профессия / Г. Андрущак, Я. Кузьминов, М. Юдкевич // Будущее высшего образования и академической профессии: страны БРИК и США. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — С. 79—122.
- 3. Барбер, М. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / М. Барбер, К. Доннелли, С. Ризви // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152—229.
- 4. Болотов В.А. Индекс Хирша в Российском индексе научного цитирования / В.А. Болотов, Н.Н. Квелидзе-Кузнецова, В.В. Лаптев, С.А. Морозова // Вопросы образования. 2014. № 1. С. 241—262.
- 5. Волков, А. Университет будущего: Ставка на новое содержание / А. Волков, Ливанов Д. // Ведомости. 2012. № 165 (3179). 03 сен. 2012.
- 6. Глобализация в образовании это заимствование достижений [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.hse.ru/news/26287981.html. Дата обращения 04.05.2014.
- 7. Доклад Глобальному университетскому форуму «Университеты в глобальной и национальной повестке» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y04_2014/250770/report_global_university_forum_2014.pdf. Дата обращения: 04.05.2014.
- 8. Дорога к академическому совершенству. Становление исследовательских университетов мирового класса / Под ред. Дж. Альтбаха, Д. Салми. М.: ВЕСЬ МИР, 2012. 410 с.
- 9. Карпов А.О. Коммодификация образования / А.О. Карпов // Педагогика. 2012. № 2. С. 3—12.
- 10. Коннов, В. Развитие системы высшего образования в России и за рубежом: теоретические ориентиры / В. Коннов // Право и управление. XXI век. № 1 (26). С. 28–36.

- 11. Ортега-и-Гассет X. Миссия университета / X. Ортега-и-Гассет М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2010. 144 с.
- 12. Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс. М.: Издательский Дом ГУ ВШ9 , 2010 , -304 с.
- 13. Харкевич М.В. МГИМО—Университет в Российском научном индексе цитирования [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files/255843/mgimo-rinc upd.pdf.. Дата обращения 20.06.2014.
- 14. Юдкевич М. Российская академическая профессия и построение университетов мирового класса [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2013/4/rossiyskaya-akademicheskaya-professiya-i-postroenie-peredovyh-u. Дата обращения 20.06.2014.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЗДАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, направлены на решение не только экономических, экологических, политических, правовых и многих других международных проблем, но и проблем образования. Ещё относительно недавно решались проблемы создания и научного обеспечения единого образовательного пространства отдельных государств, затем — создания единого европейского образовательного пространства, закреплённого Болонским соглашением стран — участниц интеграционного процесса. А в начале XXI века все большую популярность приобретает, выдвинутая ещё в 70-х годах XX века Р. Хэнви, идея создания глобального образовательного пространства. В основе данной идеи лежит понимание необходимости ориентации на общечеловеческие ценности, воплощённые в единые цели, принципы организации образования, определяющие характер, содержание, формы и методы, а также подходы к оценке результатов обучения и воспитания.

При всём исторически сложившемся многообразии систем образования, существующих в мире, их национально-культурной непохожести, оригинальности сложившихся традиций, можно выявить тенденции к их сближению. Интеграционное движение обусловлено общими требованиями совершенствования процесса приобщения к общемировой культуре новых поколений, подготовки их к решению мировых проблем. Человечество осознаёт наличие глобальных проблем, с которыми оно может справиться только через нахождение общих подходов, согласованных путей их решения. К таким глобальным проблемам относятся: экологические проблемы, связанные с ухудшением состояния природной среды Земли, загрязнением и гибелью уникальных природных объектов, изменением климата, истощением природных ресурсов, нерационально используемых человеком; политические проблемы, связанные с внешней политикой некоторых государств, провоцирующих столкновение интересов разных государств и народов,

возникновение вооружённых конфликтов, создание политических и военных блоков, усиливающих противостояние сторон, усиление опасности мировой ядерной войны и др.; экономические, социальные и этнические проблемы, среди которых выделяются проблемы неравномерного экономического развития стран, наличие большого количества бедствующего населения и как следствие проблемы миграции больших групп населения из одних регионов земного шара в другие, смешивание представителей разных культур, вызывающие столкновение культурных ценностей, стилей и привычек поведения, межэтнические конфликты и рознь; расширение масштабов и усиление опасности международной преступности, в том числе — экстремизма, терроризма, наркомании, в которые вовлекаются подростки и молодёжь. Конечно, образование вряд ли способно решить данные проблемы. Оно является только одним из значимых, систематизирующих факторов, которые могут повлиять на изменение и совершенствование международных отношений. Образование, направленное на формирование нового сознания у подрастающих поколений, ориентированное на поиск путей мирного, культурно обогащающего развития человечества, в настоящее время является актуальной задачей международных исследований.

Методология педагогики М.А. Даниловым, а затем В.В. Краевским, определяется как «...система знаний об основаниях и структуре педагогической теории, о принципах и способах добывания знаний, отражающих... педагогическую действительность», а также как «...система деятельности по получению таких знаний и обоснованию программ, логики и методов, оценке качества специально-научных педагогических исследований» [1, с. 18]. Методологические исследования — это исследования по разработке основных теоретических положений, принципов и методов познания и преобразования педагогической действительности, научному обоснованию научно-исследовательской и практической педагогической деятельности.

Методологические исследования в рамках рассматриваемой темы — это, прежде всего, исследования, направленные на выработку общих или базовых теоретических идей, положений, определяющие цели и принципы глобального образования, которые будут приемлемы в разных системах образования, в разных странах. Они помогут, с одной стороны, сформулировать общие подходы и требования к образованию, а, с другой стороны, с учётом исторических и национально-культурных особенностей выделить в образовании то, что должно

его обогащать, сохранять культурное наследие народа, нации. Целью глобального образования может выступать формирование человека, чувствующего ответственность за судьбу Земли, ориентированного на обеспечение безопасного существования и свободного, полноценного развития всех народов и народностей, проживающих на нашей планете, сохранение природной среды и культурного наследия всего человечества, организацию сотрудничества стран и народов во всех видах и формах их жизнедеятельности в интересах глобального социума.

Принципами, которые могут быть положены в основу глобального образовательного пространства и способствовать сближению образовательных систем разных государств, могут выступать: принцип приоритетного финансирования образования, позволяющий реализовать и другие принципы; принцип системного и относительно свободного развития образования; принцип демократического управления системой образования; принцип кадрового и материального обеспечения, соответствующего современным требованиям научно-технического и социального развития; принцип гуманизма, доступности и равенства людей при получении образования; принцип гибкости и открытости функционирования образовательных систем; культурологический принцип; принцип оперативного обновления содержания, совершенствования форм, методов, технологий организации образовательного процесса; принцип единства государственного и общественного контроля над качеством результатов образования и др. В рамках методологических исследований должны научно обосновываться как ведущие принципы, объединяющие пространство глобального образования, так и последовательно разрабатываться принципы собственно организации и совершенствования процесса обучения, воспитания и развития обучающихся.

Методологические исследования предполагают работу и по разработке эффективных форм и методов проведения международных научных исследований в области образования, использование которых позволит решать вопросы, актуальные для всех стран. К таким вопросам относятся, например: создание системы всеобщего, доступного образования; защита прав обучающего; гуманизация образования; повышение его качества; совершенствование критериев и средств оценки результатов образования; обеспечение условий для разностороннего развития личности; подготовка человека к решению глобальных экологических и других проблем, связанных с выживанием всего человечества, повышения темпов его культурного развития; формирование диалогического сознания; воспитание толерантности; предупреждение распространения национализма, экстремизма во всех его видах и формах проявления и др.

Важными проблемами для международных исследований также выступают проблема соотношения в содержании образования общечеловеческих и национальных ценностей. В содержании образования, с одной стороны, должно быть включено то ценное, значимое, что было создано в мировой культуре и что позволяет человечеству развиваться по путям гуманизации и демократизации социальных и образовательных систем, а, с другой стороны, сохраняться то, что отличает данную национальную культуру, является её вкладом в мировую культуру. При этом важно определить требование, чтобы национальные традиции, взгляды, привычки поведения не вступали в противоречие с общечеловеческими ценностями в содержании образования. Особенности культурного развития отдельных народов, разный уровень их развития на данный момент, сохранение архаичных представлений, форм поведения и т.п. могут определять наличие таких противоречий, которые должны быть постепенно устранены. Содержание образование, конечно, не может стать унифицированным, единообразным для разных стран. Это невозможно из-за богатства и разнообразия национальных культур, образовательных традиций, но ориентация учащихся на общечеловеческие ценности, общие международные нормы и правила общения и поведения, которые складывались веками в ходе международного сотрудничества, — вполне достижимая задача.

Методологические исследования, проводимые совместно учёными разных стран, постепенно позволят выработать общие позиции, способствующие совершенствованию систем образования в мире, повышению эффективности их деятельности, благодаря более быстрому распространению и внедрению современных образовательных технологий и техник, преодолению изолированности и недоступности результатов передовых исследований, научных открытий в области образования детей и взрослых. Создание и работа международных научных сообществ, обсуждение методологических проблем на международных научных симпозиумах, конференциях, выработка международных документов может активизировать процесс создания глобального образовательного пространства. Необходимым является дальнейшее расширение общения по проблемам методологии образо-

вания руководителей государственных и частных систем образования разных стран, директоров образовательных учреждений и рядовых педагогов, работающих в разных областях и уровнях образовательных систем (общее, специальное, дополнительное и другое образование). Целесообразно расширение международного педагогического общения благодаря организации современных форм совместного повышения квалификации, педагогических форумов и совещаний международного уровня.

Проблемой остаётся перенесение опыта организации образовательного процесса из одной страны в другую. Методология педагогики должна серьёзно начать разрабатывать вопрос о возможности и правилах использования зарубежного педагогического опыта. Чаще всего национально-государственные системы образования складываются столетиями и то, что уже отлично работает в системе образования в одной стране, не значит, что может безболезненно внедрено в другую систему. Методологическими правилами должны быть определены цель, задачи, условия, требования, необходимые для внедрения нововведения, необходимого для интеграции в мировое образовательное пространство, а также — обоснованы необходимые доработки, изменения, позволяющие максимально учесть географические, природные, социально-экономические, национально-культурные и другие особенности данной страны и её системы образования. Не подготовленные с точки зрения методологического обоснования нововведения могут не улучшить, а только нарушить работу уже сложившейся образовательной системы, ухудшив качество её работы и вызвав недовольство со стороны обучающихся и их родителей. Поэтому методологические исследования должны осуществляться в ходе тесного международного сотрудничества, а их результаты проходить этапы апробации и доработки.

В настоящее время обсуждение вопроса о глобальном образовательном пространстве является актуальным, но его создание в полной мере остается проблематичным, поскольку остаются нерешёнными многие другие вопросы в области внешней политики, которые продолжают разделять государства, народы, мешать сотрудничеству не только политиков, но и педагогов.

Литература

1. Краевский В.В. Методология педагогики: новый этап / В.В. Краевский, Е.В. Бережнова. — М.: Академия, 2006. — 400 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ КАК МЕТОД ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ И ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Как метод представления результатов оценки рейтинг берет свое начало с «пушечного рейтинга» королевского флота Великобритании (gun rate, 1677 г.), который определял функциональную полезность корабля (боеспособность) числом длинноствольных пушек. По замыслу авторов изобретения, инструментальная ценность рейтинга заключалась в выяснении качества исполнения основной функции определенной структуры.

Со временем наибольшую популярность рейтинги завоевали в экономике рынка, где обрели функции информирования и принуждения потенциальных потребителей к выбору товара, услуги или организации, качества которых определены рейтингом. Их влияние на общественное мнение начало ощущаться тогда, когда числовые показатели получили качества, ранее считавшиеся неизмеряемыми: привлекательность жизни, эффективность демократических институтов, количество счастья, уровень доверия, «объем» миролюбия населения той или иной страны и многое другое.

История применения образовательных рейтингов в международной среде началась в конце XX в. на страницах журнала Asiaweek, опубликовавшем в 1997 г. ранжированную классификацию крупнейших университетов Азиатско-Тихоокеанского региона. До начала XXI столетия образовательные рейтинги измеряли функциональные качества внутриотраслевых единиц и не влияли на принятие решений отдельными людьми и тем более государственными институтами.

К этому времени международные рейтинги нашли широкое применение в экономической и политической сферах. Большинство из них работают в стиле бенчмаркинга. Практическим результатом этого вида конкурентной борьбы является уменьшение доли конкурента на рынке или создание условий для развития отраслей третьего сектора.

Наблюдения за последствиями применения рейтингов в международной образовательной сфере позволили выявить латентный ряд

функций, среди которых наибольший интерес представляют функции интеграции территориально удаленных людей, а также трансформации ценностных, поведенческих и организационных ориентиров определенных культурных групп. Эти изменения, базирующиеся на интересе студентов, ученых, преподавателей, журналистов, издателей, отраслевых чиновников, формальных и самодеятельных коллективов артистов, художников и прочих аудиторий к международным образовательным программам и культурному обмену, связаны с облачной (в информационном смысле) идеей *knowledge societies*.

Ее теоретическое осмысление как *постинформационного будущего* наблюдается с 60-х годов прошлого столетия. В современном научном дискурсе в обороте находятся три социальных конструкта: *общество знания*, *общества знания*, *общество*, *основанное на знании*. Некий итог этой интеллектуальной работе подведен в докладах Всемирного банка [5], ЮНЕСКО [4] и аналитическом обзоре ОЭСР [6]. Содержание трех документов посвящено описанию процессов, конструирующих *knowledge societies* (*knowledge society* — в случае ОЭСР), свидетельствуя о том, что прогнозируемые процессы приобрели формат проекта. Вместе с тем остается непроясненным центральное понятие проектируемого будущего. Эксперты ЮНЕСКО считают, что «общества знания — это общества, источником развития которых являются собственное многообразие и собственные способности» [6].

ОЭСР определяет движение к обществу знания через четыре процесса:
— формирование человеческого капитала (в первую очередь через обучение);

- построение базы знания (в первую очередь через исследования и развитие знаний);
- распределение и использование знания (в первую очередь через взаимодействие пользователей этих знаний);
- поддержание знаний (его межпоколенческое сохранение и передача). Итальянский философ Эвандро Агацци, проанализировав соответствующие документы ЕС и Организации Американских государств, пришел к выводу, что в европейских текстах выражение knowledge-based society, ни разу не использовалось. Вместе с тем стратегия Евросоюза (2010 г.) для построения экономики, основанной на знаниях, ресурсами которой определены «инновации и повышение квалификации», пересекается с панамериканской моделью в использовании ключевых слов: устойчивый рост, лучшие рабочие места, социальная сплоченность. При

этом исследователь отмечает, что на более раннем этапе модель глубокой модернизации экономики EC (2000 г.) «включала научные исследования, распространение образования, профессиональное обучение, возрастающее использование интернета и онлайнового бизнеса» [1, с. 4].

В документах ОАГ идея общества, основанного на знании, представлена в Декларации «Good governance and development in the knowledge-based society» (Хорошее управление и развитие общества, основанного на знании, 2006). По мнению Э. Агацци, данный документ не содержит четкого определения понятия. Туманной он называет и дефиницию, предложенную ОАГ: «Общество, основанное на знании, означает такой тип общества, который необходим для того, чтобы быть конкурентоспособным и добиваться успеха в изменяющейся экономической и политической динамике современного мира. Оно означает общество высокообразованное и потому опирающееся на знания своих граждан для стимулирования инноваций, предпринимательства и динамизма экономики этого общества» [1, с. 6].

Один из важных результатов сравнительного анализа Э. Агацци в том, что идея общества, основанного на знании, более всего сосредоточена на продвижении информационно-коммуникационных технологий, использование которых, по мнению конструкторов knowledge societies, должно улучшить экономические показатели глобального рынка. В этом контексте знание, действительно, предстает «как товар, как продукт, который может быть произведен, обменен, продан в соответствии с моделями экономической деятельности» или «как орудие, как всепроникающая демонстрация нематериальных инструментов, использование которых существенно для обеспечения наилучшего действия всех секторов экономики» [1, с. 6].

На эмпирическом уровне выводы Э. Агацци подтверждаются при исследовании методик построения международных образовательных рейтингов.

Концептуально появление и актуализация международных образовательных рейтингов отвечает реформе университетского образования, в которой участвуют наиболее успешные экономики.

В 2002 г. Всемирный банк, позиционирующий себя как глобальная *информационная* структура, ответственная за движение пяти потоков: капитала, товаров, услуг, людей и знаний, предложил стратегическое решение, направленное на улучшение глобальной экономической ситуации и «строительство демократических, социально сплоченных

 $Tabnuga\ I.$ Наиболее влиятельные глобальные рейтинги университетов $[2, {
m c.}\ 300-302]$

Таблица 2. Основные единицы анализа и измерения наиболее влиятельных глобальных рейтингов

Название рейтинга	Главные критерии	Источник статистики
ARWU	Результаты	Число статей, опубликованных в журналах Nature и Science
	исследовании	Число статей, индексируемых в базах данных Science Citation Index Expanded и Social Sciences Citation Index (Thomson Reuters)
THE	Результаты исследований	Среднее число цитирований в расчете на одну статью (нормализованное по областям науки, по данным базы Web of Science, Thomson Reuters)
		Объем и репутация научно-исследовательских работ
		Доход от исследований
SÒ	Результаты исследований	Среднее число цитирований в расчете на одну штатную академическую единицу (по данным базы Scopus, Elsevier)
Web	Результаты исследований	Число результатов поиска по сайту вуза научной поисковой системой Google Scholar и число цитирований найденных документов
		Число «ценных» файлов, размещенных на сайте (число файлов с результатами исследований четырех форматов: PDF, PS, DOC и PPT)

А.Б. Каримова

ARWU		Общее число выпускников вуза, получивших Нобелевскую премию или медаль Филдса*
THE	Качество образования	Оценка преподавания и условия обучения
SÒ	Качество	Индекс академической репутации
	образования	Соотношение числа профессорско-преподавательского состава к числу студентов
		Индекс репутации вуза среди работодателей
SÒ	Международная деятельность	Доля иностранных преподавателей от общей численности преподавательского состава
		Доля иностранных студентов от общего контингента обучающихся
		Уровень организации международной деятельности
Web	Размер	Число страниц сайта, получаемых в результате поиска системами Google, Yahoo, Live Search и Exalead

матикам не старше 40 лет. Приз и медаль названы в честь канадского математика Дж. Филдса, предложившего в ходе Медаль Филдса и одноименная премия вручаются один раз в четыре года двум, трём или четырём молодым мате-VII международного математического конгресса (Торонто, 1924) учредить золотую медаль в знак признания выдающихся заслуг своих коллег. обществ» внутри региональных экономик. Наиболее эффективным каналом передвижения обозначенного набора продуктов была признана мировая инфраструктура высшего образования. Исходя из опыта своей деятельности по координации движения капитала в мировом масштабе, Всемирный банк разработал концепцию создания глобальной отрасли tertiary education¹, в которой инструментализирован смысл конструкта knowledge в значении знания и навыки, полученные в процессе обучения.

Стратегия строительства обществ знания направлена на институциональную дифференциацию классического высшего образования, построения разнообразных организационных конфигураций и моделей образовательных учреждений, способных быстро реагировать на изменения потребностей рынка труда, включает создание гибких механизмов для перемещения преподавателей и студентов, информационных систем оценки эффективности исследовательской деятельности. Особое внимание уделено использованию возможностей tertiary education для интеллектуальной разведки; сотрудничества с зарубежными и дистанционными образовательными учреждениями.

В концепции обществ знания, идущих на смену информационному обществу, высшие учебные заведения представлены в качестве основы информационной инфраструктуры страны. Прививаемые ими ценности, отношения и нормы этики образуют социальный капитал, который приобретает каждый их воспитанник.

Для осуществления этой программы авторы стратегии предлагают связать «крепкую сеть из вузовских общин и социальных групп, обеспечивающих важные места для доступа к доходам и ресурсам развития, неформально подключив к ней акторов из различных секторов экономики». Неэффективные в постинформационной экономике классические университеты будут замещены сетевыми (производители мультимедийных образовательных программ), франшизными (поставщики образовательных услуг по развитию бизнеса) и корпоративными университеты ТНК).

Создание общества знания начинается с реформирования традиционного вузовского образования, затрагивающего и изменение статуса его основных контингентов: *студенты* из категории учащихся переводятся в *первичных клиентов и потребителей, преподаватели становятся создателями сервисов*. Исполнение новых ролей требуют соответствующих организационных и управленческих механизмов. Такие механизмы могут быть созданы только с помощью обратной связи с рынком труда, экспертных оценок и регулярных консультаций с работодателями, выпускниками и инвесторами, приводящими в действие палитру интересов стейкхолдеров.

Архитекторами новой образовательной реальности выступают интернет- и цифровые технологии, которые меняют действующую модель создания и трансляции знаний, а также процесс оценки и фиксации достижений; технологические стартапы в образовании (новый рынок), дополняющие традиционные форматы; сверхконкуренция и отрасли, требующие развития надпрофессиональных компетенций; банковские инвестиции в образование; изменение установок преподавателей и студентов путем их превращения в стейкхолдеров образовательной отрасли.

Чтобы привести такие отношения в движение в глобальном или региональном масштабах, необходимы не только интеллектуальные усилия, но и инструмент создания новой формы третичного образования. Этим двум условиям соответствует методика рэнкинга² и ее продукт — рейтинг. Как конструкция рейтинг представляет собой информационную иерархию функций достижения цели.

В отличие от общественного мнения, которое содержит совокупность суждений любых социальных единиц, рейтинг создается методом сбора оценок рекрутированных экспертов. Каждый рейтинг имеет свой целеполагающий костяк, главным продуктом которого является создание цели рейтинга, под которые формируются необходимые для конечного потребителя (заказчика) критерии.

Рейтинги обязательно размещаются в СМИ в форме готового экспертного заключения о качестве ранжированных объектов. На этой площадке рейтинг предстает как метод передачи информации, организующей и побуждающей территориально распределенных индивидов к определенной коллективной деятельности в потоке.

В международной среде рейтинги устанавливают маршруты и обеспечивают движение трансграничных потоков к «цели—успеху».

Анализ воздействия международных рейтингов на глобальное, региональное (СНГ) и российское образовательные пространства, показал, что на практике наибольшей отдачей обладают латентные функции, которые меняют модель производства и трансляции научных знаний, а также трансформируют профессиональные установки организаторов образования. В отечественной экспертной среде методики составления образовательных рейтингов часто подвергаются критике; но при этом остается без обсуждения главный вопрос — на какой методологической основе они построены.

На важность дифференцированного подхода к функциям в свое время обратил американский теоретик эмпирического знания Р. Мертон, указавший, что изучение латентных функций позволяет разграничить планируемые цели и функциональные последствия действия, избежать «конфликтных перспектив и интерпретаций в одном и том же обществе» [3, с. 651].

- ¹ В документе ЮНЕСКО «Пересмотр Международной стандартной классификации образования (МСКО)» третичное образование раскрывается как образование, основанное на среднем образовании, организующем учебную деятельность в рамках специализированных областей образования. К циклам третичного образования отнесены бакалаврият, магистратура и докторантура. Третичное образование включает в себя академическое образование с обязательством обеспечения своих выпускников навыками выхода на рынок труда. (Генеральная конференция, 36-я сессия, Париж 2011 г. Раздел 15, п. 200) [4].
- ² Рэнкинг создание таблицы данных, выстроенной на основе обработки пертинентной информации. Для сбора рэнкинговой информации используется телефон, база данных организаций интересующей отрасли. Из полученной информации формируется привлекательный (качественный) для конечного потребителя критерий.

Литература

- 1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях / Э. Агацци. Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–19.
- 2. Каримова А.Б. Международное воздействие на создание национальных рейтингов: рельефы новой ситуации / А.Б. Каримова // Организация и самоорганизация интеллигенции в современном мире. М.: РГГУ, 2013. С. 297—309.

- 3. Мертон Р. Социальная теории и социальная структура / Р. Мертон. М.: ХРА- НИТЕЛЬ, 2006.
- Пересмотр Международной стандартной классификации образования (МСКО) / Генеральная конференция, 36-я сессия, Париж 2011 г. Раздел 15, п. 200. [Электронный ресурс] URL: http://www.uis.unesco.org/Education/ Documents/UNESCO_GC_36C-19_ISCED_RU.pdf.
- Constructing Knowledge Societies: New Challenges for Tertiary Education. The World Bank. Washington, D.C. 2002. [Электронный ресурс] URL:http://siteresources.worldbank.org/INTAFRREGTOPTEIA/Resources/Constructing_Knowledge Societies.pdf.
- 6. Tertiary Education for the knowledge society. 2008 [Электронный ресурс] URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/tertiary-education-for-the-knowledge-soci ety 9789264046535-en;jsessionid=3d7thrbktgo1m.x-oecd-live-01.

ДИДАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время глобалистика рассматривается и как область научных исследований, и как сфера преподавания (И. И. Абылгазиев, Е. В. Бережнова, И. В. Ильин), а глобализм — как форма общепланетарного мировоззрения и мышления (Н. Н. Моисеев, А. Д. Урсул и др.). Однако глобальное образование — это не только планетарный размах образовательных проектов, осваиваемых странами в межкультурном взаимодействии, это — интегрированный характер следствий результатов национальной системы обучения, основанной на определенных ценностях и методологии.

Поэтому необходимо помнить об уровнях обучения (В.В. Краевский) — социальном, педагогическом/теоретическом, дидактическом, — интегративно представленных в деятельности каждого педагога через призму его целей и ценностных смыслов, рефлексии, профессионализма. Глобальность образовательных замыслов должна предусматривать и глобальный характер возможных рисков: ошибки педагога как главного «субъекта образовательной системы» будут транслированы в будущее.

Острые дискуссии между сторонниками фундаментального образования и технократического образования («реформаторами») по сути отражают противоречия в ценностной сфере образования. Современное образование ориентировано на экономические и идеологические запросы государства, и управляющая система (органы образования) оказывается проводником прагматических целей, нередко основанных на далеко не гуманистических ценностях. Образовательная система (образовательные организации) в России издавна ориентирована на гуманные цели, унаследованные от гимназий, исторически связанных с университетами и академиями: на гармоническое развитие личности, фундаментальность обучения, преемственность ступеней образования в профессиональной подготовке специалистов. У этой тенденции и сейчас немало сторонников и последователей, противящихся реформаторской ломке системы образования. Таким образом, налицо противоречие между целями и ценностями образования, которое транслиру-

ется недостаточно продуманными и дидактически не обоснованными образовательными технологиями, которыми должен овладевать нередко наспех подготовленный специалист, уверенный в легкости педагогического труда, не понимая того, что дело не в «передаче знаний» от учителя к ученику, а в умелой (научно обоснованной и потому — искусной) организации педагогом познавательной деятельности ученика. Этому необходимо учить и учиться! Ведь об этом заботились все великие педагоги прошлого, за это выступают и современные ученые-педагоги.

В фокусе образовательных разногласий находится, по сути, высшее образование и прежде всего — педагогическое образование. О подготовке учителя, педагога высшей школы необходимо заботиться как о миссии государства и общества (Я.А. Коменский, К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев; Н.Н. Моисеев, М.Н. Скаткин, В.А. Сластенин и др.). Образовательные реформы рубежа эпох (XX-XXI вв.) оказались убыточными: колоссальные финансовые (и другие) затраты привели к отказу от ряда антиинновационных мер. Решение столь важных вопросов, как стандартизация образования, построение вариативной системы образования и других не предусматривало глубокой методологической и дидактической проработки, поэтому столь долгим оказался эмпирический путь использования компетентностного подхода применительно к разным ступеням образования. Глобализация образования требует усиления методологической функции дидактики в методиках преподавания различных дисциплин, и в этом интегративный характер научно обоснованных путей повышения качества образования и обучения в стране.

Конструктивное разрешение имеющихся противоречий требует ответа на следующие вопросы:

- что представляет собой современная дидактика как наука?
- каковы соотношение и взаимосвязь дидактики и методики в образовательном процессе?

Наше исследование вопроса о статусе дидактики в системе современного научного знания с позиций логико-философских детерминант показало, что дидактическое знание соответствует: 1) логико-научной классификации, поскольку содержит фактуальное знание (понятия, явления, факты, эксперимент) и концептуальное знание (законы, закономерности, принципы, теории); 2) общенаучной классификации с позиций системной иерархической структуры (теория как высший вид развития научного знания, в которую остальные его виды входят

опосредованно); 3) трехуровневой структуре научного знания (эмпирическое — метамеоретическое знание), а также, учитывая нормативный характер теоретического дидактического знания для частных методик (дидактический и индивидуально-практический уровни обучения), имеет место особый вид дидактического знания — 4) прикладное знание как технологическое — поскольку в образовательной технологии интегрировано знание, отражающее все уровни методологии педагогики/дидактики.

В системе научного знания дидактика является гуманитарной и нормативной наукой с выраженной социальной направленностью как принадлежащая социально-гуманитарной науке — педагогике; соотношение дидактики и педагогики — как часть в структуре целого. Опираясь на исследования А. А. Ивина [1], существование объекта дидактики — обучение — характеризуется как свойство, определяемое неразъемным трехсторонним отношением «учитель—ученик—содержание образования», в котором имеет место единство и взаимосвязь содержательного, процессуального и деятельностного — как условие существования и развития обучения в пространстве и времени. Неразъемность двусубъектного отношения «учитель—ученик», их взаимно ценностная обусловленность также есть сущностный признак обучения, его уникальности, устойчивости.

Процесс обучения целе- и ценностно направлен, необратим по оси времени, и эти характеристики также являются его имманентными признаками. Обучение — абсолютно рукотворный феномен, в котором, согласно В.В. Краевскому, действительность включена в педагогический процесс [2; 4]. Учитывая первичность социального уровня обучения как принадлежность бытию, интегрированный характер взаимосвязи «свойство — отношение» и идеи В.В. Краевского о существовании педагогической/ дидактической теории в трех формах (в концептуальной, нормативной и деятельностной), оказывается возможным доказательство уникальности обучения и его устойчивости в социкультурной практике.

1. Специфика интеграции в обучении двух характеристик существования мира — свойства и отношения — в том, что свойство есть форма существования отношения, — это детерминирует культурно-историческую устойчивость триады «учитель-ученик-содержание образования», поднимая закономерность о единстве и взаимосвязи содержательного, процессуального и деятельностного в обучении (И.Я. Лернер, В. В. Краевский) до уровня дидактического закона.

Исходя из сказанного (п. 1), оказывается возможным сформулировать еще *два дидактических закона*:

- 2. закон постоянства состава и структуры процесса обучения;
- 3. закон устойчивости процесса обучения в социокультурной практике. Согласно логико-философским исследованиям «связь, рассматриваемая законом, является не логической, а онтологической, т.е. определяется не структурой мышления, а устройством самого реального мира» [1, с. 84].

Законы и принципы дидактики образуют ядро теории, и прежде всего таких фундаментальных теорий, как теория процесса обучения, теории содержания образования. Соотношение законов и принципов в теории определяется различием путей их появления в научной теории. Законы, как уже сказано, и закономерности являются принадлежностью педагогической действительности; связи, лежащие в их основе, объективны, в то время как принципы являются результатом обобщающе-абстрагирующей деятельности и формулируются человеком на заключительных этапах исследования (Ф. Энгельс, В. В. Краевский, В. А. Сластенин и др.). В дидактике имеют место принципы обучения, принципы конструирования содержания образования и другие, более частные принципы.

Необходимо отметить, что дидактика располагает теориями: в ее научном корпусе имеются общие дидактические теории (теория процесса обучения; теории содержания образования: культурологическая, инвариантно-деятельностная, бинарно-интегративная); частные дидактические теории (теория проблемного обучения, теория программированного обучения; теория методов обучения, теория учебной деятельности и др.) и специальные теории (теория активизации учения школьников, теоретическая концепция оптимизации учебного процесса и др.). Общая теория рассматривает наиболее общие вопросы, касающиеся объекта дидактики; частная теория касается теоретической/концептуальной разработки какого либо элемента состава или структуры процесса обучения (например, теория учебного предмета); специальная теория вносит такой признак в процесс обучения, который оказывает системное влияние на всего элементы процесса обучения (как объекта дидактики) [3].

В развитии дидактики имеют место причинность, историзм, детерминизм, аксиологизм. Корпус научных методов представлен всеобщими, эмпирическими и общенаучными методами, в числе последних —

эксперимент, имеющий специфику, детерминированную спецификой ее объекта. Диалектика и принципы субъектности, активности и связи теории с практикой — их методологическое основание.

Дидактика имеет свою особую миссию и задачи; она опирается на философию, физиологию, нейронауки, психологию, логику, социологи и др., но является методологическим знанием для предметных методик. Этот аспект необходимо раскрыть подробнее, поскольку, на наш взгляд, дидактику и методику целесообразно рассматривать как две культуры.

- А) Что есть дидактика как культура? Это: а) четыре уровня представления ее объекта обучения (социальный, на котором обучение предстает как форма социальной деятельности; педагогический/ теоретический, на котором процесс обучения предстает как объект конструирования; дидактический, на котором реализуется теоретическое дидактическое знание об обучении как нормативное и на этом уровне появляется конкретный учебный предмет; индивидуальный интегрирующий первые три уровня представления обучения в рефлексивной позиции его реализации учителем.
- Б) Абсолютная гуманитарность процесса обучения, его двусубъектность (целенаправленная, специально организованная, ценностноориентированная, рефлексивно-диалогическая и взаимосвязанная деятельность учителя и учащихся), трехкомпонентность двусубъектность (учитель—ученик—содержание образования) условие неразъемности процесса обучения.
- B) Содержание образования как педагогически адаптированная система культуры, в котором (с культурологических позиций) находят отражение все названные ее элементы в виде четырех составляющих: знаний (о природе, обществе, технике, человеке, способах деятельности, искусстве), опыт репродуктивной деятельности, опыт творческой деятельности, опыт эмоционально-ценностного отношения к действительности, к людям, к себе. Динамический характер связей между этими элементами состава содержания образования означает, что освоение субъектом (учеником, студентом) этого культурологического инварианта может начинаться не только со знаний, а и с опыта деятельности, и с актуализации опыта эмоционально-ценностного отношения, а также и с субъектно-личностного компонента содержания образования, сохраняя целостность состава изучаемого содержания. Эти вариации предъявления учебного материала называются предметными модальностями, рас-

крывающими в нем специфические способы перехода от одного элемента содержания к другому, — и позволяют говорить о знаниевой, деятельностной, ценностной, субъектно-личностной модальностях, отражая философско-дидактическую идею предметности обучения как замысла о форме и способе распредмечивания его целей [5, c. 20].

Г) Дидактический закон о единстве и взаимосвязи содержательного, процессуального и деятельностного в процессе обучения, а значит и в преподавании/изучении всех дисциплин.

Сказанное отражает методологическую функцию дидактики в отношении методики (преподавания), позиция/место которой определяется дидактическим уровнем представления процесса обучения, и поэтому можно говорить о методике как о частной дидактике, — для которой (которых) важным также является положение дидактики о ведущей функции учебного предмета. Методика как практикоориентированное знание, реализуя конкретное учебное содержание, может научно обоснованно избежать «монотонности» в преподавании учебных дисциплин, опираясь на ведущую функцию учебного предмета, разнообразие предметных модальностей в организации учебного материала для изучения его учащимися, и прикладное знание — образовательные технологии.

Особенность дидактики как науки гуманитарной, нормативной, имеющей сильную социальную выраженность, развивающейся в соответствии с философскими детерминантами гуманитарного знания, рассматриваемыми С.А. Лебедевым [6], образуют ее функции по отношению к методике: описательная, объяснительная, предсказательная, интегративная, нормативная, методологическая. Столь же важным для методик преподавания различных дисциплин является знание о дидактическом цикле, психолого-педагогическом цикле усвоения знаний (восприятие — осмысление и понимание — запоминание — закрепление — применение — обобщение — систематизация — рефлексия), дидактических теориях, системно-дидактических основах урока и др.

К культурно-методологическим основаниям методики, кроме дидактики относятся также теоретические науки, искусство, технологии, — содержащие триаду «знания, методы, ценности» (это область пополнения содержания), возрастная психология, нейропсихология, логика.

Функционально именно методика имеет возможность доказать, что педагогика, в частности дидактика — есть наука и искусство (использования научных знаний), особенно последнее. Искусство — в вариативности изучения учебного материала в зависимости от выбора предметной модальности (Знака), предопределяющего выбор метода обучения, или подхода, выводя тем самым содержание образования и процесс обучения из-под тотальной зависимости от психологического подхода или психологической доминанты. Эта закономерность является дидактико-методическим доказательством истинности культурно-исторической теории Л. С. Выготского о решающей функции культурного Знака в развитии ребенка.

Благодаря методике реализуются функции обучения (образовательная, воспитательная, развивающая), она выполняет экспериментальную и исследовательскую функции, доказательную и гуманитарную функции, научно обоснованно прокладывая путь инновациям в практику (школьную, университетскую).

Дидактика и методика как две взаимосвязанные культуры (по П.Ф. Каптереву: методика появилась раньше дидактики, для дидактики требовалось реформационное время — эпоха Возрождения, эпоха Просвещения) выполняют теоретическую и практическую функции в доказательстве социокультурного назначения обучения как процесса, не имеющего аналога; методологических функций этих двух наук можно назвать значительно больше, но в целом именно от них зависит наше экономическое и образовательное будущее. Глобализация образования требует взаимодействия именно этих наук, как имеющих корни в гуманистических ценностях и потребностях человечества.

Литература

- 1. Ивин А. А. Современная философия науки / А. А. Ивин. М., 2005.
- Краевский В. В. Общие основы педагогики / В. В. Краевский. М., 2003. 256 с.
- 3. Перминова Л. М. Теоретические и методологические основы развития современной дидактики / Л. М. Перминова // Педагогика. 2013. № 5. С. 45—50.
- Бережнова Е. В. Основы учебно-исследовательской деятельности студентов / Е. В. Бережнова, В. В. Краевский. — М., 2010. — 128 с.
- Перминова Л. М. Предметность обучения как проблема дидактики: методологический анализ / Л. М. Перминова // Педагогика. — 2012. — № 6. — с. 18—25.
- 6. Лебедев С. А. Философия науки: Учебное пособие / С. А. Лебедев. М., 2011.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА — ЗНАЧИМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ответственность и самостоятельность неизменно отмечаются в связи с компетентностным подходом среди самых важных результатов образования как в научных работах — и отечественных (В.И. Байденко, И.А. Зимняя, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской и др.), и зарубежных (Дж. Равен, В. Хутмахер, разработчики проектов TUNING и DeSeCo и др.), при всех различиях в трактовках понятий «компетенция» и «компетентность», так и в официальных документах последних лет, таких как ФГОС. Очевидно, что эти качества принадлежат к числу важнейших, определяющих позицию человека в современном обществе, его отношение к делу и к другим людям.

Особое место им отведено в научных концепциях, трактующих компетентности человека как не рядоположенные, а взаимосвязанные, образующие некоторую структуру, и при этом как сложные качества личности. Так, согласно концепции И.А. Зимней [2], единая социально-профессиональная компетентность как некоторое интегральное, формируемое качество, позволяющее человеку успешно выполнять профессиональную деятельность и взаимодействовать с другими людьми, представляет собой иерархически организованную структуру. Входящие в нее парциальные социальные (здоровьесбережения, гражданственности, общения, саморазвития, информационных технологий и др.) и профессиональные компетентности, являются сложными образованиями, включающими в себя компоненты «знание содержания компетентности», «умение, опыт ее проявления», «отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения», «эмоциональноволевая регуляция процесса и результата проявления компетентности» и «готовность к ее проявлению» [1]. Они формируются в высшем образовании на основе двух базовых блоков (уровней) — интеллектуальных действий и личностных свойств; в число последних включены ответственность и самостоятельность. При этом важно, что базовые уровни единой социально-профессиональной компетентности развиваются

у человека начиная с детства в семье, школе, далее доформируются в профессиональном образовании, и выпускник вуза должен характеризоваться как минимум нормой их развития.

В одном из самых масштабных зарубежных исследований — междисциплинарном проекте в рамках ОЭСР Defining and Selecting Competencies, DeSeCo (1997—2005) [8, 9], также предложен не просто набор необходимых человеку (в данном случае — завершающему обязательное школьное образование) ключевых для жизни в обществе компетенций, а система их взаимосвязанных категорий. Поскольку это исследование не получило широкого освещения в отечественной литературе, остановимся на нем подробнее.

Во-первых, выделенные в DeSeCo компетенции ориентированы на критерии достойной и успешной жизни, не ограниченные рамками экономической эффективности. Понятие «успешной жизни» описывается в терминах «качества жизни», измеряемого по нескольким непрерывным линиям: удовлетворение элементарных личных нужд; установление близких отношений с другими; самореализация и получение удовольствия; доступ к экономическим ресурсам, трудовая занятость; участие в политической жизни; доступ к интеллектуальным ресурсам, информации и знаниям. Кроме того, в понимании разработчиков DeSeCo, дополнительный акцент должен быть сделан на вклад компетенций в качество общества, оцениваемое на основе некоторых ценностных принципов, таких как мир и безопасность, экономические показатели и богатство, общественное согласие, справедливость, права человека, биологическое разнообразие / охрана окружающей среды. В этом смысле успешная жизнь означает, например, возможность занимать положение или делать выбор, приносящие самому человеку не только материальное вознаграждение (хороший доход или материальный комфорт), но также и нематериальное удовлетворение. А с точки зрения общества — это вклад в его качество, например, экологически осознанное поведение или внимание к устойчивому развитию.

Во-вторых, отбор и обсуждение ключевых компетенций основывались на междисциплинарном подходе. Одним из начальных этапов проекта было составление докладов экспертов из разных стран по пяти научным дисциплинам (философии, антропологии, социологии, экономике, психологии), обосновывавших выбор тех или иных ключевых компетенций, исходя из вышеописанной общей точки зрения. Далее в проекте DeSeCo были также обобщены мнения представителей раз-

ных наук, практиков и политиков из многих стран о том, какие компетенции можно считать ключевыми. Списки оказались во многом схожими, но не идентичными.

В проекте принималось как данное, что на создание любого набора компетенций влияет мировоззрение автора, в том числе взглялы на общество и на человека, принадлежность к определенному теоретическому направлению; что форма, которую ключевые компетенции принимают в разных контекстах, обусловлена культурными, гендерными, возрастными и статусными факторами; что определение и отбор ключевых компетенций — это результат не только научного анализа, но и политических переговоров. Показательный пример последнего дает исследование в проекте гражданского воспитания в разных странах. Так, в разных политических системах по-разному определяется гражданственность и требования к хорошему гражданину. Например, для демократии возможны варианты: демократическое участие или демократическое представительство, прямая или непрямая, массовая или элитарная, свободное сообщество или республика. Поэтому гражданам разных стран нужны разные компетенции для выполнения роли гражданина. И какая компетенция считается ключевой, а какая нет, тоже зависит от культуры, ценностей или контекста [8].

В-третьих, в Итоговом докладе [9] по проекту DeSeCo его координаторы Dominique Simone Rychen и Laura Hersh Salganik на основе междисциплинарного анализа предложили не просто набор компетенций, а систему категорий с утверждением их взаимосвязей, и выдвинули идею необходимости всех ключевых компетенций (определенного их сочетания) в каждой жизненной ситуации.

В-четвертых, в докладе подчеркнута недостаточность определения компетенций по их результативным проявлениям (то есть несводимость к умениям и навыкам), утверждается многокомпонентная природа этих психологических предпосылок успешного действия и проводится мысль о необходимости определенного уровня развития рефлексии и самосознания как основы любой социальной компетенции.

Так, в докладе дана концептуальная схема ключевых компетенций, в центре которой — способность самостоятельно мыслить (выражающая моральную и интеллектуальную зрелость) и брать на себя ответственность за свои действия. Все множество компетенций зиждется на рефлексивном мышлении и действии. Например, рефлексивность позволяет людям, овладевшим каким-то приемом умст-

венной деятельности, затем размышлять об этом приеме, присвоить (ассимилировать) его, соотнести с другими аспектами своего опыта и изменить или адаптировать его. У людей, владеющих рефлексией, за этими мыслительными процессами также следует действие. То есть рефлексивность касается не только того, как человек думает, но и как строит свой опыт в общем плане, включая мысли, чувства и социальные отношения. Для этого человеку требуется достичь такого уровня социальной зрелости, который позволяет ему дистанцироваться от социального давления, рассматривать ситуацию с разных точек зрения, выносить независимые суждения и принимать на себя ответственность за свои действия. Одним из проявлений рефлексивности является способность иметь дело с различиями и противоречиями. В современном сложном мире иногда важнее не быстро принимать решение типа «или — или», а интегрировать аспекты реальности и цели, которые хотя и кажутся противоречащими друг другу и несовместимыми (например, автономия и солидарность, разнообразие и универсальность, инновация и преемственность), но иногда это противоречие лишь поверхностное.

На базовой способности к рефлексивному мышлению и действию, согласно схеме, основано множество взаимосвязанных и интегрированных конкретных ключевых компетенций, объединенных в три широких категории: действовать автономно; интерактивно использовать инструменты; взаимодействовать в социально неоднородных группах.

Проект DeSeCo был специально направлен на продвижение в теоретическом обосновании ключевых компетенций, на создание системы координат для разработки их индикаторов и интерпретации эмпирических результатов. И важно, что его результаты положены в основу дальнейших международных разработок, имеющих уже прикладной характер — например, проекта Measuring and Assessing Soft Skills, MASS (2009—2011) под эгидой Еврокомиссии [10].

Таким образом, на рубеже веков появились как минимум две концепции необходимых современному человеку, проектируемых как искомый результат образования, взаимосвязанных структур сложных компетентностей. И в обеих представленных структурах самостоятельность и ответственность включаются в общую базу всех компетентностей, которая должна быть, в основном, сформирована к моменту завершения общего образования и которая, в свою очередь, основывается на определенном уровне развития рефлексивного мышления.

Вместе с тем, поскольку современная практика высшего образования не предусматривает отбора абитуриентов по уровню самостоятельности и ответственности, с необходимостью не только дальнейшего развития (по И.А. Зимней) этих личностных качеств, но их формирования у студентов сталкиваются преподаватели вузов.

Для проектирования программы формирования в системе образования любого личностного качества, необходимо, как минимум, определить, что в настоящее время включается в его содержание (каким должен быть результат «на выходе» из образовательной системы), как изменяются его проявления в разные возрастные периоды развития обучающихся (какими могут быть промежуточные результаты) и какие условия способствуют формированию этого качества (подробнее см. [5]).

Рассмотрим сначала понятие «ответственность». В его значении исследователи выделяют несколько аспектов: кто является (может являться) субъектом ответственности; перед кем несет ответственность (инстанция ответственности, субъект контроля); за что несет ответственность (объект ответственности). И.С. Кон, рассматривая содержание данного понятия в разные эпохи истории человечества, определяет несколько векторов в его развитии, которые мы интерпретируем как характеристики уровней ответственности (позднее исторически сложившиеся формы ответственности являются и более сложными) и на которые можно ориентироваться при построении программы. Эти векторы: от коллективной ответственности, например, рода, семьи за своего члена — к индивидуальной (ответ на вопрос «кто»); от внешней, возлагаемой, ответственности как обязанности — к внутренней, добровольно принятой, ответственности как моральному долгу, предполагающей интериоризацию социальных требований («перед кем»); от ретроспективной, ответственности за прошлое, или вины, к перспективной, ответственности за будущее, или обязанности («за что») [3].

При решении вопроса о *субъекте ответственности* авторы отмечают, что им может быть только человек, имеющий *возможность* и *способность* осуществлять выбор и принимать решения. Так, даже юридическая (внешняя, объективная) ответственность не возлагается на лиц, находящихся в обстоятельствах непреодолимой силы, на малолетних и на лиц с психическими и интеллектуальными отклонениями, лишающими их способности оценить возможные последствия своих

действий. Следовательно, необходимыми, хотя и не достаточными, условиями ответственности, в том числе и ее развития, являются, с одной стороны, организация взаимодействия, предоставляющая субъекту возможность принимать решения, с другой — определенный уровень интеллектуального развития и предметных знаний и умений в той области, в которой принимаются решения. Здесь необходимо подчеркнуть связь ответственности с самостоятельностью.

Вопрос об *инстанции ответственности* (или *субъекте контроля*) на разных уровнях развития личности связан с уровнями ее морального сознания, которые И.С. Кон сопоставляет с типологией страха, стыда и совести как механизмов регуляции социального поведения, каждый из которых имеет два полюса — негативный и позитивный. На «доморальном» уровне сознания таким механизмом является страх возможного наказания или ожидание поощрения; на уровне «конвенциональной морали» — стыд как страх перед осуждением значимых других или потребность в их одобрении («слава» в античном понимании); на уровне «автономной морали» — совесть как стыд перед собой, также с двумя полюсами: чувством вины и чувством собственного достоинства [3].

Говоря об *объекте ответственности*, необходимо отметить его взаимосвязь на более высоких уровнях развития данного качества личности с инстанцией ответственности. Так, внутренняя, субъективная, добровольно принимаемая ответственность может быть *социальной* (представляющей собой «склонность человека вести себя в соответствии с интересами других и социального целого, а не в узкоэгоистических интересах, придерживаться принятых норм и исполнять ролевые обязанности» [4]), то есть ответственностью *за свои поступки* перед собой как перед другими, перед общностью, и *личной* — ответственностью за совершаемые в жизни выборы, *за построение своей жизни*, за нахождение и реализацию смысла своей жизни, то есть ответственностью перед собой за то, чего не потребуют другие [3]. Считаем, что задачам профессионального образования адекватно формирование социальной ответственности.

Проведенный нами анализ исследований социальной ответственности позволил выделить следующие составляющие ее содержания: выбор цели в соответствии с представлением об общем благе и саморегуляция в достижении намеченной цели. Закономерными этапами в развитии ответственности являются: а) саморегуляция в достижении предложенной другими и принятой человеком цели — ответственное

исполнение, исполнительность, дисциплинированность (что в норме может быть сформировано уже в младшем школьном возрасте); б) не только к ответственное исполнение, но и выбор, принятие самостоятельных решений (к чему в норме стремятся подростки, но не всем из них предоставляют такую возможность взрослые, часто по-прежнему ожидающие лишь исполнительности).

Неразрывно связанным с ответственностью оказывается другое, не менее важное для становления личности качество — *самостоятельность*, что, подтверждается данными исследований. Ответственность без самостоятельности, как показано выше, — исполнительность; самостоятельность без ответственности — своеволие. При этом самостоятельность также является сложным по структуре качеством.

В литературе используются понятия «самостоятельность» и «автономия», причем их значения не всегда разводятся. Сопоставим словарные значения этих терминов. Так, слову «самостоятельность» в Толковом словаре дано определение «независимость, свобода от внешних влияний, принуждений, от посторонней поддержки, помощи... способность к независимым действиям, суждениям, обладание инициативой, решительность» [7]. «Автономия» (от греч. autonomia) в том же словаре трактуется применительно к человеку с пометой «филос.» — как «независимость от извне данных норм, самоопределение», в этом значении противоположным ему является понятие «гетерономия» [7]. Отметим, что понятие «самостоятельность» является более емким по содержанию: в его значение входит как обший со значением понятия «автономия» компонент «свобода от...», так и связанный с направленностью деятельности человека компонент «свобода для...» («обладание инициативой, решительность»). При такой трактовке понятно, что автономии в определенной сфере деятельности как желания и способности действовать независимо человек достигает раньше, чем способности в той же деятельности инициативно ставить перед собой новые цели и достигать их, то есть самостоятельности, что находит отражение в работах психологов разных направлений (например, Э. Эриксон, Л. И. Рувинский). С другой стороны, автономия зрелой личности как этическое самоопределение (И. Кант, С.И. Гессен, А. Маслоу) формируется в результате интеграции опыта самостоятельности в разных видах и сферах деятельности.

Анализ психологических и педагогических исследований [5] позволяет выделить в содержании самостоятельности два аспекта: *определение границ старого* (знания, способа действия, своих личностных качеств) и постановка новых целей. Применительно к учебной самостоятельности, что особенно важно для преподавателей, эти аспекты проявляются как саморегуляция — самооценка, самоконтроль, рефлексия — и поисковая активность. Критериями качественного роста самостоятельности в учебной (познавательной) деятельности нужно считать формирование системы осознанной психической саморегуляции (А. К. Осницкий [6]) и усложнение содержания самостоятельно решаемых познавательных задач. Анализ исследований позволил выявить уровни развития учебной (познавательной) самостоятельности, следовательно — этапы ее развития (см. [5]).

Исследователи определяют высшие формы проявления самостоятельности в разных сферах, достижимые начиная со старшего школьного возраста: самообучение — для познавательной деятельности; самовоспитание (осознанное самоизменение) — для деятельности по самоизменению; самореализацию как проявление способности к индивидуальному творчеству в учебном процессе и в практической профессиональной деятельности (для студента); самоопределение как способность самостоятельно ставить цели с учетом общественных потребностей и своих возможностей, в которой соединяются самостоятельность и ответственность.

В результате проведенного нами анализа можем сопоставить содержание ответственности (выбор цели в соответствии с представлением об общем благе и саморегуляция в достижении намеченной цели) и самостоятельности (саморегуляция и поиск нового), выделив *саморегуляцию* как их общую составляющую, что позволяет вузовскому сообществу точнее направлять усилия на формирование этих результатов образования. Саморегуляция подробно исследована в работах О.А. Конопкина, А. К. Осницкого, Г.С. Прыгина и др., а в книге А. К. Осницкого [6] фактически предложен контур программы формирования самостоятельности.

Все рассмотренное выше показывает, во-первых, что личностные качества ответственности и самостоятельности являются весьма востребованным результатом образования, во-вторых, что процесс их целенаправленного формирования сложен. Тем более актуальной становится разработка программы такого формирования в системе образования, включая специальную организацию деятельности с последовательным созданием ситуаций, способствующих переходу обучающихся на более высокие уровни ответственности и самостоятельности.

Литература

- 1. Зимняя И. А. Ключевые компетенции новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. № 5, 2003. с. 34—42.
- Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11 — с. 14—20
- 3. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1989. 335 с.
- 4. Краткий психологический словарь / Ред.-составитель Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Изд. 2-е. Ростов н/Д: Феникс. 1988. 512 с.
- Лаптева М.Д., Зимняя И.А. Воспитание у школьников ответственности и самостоятельности // Воспитание школьников. 2012. № 1. — с. 26–35
- Осницкий А. К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики. — М., Нальчик: Эль-Фа, 1996. — 124 с.
- Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д. Н. Ушакова М.: АСТ, 2008. 1054 с.
- Symposium Discussion Paper/ Prepared by Dominique Simone Rychen, SFSO, Laura Salganik, ESSI. January 2002 http://www.deseco.admin.ch/bfs/deseco/en/index/04.parsys.29226.downloadList.67777.DownloadFile.tmp/2002.desecodiscpaperjan15.pdf.
- 9. The Definition And Selection Of Key Competencies. Executive Summary http://www.deseco.admin.ch/bfs/deseco/en/index/02.parsys.43469.downloadList.2296. DownloadFile.tmp/2005.dskcexecutivesummary.en.pdf.
- Teaching and Assessing Soft Skills / K. Kechagias (Ed.) Based on a work at www. mass-project.org. Thessaloniki, 2011 http://www.mass-project.org/attachments/396_ MASS wp4 final report part-1.pdf

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

(НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ДИПЛОМАТОВ И ПОЛИТИКОВ)

Для успешного осуществления профессиональной деятельности на международной арене современным специалистам высокого уровня требуется подготовка высокого качества как по специальным дисциплинам, так и по иностранным языкам (ИЯ). В этой связи к профессиональной подготовке преподавателей ИЯ в настоящее время предъявляются новые требования, которые связаны с общими социально-экономическими изменениями, а также и с конкретными проблемами, возникающими в процессе обучения студентов. Особенно актуальным представляется сформулировать данные требования на примере обучения ИЯ будущих дипломатов и политиков.

Необходимость изучения этого вопроса именно с точки зрения подготовки преподавателя ИЯ обусловлена тем, что все чаще и чаще преподаватели сталкиваются с трудностями, для преодоления которых уже недостаточно иметь хорошую теоретическую и практическую подготовку.

Безусловно, ППС вузов (преподаватели ИЯ в том числе) владеют обще-профессиональными компетенциями, регулярно проходят курсы повышения квалификации. Однако, в своей практической деятельности (каждый день в аудитории) сталкиваются с новыми трудностями, которые связаны как с требованиями нового образовательного пространства, так и с особенностями обучения какого-либо контингента учащихся. Так, например, на кафедре английского языка № 1 (факультет международных отношений) остро стоит вопрос обучения студентов с разным уровнем языковой подготовки и/или низкой мотивацией. При этом, в соответствии с программой (ФГОС 3-го поколения) к окончанию бакалавриата все студенты должны достичь уровня С1 (профессионального владения ИЯ) [2]. Зачастую, работая с такими студентами, преподавателю приходится полагаться на интуицию и свой педагогический опыт, чего не всегда бывает достаточно. Именно поэтому вопросу

о подготовке и переподготовке преподавателя ИЯ уделяется такое пристальное внимание.

Какие же требования предъявляются к подготовке преподавателя ИЯ на данном этапе? Какими компетенциями, помимо обще-профессиональных, должен владеть преподаватель ИЯ для того, чтобы обеспечить качественную языковую подготовку специалиста, профессионала высокого класса (политолога, дипломата), который на международной арене смог бы успешно принимать участие в межкультурной коммуникации и осуществлять свою профессиональную деятельность?

Прежде всего, необходимо отметить, что вопросу обучения студентов с разным уровнем подготовки и низкой мотивацией посвящено достаточное количество исследований. Многие методисты занимаются разработкой стратегий обучения таких студентов [1; 5; 6; 8]. Что касается подготовки и переподготовки преподавателей ИЯ, то здесь можно выделить три основных направления. Во-первых, сфера собственно преподавания, которая рассматривается в неразрывной связи с развитием профессиональной рефлексии (включая анализ взаимопосещений и самокорректировку) [3; 4]. Во-вторых, сфера научной работы, где решаются как собственно лингвистические, так и чисто прикладные задачи [7; 9]. И наконец, сфера профессионального развития (как на уровне участия в научных конференциях, так и участие в работе семинаров, в том числе дистанционных) [7; 9; 10; 11]. Безусловно, для эффективного построения модели непрерывного профессионального развития преподавателя ИЯ необходимо учитывать все три направления деятельности.

Для того чтобы понять, что конкретно реализуется в сфере подготовки и переподготовки преподавателей ИЯ и что еще можно предложить для оптимизации процесса обучения и устранения существующих трудностей, рассмотрим способы повышения квалификации преподавателей ИЯ.

Сейчас существует достаточное количество разных курсов повышения квалификации: языковые; по одной из частных методик (обучение языку для академического общения / для специальных целей и т.д.); по разработке языковых программ и курсов; по использованию технических средств в обучении; по оптимизации подготовки студентов к международным экзаменам (TOEFL и т.д.) Причем подготовка преподавателей может осуществляться как в аудитории, так и при помощи современных технических средств (вебинары и т.п.), а также на курсах при университетах (ФПК), во время летних стажировок в зарубежных

университетах, в ходе программ по обмену преподавателями. На языковых кафедрах организуют внутрикафедральные мероприятия: курсовые совещания и семинары по методике преподавания различных аспектов. На регулярной основе проводятся взаимопосещения занятий с последующим подробным анализом занятий.

Все вышеперечисленные формы повышения квалификации, безусловно, нацелены на развитие общепрофессиональных компетенций преподавателя ИЯ. Для обучения студентов с разным уровнем подготовки, а иногда и с низким уровнем мотивации, преподаватель должен также иметь компетенции, связанные с организацией деятельности студентов как в аудитории, так и за ее пределами. Другими словами, преподаватель должен обладать знаниями и умениями, чтобы: 1) добиться повышения интерактивности как между студентами, так и между преподавателем и студентами; 2) осуществлять контроль и оценку знаний студентов на всех этапах обучения; 3) добиться более эффективной организации деятельности студентов в аудитории и самостоятельной работы. Так, для повышения интерактивности необходимо привлекать не только всем известные формы (взаимообучение, дебаты/дискуссии, конференции, ролевые игры и кейсы), но и инновационные средства обучения (системы LMS, Moodle, блоги, вики и т.д.) Для осуществления контроля и оценки знаний студентов, а также для организации самостоятельной работы успешно используется мультимедийная лаборатория (электронные учебники и программы), в том числе электронные обучающие тренажеры. Наконец, не стоит игнорировать и такие общепринятые способы как индивидуальные консультации по выполнению отдельных видов работ и традиционные формы контроля (текущий, промежуточный, итоговый). Таким образом, особую актуальность среди компонентов содержания деятельности преподавателя ИЯ, который обучает данный контингент студентов, приобретает: детальное планирование и проведение занятия; анализ занятия; подготовка дополнительных учебных материалов; организация деятельности студентов вне аудитории.

В этой связи представляется целесообразным сформулировать актуальные для такого преподавателя компетенции [10; 11] и разделить их на три группы (связанные с планированием, проведением и анализом занятия):

1. Планирование занятия: умение критически проанализировать и дать оценку плана занятия/его фрагмента; четко и лаконично формулировать цель всего занятия и каждого этапа; умение видеть

различные варианты при планировании занятия, плюсы и минусы каждого варианта, возможные сложности для учащихся и пути их преодоления, уметь их письменно описать в плане занятия; умение правильно определять количество времени для каждого задания, умение подбирать эффективные задания для достижения педагогической цели; умение правильно определять последовательность предъявления упражнений; умение критически анализировать УМК с фокусом на конкретную аудиторию учащихся (возраст, интересы, родной язык, уровень знания языка и сильных/слабых сторон, культурные и национальные особенности, и пр.); умение адаптировать упражнения под конкретную группу; умение создавать собственные задания и упражнения под определенные методические цели, тематику/проблематику; умение разрабатывать различные виды опор (содержательные, структурные, языковые/ речевые, вербальные/невербальные); умение планировать дополнительные задания для сильных/ слабых учащихся; умение пользоваться техническими средствами при планировании занятия; умение оформлять раздаточный материал для учащихся наглядно и в читабельной, презентабельной форме.

- 2. Проведение занятия: умение выдерживать комфортный рабочий темп без излишней спешности/затянутости; умение упрощать язык для целей преподавания; умение использовать различные типы упражнений и режимы работы, их сбалансированное соотношение; умение варьировать типы заданий и упражнений, режимы и темп работы на уроке; умение учитывать национальные, культурные особенности целевой аудитории, предыдущий опыт работы с данной группой; умение оформлять записи на доске аккуратно и наглядно; умение создать позитивную рабочую атмосферу в аудитории и вовлечь всех учащихся в работу на уроке при любой ее форме (фронтальной, в группах, в парах, индивидуальной); умение четко и понятно формулировать инструкции к заданиям, а также варьировать степень сложности заданий и упражнений (с помощью опор, изменения инструкций к заданиям, видоизменения текста-стимула и др.); умение пользоваться техническими средствами в аудитории (во время выполнения определенных заданий).
- 3. Анализ проведенного занятия: умение и способность к самооценке и самокорректировке (профессиональная рефлексия); умение выделить сильные и слабые стороны занятия, дать конструктив-

ные рекомендации по конкретным ситуациям, имевшим место на занятии.

Кроме того, наряду с самоконтролем своей педагогической деятельности преподаватель может использовать результаты анонимного опроса среди студентов или слушателей, отзывы руководства о своей работе, а также отзывы коллег после посещения занятий.

Таким образом, все вышеперечисленное, несомненно, послужит оптимизации процесса обучения и повышению качества подготовки специалистов, которые будут успешно взаимодействовать со своими иностранными коллегами.

Литература

- 1. Коряковцева Н. Ф. Теоретические основы организации изучения иностранного языка учащимися на базе развития продуктивной устной деятельности: дис... док. пед. наук / Н. Ф. Коряковцева. М., 2003.
- 2. Программа дисциплины «Иностранный язык (основной)». «Английский язык». Уровень «Бакалавриат». ФГОС ВПО 3-его поколения. Для студентов факультета международных отношений МГИМО (У) МИД РФ. М., 2013.
- Barduhn S. What keeps teachers going? What keeps teachers developing? SPELTA 22.11.2010
- Barratt L. The NNEST Lens: Non Native English Speakers in TESOL (Editor: Ahmar Mahboob). Cambridge Scholars Publishing, 2010.
- David K. M. Consciousness Raising of Communicative Strategies A Springboard to Language Proficiency. In Basil Wijasuriya and Hyacinth Gaudart (eds.) Teaching and Learning English in Challenging Situations. pp. 45–50. Kuala Lumpur: Malaysian English Language Teaching Association.
- Ellis R. Communication Strategies and the evaluation of communicative performance. ELT38–1, 1984. pp. 39–44ciation, 1992. Farrell, Thomas S.C. (2013). Reflective Practice in ESL Teacher Development Groups. From Practices to Principles. Palgrave Macmillan.
- 7. Insights into the European Portfolio for Student Teachers of Languages (EPOSTL). (2012) (Editor: David Newby). Cambridge Scholars Publishing.
- 8. Knapp-Potthoff A. Interkulturelle Kommunikationsfahigkeit als Lernziel. In: Knapp-Potthoff / Liedke (Hg.). Munchen, 1997. pp. 181–205.
- 9. Richards, Jack C. (2011). Competence and Performance in Language Teaching. Cambridge University Press.
- 10. Team CELTA Course Materials: www.pearltrees.com.
- 11. TKT Materials: https://www.teachers.cambridgeesol.org/ts/.../tkt.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анализ основных тенденций развития современного общества, литературы по вопросам внедрения общеевропейской системы высшего образования в РФ (Ю. Н. Афанасьев, В. И. Байденко, В. А. Болотов, Л.С. Гребнев, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, В.В. Краевский, О.Е. Лебедев, С. И. Плаксий, В. В. Сериков), анализ международных документов, регулирующих интеграционные образовательные процессы в Европе, текстов «Национальной доктрины образования Российской Федерации», «Концепции модернизации Российского образования на период до 2010, 2025 гг.» и других документов, относящихся к сфере реформирования высшего образования, позволяет выделить глобальные тенденции, определяющие направления развития отечественного образования в целом, и лингвистического в частности. Среди таких направлений выделим следующие: переход от научения к присвоению знаний; от образования на всю жизнь к образованию в течение жизни; от фронтального обучения к индивидуализации обучения; от изолированности методов, подходов к обучению, преподаваемых дисциплин к интегративному обучению; от традиционных к инновационным, в том числе мультимедиа образовательным технологиям; от изолированности национальных образовательных систем к глобализации и вызванной ею унификации образования.

Данные направления определяют обновленные цели образования, требования к результату обучения иностранному языку. Рассмотрим пути модернизации процесса изучения иностранного языка в соответствии с выделенными направлениями.

Первое направление — переход от научения знаниям к присвоению знаний. Даже в традиционной парадигме за обучением и изучением языков признается определенная специфика. Под обучением иностранному языку в рамках высшей школы понимается планомерность и системность, специальным образом отобранное и методически проинтерпретированное учебное содержание, наличие серии приемов,

способов работы, нацеленных на запоминание обучающимися этого содержания и на контроль со стороны обучаемого уровня и степени владения учебным материалом, определенная ограниченность во времени (Гальскова, 2000). Обучение иностранному языку представляют как специальным образом (институционально) организованный процесс, в ходе которого в результате взаимодействия обучаемого и обучающего осуществляется воспроизведение и усвоение определенного опыта в соответствии с заданной целью (Гальскова, 2000).

В зарубежной методике обучение иностранному языку в высшей школе предполагает не только получение знаний, изучение правил, тренировку навыков и умений, а прежде всего — *изучение* языка, то есть осознанный процесс, предполагающий эксплицитно выраженное использование и усвоение правил и языковых элементов (W. Edmondson, J. House 1993).

Обозначенный подход к обучению вызывает необходимость рассмотреть такие понятия как *языковая личность и языковое сознание. Представим наиболее емкие характеристики последних. Языковая личность* (Караулов, 1987) — вид полноценного представления личности, вмещающий психический, социальный, этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс; — оценочный критерий, предоставляющий ориентир при построении систем обучающих действий, характеризующая готовность производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи, это многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, которые классифицируются по видам речевой деятельности и по уровням языка (Богин, 2001). *Языковое сознание* — внутренний процесс планирования и регуляции внешней деятельности с помощью языковых знаков (Тарасов, 1992).

Тем самым обосновывается, что изучение иностранного языка подразумевает преломление психологического и социального в структуре личности через язык; развитие способностей, умений, готовностей к осуществлению иноязычных речевых действий; регуляционных, мотивационных механизмов. Сказанное позволяет констатировать невозможность языкового развития без учета процессов, происходящих в личности в ходе овладения ею иностранным языком.

Второе направление — смена принципа обучения «образование на всю жизнь» принципом «образование в течение жизни». Иноязычная компетенция развивается в ходе обучения в вузе и на протяжении всей

жизни. Для профессионального роста, стажировки за границей, продолжения обучения, получения смежной специальности, ученой степени за границей, работы в иностранной компании выпускнику вуза необходимо обладать способностями и готовностями для адаптации к новым иноязычным лингвопрофессиональным и научно-профессиональным средам, присвоению лингвопрофессиональных компетенций в контексте второго, третьего иностранного языка (в том числе языка профессии). Специфика предмета «Иностранный язык» в силу природы приобретения, развития и поддержания языковых умений и навыков предполагает развитие языковой компетенции в течение всей жизни.

Третье направление — переход к индивидуализации в обучении; внедрение новых образовательных, в том числе мультимедиа технологий. Иностранный язык обладает большими возможностями для асинхронной организации учебной деятельности — освоение материала в любое удобное для студента время: дистанционное, заочное обучение (интерактивные компьютерные учебные курсы, тренажеры, задания в тестовой форме для самостоятельной работы; мультимедийные курсы лекций; учебные курсы в виде традиционных учебников, предназначенных для самостоятельного изучения и др.).

Особые развивающие возможности занятий по иностранному языку наблюдаются при синхронной форме организации учебной деятельности. Подтипы последней предполагают формы: поточно-групповая, групповая, индивидуально-ориентированная. К примерам реализации принципа индивидуализации при вышеуказанных формах организации процесса обучения можно отнести следующие:

- 1. Внутригрупповая индивидуализация учебной работы. Сочетание фронтальной работы с группой и индивидуальной работы с отдельными студентами. Варьирование материала для группы наиболее успевающих, особо интересующихся тем или иным вопросом студентов, которые более глубоко изучают материал по дополнительным источникам, расширяют знания; индивидуальная работа с отдельными студентами (для восполнения пробелов, расширения и углубления знаний).
- 2. Индивидуальные консультации (для преодоления учебных трудностей; ликвидации академической задолженности).
- 3. Прохождение учебного курса в индивидуальном темпе: убыстрение (акселерация), или замедление (ретардация) (Унт, 1990); например, при реализации тьюторства как формы обучения. Для каждого

студента составляется специальный вариант учебной программы, определяется объем материала, подлежащего усвоению, скорость его изучения, индивидуальные формы работы.

4. Самостоятельная работа в мультимедийной языковой лаборатории (восполнение пропущенного материала; получение дополнительной информации; выполнение задания по изученным темам и домашнего задания с использованием разных источников).

Дифференциация обучения проявляется при отборе в языковую группу, когда обучающиеся распределяются по группам с учетом личностных особенностей и уровня обученности для работы по различным учебным планам и (или) программам:

- 1. создание группы начинающих, которые переходят на основную программу обучения с третьего курса;
- 2. переход студентов из групп первого иностранного языка в группу второго иностранного языка с соответствующим сокращением аудиторной нагрузки;
- 3. комплектование групп (со смешанным / одинаковым рейтингом). Четвертое направление — переход к глобализации и унификации, предполагает реализацию принципов Болонского соглашения. Выявлено, что реализация требований Болонского соглашения в России имеет определенную специфику, обусловленную фундаментальностью, профессиональной направленностью, единством государственных стандартов, и рядом других факторов, присущих российскому высшему образованию.

Интеграция России в общеевропейское образовательное пространство диктует помимо прочего переход вузовских программ на двухступенчатую систему «бакалавриат — магистратура». В бакалавриате изучаются фундаментальные науки, методы и инструменты получения и анализа знаний, основные курсы прикладной науки, предполагается общая специализация. Магистратура предполагает узкую специализацию.

Выстраивание иноязычного обучения на уровне бакалавриата-магистратуры в соответствии с общеевропейскими стандартами затрагивает все уровни учебной деятельности. Процесс развития иноязычной компетенции приобретает ряд особенностей, отличающих его от обучения на других уровнях системы образования.

Так, при переходе из школы в бакалавриат происходит изменение в стиле учебной деятельности (постепенное преобладание творческого, эмоционально-ценностного стиля); способах организации

учебного процесса (смена горизонтальной и вертикальной мобильности — адаптация к изменяющимся макросоциальным условиям); форме общения / соотношении времени говорения обучающего и обучающегося; количестве обучающихся в языковых группах (7-10 человек): форме контроля (появление принципиально новых форм; формате лексико-грамматического тестирования; анализе и интерпретации текстов, в том числе с учетом их профессиональной направленности; в регламентации времени подготовки и количества печатных знаков контрольных материалов; в количестве часов на изучение языка (увеличение количества часов на практику языка): самостоятельной работе (увеличение удельного веса самостоятельной работы, изменение форм самостоятельной работы); объеме / сложности учебного материала (возрастание объема и сложности учебного материала); направленности развития компетенций (развитие прагматических компетенций; умений конспектировать, работать с первоисточниками, других профессионально-значимых компетенций): поддержании дисциплины (отсутствие родительских собраний; выставление рейтингов; возможность отчисления).

Различия межпредметных связей школьного и вузовского курсов очевидны и находят свое отражение в содержании лингвопрофессионального обучения. Кроме этого студент-первокурсник сталкивается с рядом условий, имеющих беспрецедентный для него характер.

В этой связи следует также обозначить соответствующую разницу между обучением в условиях специалитета и бакалавриата. Прежде всего, сокращение программы обучения на один год предполагает раннюю общую специализацию и присуждение первой степени (квалификации). Таким образом, темпы адаптации ускоряются, студент осознает ответственность за результаты обучения; раньше, чем в специалитете задумывается о дальнейшем трудоустройстве (стажерство, интернатура, практика в государственных, частных коммерческих компаниях). К окончанию пятого семестра студент психологически готов к трудоустройству, может определить свои профессиональные предпочтения, ориентироваться на рынке труда, определяется относительно дальнейшего трудоустройства после окончания бакалавриата, либо делает выбор в пользу обучения в магистратуре и, в последующем, в аспирантуре.

Болонская система предполагает введение *системной научной ра- боты*. Для реализации данного требования необходимы сформированность самостоятельности студентов в их научно-ориентированной

лингвопрофессиональной деятельности; выработка умений обработки иноязычных научных текстов, поиска и оформления научной литературы на иностранных языках, составления текстов статей, тезисов, выступлений; сформированность навыков публичных выступлений на иностранном языке.

Еще одним принципом, заслуживающим комментария, является непрерывная *мотивация* студентов, для реализации которой требуется введение форм и содержание обучения соответствующего потребностям студентов, их возрасту, оптимальное сочетание сложности / посильности выполнения заданий, ориентир на будущую лингвопрофессиональную деятельность.

Введение прозрачности контроля означает, что система зачетных единиц (кредитов) предоставляет возможности: составления индивидуальных учебных планов, свободного определения последовательности освоения дисциплин, самостоятельного составления личных семестровых расписаний учебных занятий; стимулирующей балльно-рейтинговой системы оценки результатов учебной деятельности студентов; свободы выбора методики обучения (Рабочий материал к образовательному стандарту, 1999). Введение дискрипторов уровня владения языком способствует большей прозрачности оценивания — студенты могут на любом этапе самостоятельно определить свой уровень овладения иностранным языком; скорректировать процесс обучения; выработать умения самостоятельного поддержания языковой компетенции, в частности при работе над языковым портфелем («языковой паспорт»; «биография»; «досье» (Глоссарий терминов рынка труда). Пользуясь таблицами для самооценки и дескрипторами, представленными в контрольных листах, студенты самостоятельно определяют собственные достижения в овладении различными видами речевой деятельности. Построенное таким образом обучение опирается на принцип постоянного повышения качества на основе обратной и опережающей связи (ECTS Users' Guide).

Изменение системы контроля влечет расширение возможностей влияния студентов на процесс обучения. В данном контексте идет речь о принципе элективности (при выборе аспектов изучения языка, учебного расписания, преподавателей). В связи с этим вытекает необходимость увеличения времени на самостоятельную работу, индивидуальную работу с преподавателем, использование активных форм обучения, мультимедийных, компьютерных, кейсовых технологий.

Реализация принципа *модульного* обучения предполагает ответственное отношение обучающихся к освоению иноязычных компетенций, инициативность, осознанность учения, так как студент приобретает право самостоятельного выбора необходимого ему модуля/модулей, последовательности их изучения, для чего необходимо осознание общей структуры изучаемой профессии, оценки необходимости изучения определенных дисциплин, определения значимости той или иной дисциплины, аспекта изучаемого языка с позиций будущей лингвопрофессиональной деятельности.

Принцип *мобильности* способствует подготовке студентов к продолжению обучения в вузах других стран, то есть к полному погружению в общение на иностранном языке (в частности — английском), как в профессиональной, так и около профессиональной, бытовой сферах: язык(и) обучения, учебных пособий и материалов, библиотечных фондов, конференций, научных публикаций.

Принцип *интегративности* предполагает не только применение междисциплинарных подходов к обучению иностранному языку, но и адаптацию интегративных методов, стратегий обучения; применение интегративного преподавание иностранного языка и профильных дисциплин; аспектное преподавание языка профессии.

Таким образом, в обновленных условиях происходит реструктуризация прежней образовательной модели по всем направлениям: в области профессиональной деятельности, ее объектов, видов, задач, учебно-воспитательной, социально-педагогической, организационно-управленческой и научно-методической деятельности. Актуализируются все компоненты структуры личности: мотивационно-ориентировочный, центральный (исполнительский), контрольно-оценочный на уровне взаимодействия «студент-преподаватель», «студент-студент», «вуз-преподаватель», «вуз-студент».

Литература

- 1. Афанасьев Ю. Н. Гуманитарная природа образования (единство двух образовательных моделей) [Электронный ресурс] / Ю. Н. Афанасьев. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/gum obr.htm.
- 2. Байденко В.И. Образовательный стандарт: теоретические и концептуальные основы (Опыт системного исследования) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В.И. Байденко. М., 1999. 38 с.
- 3. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику / Г.И. Богин. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.

- 4. Болотов В. А. Основные подходы к созданию общероссийской системы оценки качества образования в Российской Федерации / В. А. Болотов // Вопросы образования. 2004. № 90. С. 90.
- Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранному языку / Н.Д. Гальскова. — М.: АРКТИ-Глосса, 2000. — 165 с.
- Гребнев Л. С. Болонский процесс и «четвертое поколение» образовательных стандартов / Л. С. Гребнев // Высшее образование в России. — 2011. — № 11. — С. 29–41
- 7. Зеер Э.Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Э.Э. Сыманюк. М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2005. 215 с.
- 8. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И.А. Зимняя. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
- 9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М. : Наука, 1987. 261 с.
- Краевский В. В. Формирование содержания образования как часть педагогического проектирования / В. В. Краевский // Вопросы конструирования общего среднего образования / под ред. В. В. Краевского. — М.: НИИОП, 1980. — С. 3–14.
- 11. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании / О.Е. Лебедев // Школьные технологии. 2004. $\mathbb{N}_2$ 5. С. 3–12.
- 12. Плаксий С.И. Болонский процесс / С.И. Плаксий // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 217—219.
- 13. Рабочий материал к образовательному стандарту по английскому языку / под ред. Н. И. Роговцевой; комит. по образ. Санкт-Петербурга, С.-Петерб. гос. унт пед. мастерства, Британ. Совет. СПб., 1999. 47 с.
- Сериков В. В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. В. Сериков, В. А. Болотов // Педагогика. — 2003. — № 10. — С. 8–14.
- 15. Тарасов Е. Ф. Проблемы теории речевого общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Ф. Тарасов. М., 1992. 55 с.
- 16. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения / И.Э. Унт. М. : Педагогика, 1990. 188 с.
- 17. ECTS Users' Guide [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://europa.eu.int/comm/education/socrates ects.html.
- 18. Edmondson, W. Einfuerung in die Sprachlehrforschung / W. Edmondson, J. House. Tuebingen; Basel: Francke, 1993. 343 p.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ПОЛИТОЛОГОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ СРЕДСТВАМИ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Современные коммуникационные процессы, образующиеся в трудовом пространстве, требуют от субъектов взаимодействия умения эффективно общаться и на иностранном языке, в том числе. Иностранный язык становится необходимым средством осуществления коммуникации между представителями разных культур. Возрастающее значение процессов коммуникации, в частности межкультурной профессиональной коммуникации, требует целенаправленной подготовки будущих политологов-международников к профессионально-ориентированному общению на иностранном языке.

В процессе подготовки специалистов международного профиля, в том числе политологов-международников, иностранный язык выступает не просто как одна из учебных дисциплин, а как средство ведения межкультурного диалога. Как отмечает Е. В. Воевода: «Оживление межкультурной коммуникации делает иностранный язык необходимым средством для диалога культур, интеграции России в мировую экономическую систему, осуществление совместных научно-технических проектов с другими странами» [3, с. 4]. С другой стороны, межкультурная коммуникация определяется как «вербальное и невербальное общение субъектов, принадлежащих к различным лингвокультурным сообществам на языке-посреднике или на языке одного из субъектовкоммуникаторов» [5, с. 177]. В широком смысле межкультурная коммуникация понимается и как общение в поликультурной среде. В связи с этим, профессиональная деятельность в поликультурной среде требует от специалистов международников проявления гибкости мышления, умения адаптироваться к новым условиям среды и традициям других стран, проявлять уважение к представителям иных культур, а также обладать лингвострановедческими знаниями для эффективного общения. Осуществление профессиональной деятельности в поликультурной среде требует особого внимания к развитию межкультурной компетенции в процессе подготовки специалистов международного профиля. Формирование межкультурной компетенции является неотъемлемой составляющей языкового образования политолога-международника наравне с такими компетенциями как лингвистическая, аналитическая, ценностно-смысловой ориентации, использования информационных технологий.

Все вышесказанное делает актуальным формирование межкультурной компетенции у политологов-международников, обеспечивающей ему в профессиональной деятельности ведение диалога культур.

Понятие межкультурной компетенции возникло в 90-х годах XX века в результате быстрого развития процессов глобализации и интеграции, в связи с чем увеличился процент коммуникационных процессов между представителями разных культур. Межкультурная компетенция может трактоваться как набор знаний, умений и навыков, позволяющих людям успешно общаться в поликультурной среде как на профессиональном, так и на бытовом уровнях. К примеру, Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез определяют межкультурную компетенцию как «способность, позволяющая личности реализовать себя в рамках диалога культур, т. е. в условиях межкультурной коммуникации. Ее становление осуществляется во взаимосвязи освоения иноязычного кода и развития культурного опыта человека, в составе которого можно вычленить отношение человека к себе, к миру, а также опыт творческой деятельности» [4. с. 346].

Важность развития межкультурной компетенции у студентов политологов-международников отражается в проекте образовательного стандарта МГИМО МИД РФ как среди общекультурных, так и среди профессиональных компетенций. Согласно требованиям к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата выпускник факультета Политологии МГИМО МИД РФ должен быть готов к кооперации с коллегами в работе коллектива, в том числе в международной поликультурной среде; к работе в многонациональном и поликультурном коллективе; владеть эмоционально-волевой саморегуляцией в соответствии с этикой межличностных отношений в поликультурном обществе (ОК—3); уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия (ОК—4); осознавать значение гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации; принимать нравственные обязанности по

отношению к окружающей природе, обществу, другим людям и самому себе (OK-7); к социальному взаимодействию на основе принятых в обществе моральных и правовых норм, проявлять уважение к людям, толерантность к другой культуре; нести ответственность за поддержание партнерских, доверительных отношений (ОК-9): к социальному взаимодействию, к сотрудничеству и разрешению конфликтов; к социальной мобильности; обладанию чувством социальной ответственности (ОК-13); уметь использовать иностранные языки для решения профессиональны задач (ОК-25). Основные профессиональные коммуникативные компетенции в соответствии с видами профессиональной деятельности: в организационно-управленческой деятельности: способность вести диалог и переговоры на профессиональные темы на родном и двух иностранных языках; владеть техниками установления профессиональных контактов и развития профессионального общения, в том числе на иностранных языках (ПК-19); в проектной деятельности: учитывать социальные конвенции делового общения, в том числе в международной среде, и иметь устойчивые навыки их применения на практике (ПК-22); в дипломатической и международно-политической деятельности: участвовать в международных переговорах, в том числе на иностранном языке, формулировать убедительные аргументы в поддержку собственной позиции и находить компромиссные решения (ПК-28); в информационно-аналитической деятельности: владеть техникой реферирования и информационно-аналитической работы с использованием материалов на русском и как минимум двух иностранных языках (ПК-30) и т.д.

Основываясь на некоторых вышеперечисленных общекультурных и профессиональных компетенциях, зафиксированных в Образовательном стандарте МГИМО МИД РФ, можно заключить следующее. Одной из приоритетных задач высшего профессионального образования по направлению «Политология» является развитие толерантной, способной к кооперации в международной поликультурной среде личности, владеющей иностранными языками и способной к межкультурному диалогу с представителями других культур. Здесь возникает вопрос о том, каким образом эффективно готовить будущих выпускников к межкультурному общению и формировать межкультурную компетенцию, в частности на уроках иностранного языка. Е. В. Воевода отмечает, что «для практического использования языка необходимо овладеть как знаниями о системе языка, так и умением ими пользоваться в процес-

се общения» [3, с. 5]. Увеличение межкультурных коммуникационных процессов в реальном трудовом пространстве ведет к тому, что обучение общению в учебной среде выходит на передней план, в связи с этим сегодня широко используются интерактивные технологии, позволяющие имитировать будущее профессиональное общение.

Игровые интеракивные технологии приобрели особую популярность в последнее время в области обучения иностранным языкам. Например, в МГИМО МИД РФ на протяжение нескольких лет поводится общеинститутская деловая игра «Модель ООН», вовлекающая огромное количество участников из разных вузов, являясь примером того как посредством интерактивных игровых технологий можно развивать лингвистическую и межкультурную компетенции. Игра проводится на иностранном языке, преимущественно на английском, участники принимают на себя роли политических деятелей той или иной страны, что способствует более глубокому изучение культуры и традиций другой страны, воспитывает уважение и интерес к культурному многообразию.

Согласно определению А. П. Панфиловой «игровые интерактивные технологии — это игры, построенные на групповом диалогичном и полилогичном исследовании возможностей действительности в контексте личностных интересов участников» [6, с. 109]. Автор отмечает отличительные черты интерактивных игровых технологий: имитация определенного аспекта целенаправленной человеческой деятельности; участники получают различные роли, которые предопределяют различие их интересов в контексте игры; игра регламентируется определенными правилами; деловые и ролевые игры зачастую носят условный характер (А. П. Панфилова).

Данный тип технологий часто рассматривается как «новые образовательные технологии», отличительными чертами которых являются: «доминирование игровых процедур, использование принципа моделирования, предусматривается интенсивное межличностное общение, реализуется принцип партнерства, педагог превращается из информатора в менеджера» [1, с. 10]. Как отмечает В. П. Бугрин, «большое внимание, уделяемое этим (интерактивным) технологиям в последнее время, объясняется тем, что они дают возможность осуществлять обучение в обстановке, максимально приближенной к реальной жизни» [1, с. 10].

Интерактивные технологии, активизирующие учебный процесс, имеют ряд неоспоримых преимуществ: позволяют охватить большой спектр тем и проблем; способствуют большей активности и вовлечен-

ности участников, их взаимодействию при выработке решений; способствуют появлению различных качеств личности как положительных, так и отрицательных; что немаловажно, формируют ценностные ориентации и установки профессиональной деятельности, помогают преодолевать стереотипы (А. П. Панфилова).

В рамках интерактивных технологий в системе высшего образования широко применяются ролевые игры, используемые как отдельный элемент, так и как составляющие деловой игры. По определению А. А. Вербицкого «ролевая игра — игровая форма контекстного обучения, основная цель которой — развитие у будущих специалистов способностей межличностного общения и взаимодействия в условиях совместной профессиональной деятельности» [2, с. 77]. По определению той же А.П. Панфиловой «ролевая игра — это способ расширения опыта участников посредством предъявления им неожиданной ситуации, в которой предлагается принять позицию (роль) кого-либо из участников и затем выработать способ, который позволит привести эту ситуацию к достойному завершению» [6, с. 128]. Ролевая игра осуществляется по заданному сценарию, в соответствии с разработанным комплектом ролей и имеет определенный сюжет, позволяет учащимся взглянуть на будущее профессиональное общение со стороны и оценить свои возможности. Л. И. Федорова выделяет следующие компоненты ролевой игры: «задачи, сюжет, правила, средства, роли, игровые действия, игровую ситуацию, результат» [7, с. 82].

В плане формирования межкультурной компетенции ролевая игра представляет особый интерес, так как дает возможность участникам примерить на себя другую роль или войти в положение других, чтобы лучше понять их позицию.

Другой пример интерактивных технологий — *имитационные игры*, получившие широкое распространение в образовательном процессе. А. А. Вербицкий определяет имитационную обучающую модель следующим образом: «имитационная обучающая модель — моделируемые ситуации будущей профессиональной деятельности или ее крупные, законченные в смысловом отношении фрагменты, предполагающие практическое использование теоретической информации в процессе их анализа и принятия соответствующих решений. Единицей работы студента становится профессионально подобное предметное действие, основная цель которого — практическое преобразование имитируемых профессиональных ситуаций и приведение их к решению задачи»

[2, с. 64]. В имитационной игре выделяется модель среды или управляющей системы. Эти игры проводятся в три этапа: подготовительный этап — участники погружаются в среду, получают необходимые инструкции, знакомятся с материалами игрового задания; игровой этап — рассмотрение и анализ проблемы, в котором обучаемые принимают активное участие, обычно этот этап состоит из различных периодов; заключительный этап — группа предлагает свое решение проблемы, обсуждает возможные пути решения с другой группой, предлагает свой проект (А. П. Панфилова).

Для повышения качества учебного процесса широко используются деловые игры. «Деловая игра — форма моделирования в образовательном процессе предметного и социального содержания осваиваемой студентами профессиональной деятельности» [2, с. 62]. А. П. Панфилова трактует это понятие следующим образом: «деловая игра — модель взаимодействия людей в процессе достижения целей экономического, политического или престижного характера. Это форма деятельности людей, имитирующая те или иные практические ситуации, одно из средств активизации учебного процесса в системе образования» [6, с. 139]. Отличительные особенности данного вида интерактивных технологий: общая выработка решений всеми участниками игры, распределение ролей между участниками, моделирование будущей профессиональной деятельности, возможность выбора альтернативных решений. Существуют разные виды деловых игр в зависимости от поставленной цели: производственные, исследовательские, квалификационные и дидактические или учебные (А. П. Панфилова).

Деловая игра имеет свою специфику: описание объекта моделирования; воссоздание структуры профессиональной деятельности; моделирование условий профессиональной деятельности; совместная деятельность участников игры; наличие проблемности, сложных конфликтных ситуаций, требующих разрешения, наличие правил игры, разработанная система оценки участников, также самоорганизация деятельности студентов (Л. И. Федорова).

Основными целями использования деловой игры являются: получение опыта в области деловой коммуникации, приобретение социальных норм при выработке решений, корректирование мотивации и личных ценностей, развитие навыков работы в коллективе, а также выработка коллективных решений, конструктивное взаимодействие с участниками обсуждения (А. П. Панфилова).

Таким образом, использование интерактивных технологий в обучении иноязычному общению специалистов международного профиля позволяет им в учебной среде отработать четкий механизм принятия решений в ситуациях, схожих с будущими профессиональными, снимать противоречия между абстрактными заданиями и реалиями будущей профессиональной деятельности, моделировать межкультурные ситуации и условия профессиональной деятельности, то есть стать полноправными участниками межкультурного диалога.

Литература

- 1. Бугрин В.П. Делова игра «Терминологическое поле игротехника» (ТЕРПИ) / В.П. Бугрин. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2003. 62 с.
- Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения / А. А. Вербицкий. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2004. — 84 с.
- 3. Воевода Е.В. Основные направления профессионально ориентированной языковой подготовки специалиста-международника. Монография / Е.В. Воевода. Москва: МГОУ, 2009. 142 с.
- 4. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 336 с.
- 5. Лютова С. Н. Основы Психологии и коммуникативной компетентности: курс лекций / С. Н. Лютова. М.: МГИМО—Университет, 2007. 268 с.
- 6. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение / А. П. Панфилова. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 192 с.
- Образовательный стандарт федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования МГИМО (У) МИД РФ. Направление подготовки «Политология». — М.: МГИМО—Университет, 2013.
- 8. Федорова Л.И. Игра: дидактическая, ролевая, деловая: решение учебных и профессиональных проблем / Л.И. Федорова. М.: Форум, 2009. 176 с.

ЧАСТЬ ІІ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

За всю историю интернет стал самым быстро растущим средством коммуникации. Масштабы использования интернета неуклонно возрастают — если в начале 2008 г. насчитывалось 1.4 млрд пользователей, то в 2012 г. число пользователей достигло 2.4 млрд [1]. В сети размещено несколько миллиардов сайтов и изображений, а объем передаваемых через интернет данных удваивается ежеквартально. В России на 2012 г. интернетом пользовалось 47% взрослого населения страны — то есть около 55 млн человек [2].

Интернет является ключевой инфраструктурой формирующегося глобального информационного общества, оказывает влияние на политическую, экономическую и социокультурную сферы на всех уровнях — от глобального до локального. На политическую повестку дня, внутригосударственную и международную, выдвигаются проблемы, связанные с управлением интернетом, — информационной безопасности, свободы слова в информационном обществе, защиты частной жизни, регулирования электронной коммерции, перспективы цифровой экономики, защиты интеллектуальной собственности, борьбы с киберпреступностью, преодоление «цифрового разрыва», новые направления технологического развития, «облачная» обработка данных и др. Принимая во внимание растущую значимость технологии, можно предположить, что в перспективе вопросам управления интернетом будет уделяться не меньше внимания, чем проблемам изменения климата и энергетической безопасности. В этих условиях вопросы власти и порядка в интернете, контроля над Всемирной сетью стали предметом жарких дипломатических споров в начале XXI века.

В России, так же как и во всех других государствах мирового сообщества, происходит осознание огромного потенциала интернеттехнологий, приходит понимание того, что без надлежащего государственного участия в управлении интернетом наша страна может так и не стать полноправным участником глобального информационного

общества. Россия активно участвует в международных переговорах по данной тематике, что является практическим воплощением официальной позиции нашей страны, изложенной как в Стратегии развития информационного общества [3], так и в Концепции внешней политики [4], в соответствии с которыми перед российской дипломатией ставится задача обеспечить эффективное вхождение страны в глобальное информационное общество. При этом отмечается необходимость обеспечить баланс между развитием и безопасностью в информационной сфере.

Интернет и вопросы управления им напрямую связаны с процессами глобализации, проблематикой глобального управления. Современные тенденции мировой политики нашли свое отражение в управлении интернетом. Рядом авторов высказываются предположения, что именно в данной области складываются новые модели многоуровневого глобального управления, в котором участвуют как правительственные, так и неправительственные акторы, в перспективе обладающие потенциалом распространения на другие сферы международных отношений.

Интернет представляет собой сложную и неоднородную макросистему, объединяющую очень большое число различных информационных сетей. В основе интернета лежит набор программных инструкций, широко известных как протоколы, используемых для пакетной передачи данных между сетями. Базовые протоколы — TCP (Transmission control protocol) и IP (Internet protocol). IP разбивает информацию на пакеты, отмечая адреса отправителя и получателя информации, чтобы пакеты могли достичь адресата; TCP отвечает за качество передачи информации. При этом существует целый ряд дополнительных протоколов, регламентирующих стандарты передачи видео- и голосового трафика, обеспечивающих определенный уровень безопасности и надежности при передаче данных и др. Важно отметить, что интернет формирует глобальное информационное пространство, постепенно приобретающее черты СМИ.

Интернет представляет собой сложную и неоднородную макросистему, объединяющую очень большое число различных информационных сетей. Современный интернет состоит из технической инфраструктуры, включающей в себя серверы, маршрутизаторы, кабели, компьютеры конечных пользователей, и передающейся по этим сетям информации, т.е. собственно содержания интернета. Самым популярным сервисом интернета, делающим его столь удобным для пользователя, является «Всемирная коммуникационная паутина» (World Wide Web, WWW), представляющая собой связанные гиперссылками графически представленные текстовые страницы, изображения, видео в сочетании с необходимым программным обеспечением для их распространения и воспроизведения. Другими видами сервисов являются электронная почта, файлообменные или реег-to-реег сети, IP-телефония, электронные платёжные системы и др. Связную работу интернета как единой информационной системы обеспечивает система доменных имен и корневых серверов.

В западной литературе часто используется понятие киберпространства, под которым понимается виртуальный носитель информации, не привязанный к определенной территории, но доступный в любой точке мира через интернет [5]. Несмотря на то что информация, размещенная в интернете, хранится в компьютерных системах, которые расположены на территории той или иной страны, киберпространство транснационально, оно как бы находится вне территории государств.

С помощью интернета люди могут одновременно получать и обмениваться информацией, причем не только текстовой, но и аудиовизуальной. В отличие от традиционных СМИ, интернет дает возможность пользователям быть не только получателями, но и активными творцами информации, причем зачастую новостной и иной контент, создаваемый самими пользователями, пользуется большей популярностью, чем сводки ведущих СМИ.

Масштабы использования интернета неуклонно возрастают — если в начале 2008 г. насчитывалось 1,4 млрд пользователей, то к концу года число пользователе достигло 1,6 млрд, причем рост этот достигнут в основном за счет азиатского региона, число пользователей в котором за год возросло более чем на 1,2 млн человек. В 2012 г. число пользователей технологии превысило 2,4 млрд. Если телефону, чтобы занять 30% рынка домашних хозяйств, потребовалось 38 лет, то интернету — всего 7 [6]. В целом с 2000 г. количество пользователей интернета в мире выросло на 342% [7]. Интернет стал самым быстро растущим средством коммуникации за всю историю человечества. На сегодняшний день охват интернета глобален, при этом наибольшее число пользователей проживает в Азии (44% от общего числа, всего более 1 млрд), на втором месте Европа (21.5% от общего числа, всего 518 млн), затем Северная Америка (11% от общего числа, всего 273 млн). Менее

всего пользователей в Австралии и Океании (1% от общего числа, всего 24 млн) [8]. В России 2012 г. интернетом пользовалось 47% взрослого населения страны, то есть около 55 млн человек, при этом по числу пользователей лидируют Москва и Санкт-Петербург, несмотря на постепенное преодоление цифрового разрыва, особенно за счет сельской местности. В целом уровень проникновения интернета в РФ достаточно низкий — 47%, однако в крупных городах он превышает 60% [9]. Статистические данные показывают, насколько велик вес интернета как средства коммуникации в современном обществе.

Исследователи «Проекта управления интернетом» при Сиракузском университете (Internet governance project) [10] выделяют следующие особенности интернета, которые следует принимать во внимание в ходе анализа управления им.

- 1. Открытость стандартов интернет основывается на открытых технических стандартах, которые может бесплатно использовать каждый. В ряде случаев в стандартах интернет-протоколов используются запатентованные технологии, но они, как правило, доступны по разумной цене.
- 2. Рыночные механизмы сети, составляющие интернет и соединяемые протоколами, принадлежат различным организациям, в большинстве случаев представителям частного бизнеса. Большая часть инвестиций исходит от частного сектора. Услуги и соединение координируются в основном на рыночной, контрактной основе.
- 3. Интеллектуальные средства и контрольные функции сосредоточены на периферии Сети. Функция Сети передача информации, сами протоколы технологически нейтральны.
- 4. Глобальный характер: интернет не локализован ни в одном национальном государстве, соединение устанавливается вне зависимости от национальных границ [11].

Определение интернета, как и любой другой технологии, будет неполным без характеристики последних тенденций в развитии Сети.

1. Основное количество вновь подключающихся пользователей проживает в странах Азии и Ближнего Востока, по экспертным оценкам эти регионы сохранят свой потенциал для интернет-технологий и в обозримом будущем. Как следствие, второй по распространенности язык в интернете — китайский [12] и у него есть все шансы обойти английский, особенно после внедрения многоязыч-

ных доменных имен (многоязычные доменные имена — имена, представленные символами национальных алфавитов, а не только латинского алфавита). Россия также стремится занять достойное место в интернет-пространстве и упрочить позиции русского языка. В 2010 г. был создан домен на кириллице «.рф». Таким образом, в будущем мы станем свидетелями действительно многоязычного интернета.

- 2. Идет формирование т. н. повсеместной сети, или Web 3.0. Большая часть подключений осуществляется не с помощью стационарных компьютеров (как это было предусмотрено создателями сети), а с помощью мобильных телефонов и иных типов устройств, использующих, как правило, динамические IP-адреса (динамические IP-адрес а присваиваются устройству, подключаемому к сети, только на время подключения, в отличие от традиционных, статических IP-адрес ов, которые присваиваются устройствам (персональным компьютерам), на неограниченный период времени.
- 3. Широкое распространение получают блоги, социальные и реегto-peer сети, вследствие чего пользователи уже не являются пассивными получателями информации, а ее активными создателями, зачастую создавая серьезную конкуренцию ведущим медиа компаниям. В 2009 г. впервые число пользователей социальных сетей превысило число пользователей электронной почты, причем социальные сети намного более популярны среди женщин, а не мужчин. В настоящее время число пользователей социальной сети Facebook превышает 1 млрд, причем наибольший прирост пользователей Facebook наблюдается в таких регионах, как Россия, Индия, Бразилия, Ближний Восток и Африка. Быстро развиваются и национальные социальные сетевые сервисы — так, по данным компании Alexa, российская социальная сеть «В контакте» занимает 19-е место в мире по объему трафика (для сравнения «Facebook» занимает 1-е место, а китайская социальная сеть «QQ» — 8-е) [13].
- 4. Наметилась тенденция к конвергенции телекоммуникаций или появления унифицированных коммуникаций. Постепенно происходит объединение интернета и других телекоммуникационных технологий: радио, телевидения, телефона и др. на основе IP-сетей или сетей, основанных на пакетной передаче данных.
- 5. Широкое распространение получает т.н. «облачная» обработка данных. Все больше цифровых ресурсов отдельных пользовате-

лей и организаций хранится и обрабатывается на т.н. «серверных фермах», т.е. комплексах крупных хранилищ данных. Услуги «облачной» обработки данных предоставляют такие компании, как Google, Microsoft, Apple, Amazon и Facebook. Распространение такого рода технологий в условиях возрастающей зависимости общества от информации делает интернет действительно трансграничным, но при этом обостряет политическое измерение контроля перемещения информационных потоков в интернете.

Интернет является ключевой инфраструктурой, вокруг которой формируется глобальное информационное общество. Как правило, термины «постиндустриальное», «технотронное», «информационное», «сетевое», «общество, основанное на знаниях» используются как синонимы. В научной литературе концепция «информационного общества» является относительно устоявшейся.

Под информационным обществом понимают общество, ключевое значение в формировании, развитии и функционировании которого играет информация. Причем информация и используемые для ее передачи технологии определяют экономические, политические, культурные, социальные и другие характеристики информационного общества.

Несмотря на то что большинство исследователей соглашаются с тем, что категория информации является ключевой в определении информационного общества, даваемые ими определения понятия «информационное общество» существенно отличаются. Так, авторитетный американский социолог М. Кастельс понимает под информационным обществом общество, построенное по сетевому признаку, где ключевое значение имеет принадлежность к той или иной сети, к такой, например, как сети крупных транснациональных компаний или СМИ. Ученый неомарксистского толка Г. Шиллер вкладывает в понятие информационного общество несколько иной смысл. По его мнению, в информационном обществе ключевое значение имеют капиталистические отношения, информация становится товаром, а крупные транснациональные корпорации получают возможности эксплуатации слаборазвитых в экономическом плане государств. Таким образом, Г. Шиллер рассматривает информационное общество в контексте неомарксизма. Теоретическое осмысление и систематизация различных концепций информационного общества представлено в работе Ф. Уэбстера «Теории информационного общества» [14].

Термин «информационное общество» получил широкое распространение и в официальных документах на международном (напр., Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая «Группой восьми» в 2000 г., итоговые документы Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, проходившей под эгидой ООН в 2003 и 2005 гг. и др.) и национальном уровнях (в т.ч. в официальных документах Российской Федерации, таких как Стратегия построения информационного общества 2008 г., Долгосрочная федеральная целевая программа «Информационное общество 2011—2018» и др.).

Т. Фридман в книге «Лексус и оливковое дерево», написанной в 1999 г., подчеркивает взаимосвязь между развитием интернета и процессами глобализации [15]. Позднее, в 2005 г., в книге «Плоский мир» он утверждает, что интернет и другие информационные технологии сделали нас «соседями», убивают географию, расстояние и язык [16]. По его мнению, все то, что сегодня понимается под глобализацией, а именно свободный обмен товарами, капиталами, рабочей силой, невзирая на расстояния и государственные границы, не было бы возможным без обмена информацией, знаниями, идеями.

Интернет оказывает влияние на политические, экономические, социальные характеристики современного общества. Благодаря интернету информация фактически становится общедоступной в любом месте и в любое время. Присущие интернету открытость, децентрализованный характер, сетевая организация, по мнению ряда исследователей, способствуют демократизации, становлению глобального гражданского общества, усилению взаимозависимости [17]. И хотя по мере роста коммерческой значимости Сети политические и экономические интересы во все большей степени начинают определять направления эволюции интернета, базовые характеристики, изначально присущие технологии, а именно открытость, доступность, децентрализованный сетевой характер и глобальность охвата информации, на сегодняшний день являются определяющими в рамках информационного общества.

Соглашаясь с доводами Т. Фридмана, нельзя не отметить, что развитие интернета отнюдь не влечет за собой гомогенизацию и универсализацию мира, а также не разрешает проблему конфликтности, присущей международной системе. Ответом на стремительный рост объема мировой информации и глобализационные процессы является сегментация и маргинализация общества. Государственные, гео-

графические разграничения дополняют новые информационные границы. Авторитарные государства Китай, Мьянма, Бирма, Пакистан и др. ограничивают информационные потоки с помощью крупных интернет-компаний, таких как «Yahoo» и «Google», которые стремятся закрепиться на перспективных рынках развивающихся государств и поэтому передают органам государственной власти конфиденциальную личную информацию пользователей их услуг, блокируют доступ к определенным сайтам.

Развитие интернета создает новые линии неравенства между «инфо-богатыми» и «инфо-бедными», что порождает противоречия на международной политической арене. Речь идет о проблеме «цифрового разрыва», которая нашла свое отражение в Окинавской хартии информационного общества, в которой призывалось сделать все возможное, чтобы каждый человек имел «возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям» [18]. Цифровой разрыв — неравенство в доступе к информационным технологиям как внутри отдельной страны, так и между странами. Цифровой разрыв является отражением существующего в мире социально-экономического неравенства.

В условиях быстрого развития интернета, доступности информации, дешевизны доступа к соответствующим технологиям обостряется проблема информационной безопасности. Появляются новые вызовы и угрозы, такие как информационная преступность, информационный терроризм, а также межгосударственное противоборство в информационной сфере. Трансграничный характер интернета обусловил необходимость поиска ответов на те вызовы, которые ставит информационное общество на международном уровне.

Литература

- 1. Internet World Stats. Usage and population statistics. URL:www.internetworldstats. org (дата обращения: 01.09.2013).
- 2. Новый выпуск бюллетеня «Интернет в России. Весна 2010» // Фонд развития интернета: официальный сайт URL:http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/int290610 pressr.
- 3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 7.02.2008. Пр-212. URL:http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/453f799b9fe0637cc32573f3002b2558?OpenDocument.

- Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г. 303-18-02-2013. URL:http://mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289 bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!OpenDocument.
- 5. См., напр.: Barlow J. A Declaration of the Independence of Cyberspace. 1996. URL:http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html.
- 6. Политические коммуникации: учебное пособие. / под ред. А. И. Соловьева М.: Аспект Пресс, 2004. С. 266.
- 7. Internet World Stats.Usage and population statistics. URL:http://www.internet worldstats.com/stats.htm (дата обращения: 01.09.2013).
- 8. Там же.
- 9. Развитие интернета в регионах России // Информационный бюллетень Яндекс. Весна 2012. URL: http://download.yandex.ru/company/ya_regions_report_spring 2012.pdf.
- 10. Проект управления интернетом: официальный сайт. URL:www.igp.org (дата обращения: 01.09.2013).
- 11. Mathiason J. Internet Governance: The State of Play // Internet Governance Project. 2004. URL:http://dcc.syr.edu/miscarticles/MainReport-final.pdf.
- 12. Internet World Stats. Usage and population statistics. URL:www.internetworldstats. org (дата обращения: 01.09.2013).
- 13. Top Sites. Alexa Rank. The top 500 sites on the web. URL:http://www.alexa.com/topsites (дата обращения: 01.09.2013).
- 14. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2005. 400 с.
- Friedman T. The Lexus and the OliveTree. N.Y.: Farrar Straus & Giroux, 1999. 394 p.
- 16. Friedman T. The world is flat: a brief history of the twenty-first century. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007. 660 p.
- 17. См., напр.: Governance.com: Democracy in the Information age / ed. by C.Kamarck, J.Nye. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2002. 192 р.
- 18. Окинавская Хартия глобального информационного общества. «Группа восьми». Окинава, 2000. URL:http://www.ifap.ru/ofdocs/okinhar.htm.

В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ОКРУЖЕНИЯ

Одновременность восприятия и мышления в электронном коммуникационном окружении

Линейность требует соответствующей ей последовательности и логичности. Одновременность же означает, что, во-первых, человек исходит прежде всего из того, что дано ему непосредственно и сразу, а во-вторых — выделяет при этом то, что для него важнее всего и оставляет, тем самым, все прочее на заднем плане (как это происходит с каждым при взгляде на рабочий стол компьютера с множеством расположенных на нем указателей-значков).

В исследованиях режима одновременности то, что становится предметом внимания, называется фигурой, а то, что при этом вытесняется на задний план, — фоном. Когда в качестве фигуры выделяется любой другой элемент, то прежняя фигура уходит в фон, — и т. д. Режим одновременности восприятия и мышления в действии представляет собой, тем самым, обновление соотношения «фигура/фон» — в отличие от работы сознания в режиме линейности, когда предмет берется в чистом виде, сам по себе, поскольку никакого предполагающего фигуру фона нет и не требуется (что известно каждому из геометрии Евклида с ее прямоугольниками, треугольниками и кругами, берущимися как таковые), что, собственно, и позволяет человеку, который этим режимом пользуется, рассуждать линейно, последовательно и логично.

Подход по принципу линейности известен очень хорошо в том смысле, что он был выделен в качестве ведущего еще в античности и до сих пор является таковым при создании множества программ обучения в школах и вузах. С принципом одновременности сложнее. Хотя обоснования его приоритетной роли в условиях электронного окружения (которое для нас навсегда) появились в научном сообществе, по крайней мере, в 1960-х годах, но до сих пор, пользуясь языком Т. Куна, можно сказать, что он по преимуществу является аномалией [1]. В результате образовался своеобразный разрыв между тем, что происходит с сознанием под воздействием электронных средств коммуникации в действительности, и тем, что понимается при этом не только в теории, но и на практике.

Несколько иллюстраций действия принципа одновременности в этой связи, которые — при всей своей очевидности, — требуют, по-видимому, некоторого пояснения. Нынешнюю молодежь, как это можно нередко услышать, называют первым компьютерным поколением, имея в виду, что речь идет о людях, в жизни которых компьютер был всегда. С этим утверждением можно, конечно, согласиться, если иметь при этом в виду, что верно оно не для всех. Так, на начало 2013 г. лишь 19% российских граждан имели дома компьютер. Что же касается семей бедняков, то компьютеры были лишь в 6 % из них. Наивысшая концентрация нищеты среди молодежи — в рабочих поселках: там 25% людей моложе 30 лет живут за гранью и на грани бедности (в крупных городах — 16%, меньше всего нищей молодежи в малых городах — 9%). Этот показатель наглядно демонстрирует, что проникновение интернета в стране совсем невелико, а его значимость для умонастроений обычно преувеличивают. По стране в целом навыки работы на компьютере имеют лишь 38% населения, а среди бедных — 19%) [2].

Что же касается иллюстраций принципа одновременности в действии, то речь здесь идет о людях, которые устойчиво живут в электронном коммуникационном окружении и в силу этого привычно применяют ведущую в нем одновременность восприятия и мышления к другим областям жизни. В результате возникают конфликтные ситуации, неизвестные ранее.

Вот, например, по дороге в МГИМО от станции метро Проспект Вернадского меня обгоняет студентка. Идет она так быстро, что через минуту-другую исчезает из виду. Казалось бы, надо только радоваться. Но дело в том, что в то же самое время она еще курит, то есть делает то, что делать совсем нежелательно, поскольку это не просто вредно, но может даже привести к инсульту (при ходьбе сосуды расширяются, а под действием никотина они сужаются, и в результате имеет место так называемая «игра сосудов», которая может закончиться их поломкой).

Можно заметить, что человек, идущий в наушниках, чаще толкается. Другой пример в этой связи, когда человек на свое горе сделал принцип одновременности первичным: во время судебного процесса в Австрии судья, узнав, что пешеход, которого сбила машина, переходя улицу, был в наушниках и слушал рок-музыку, тут же решил дело в пользу сбившего его водителя, имея в виду, что для пешехода в то время важнее было пространство одновременности, создаваемое музыкой, а не пространство улицы, требующее от восприятия линейной последовательности.

Лет десять тому назад во время лекции в одном университете какая-то студентка, встав между столами, расставленными в учебной аудитории, и подняв руку, воскликнула: «Наше поколение завоевало право пить пиво на улице!» И действительно, под влиянием электронной одновременности для многих стало естественным пить на ходу, не считаясь с риском споткнуться, прикусить язык или сломать себе зубы.

Ведущая роль электронной одновременности с массовым распространением телевидения

До сих пор ведущим теоретиком воздействия электронного коммуникационного окружения является канадский исследователь Маршалл Маклуэн. Вполне закономерно, что он в первую очередь стал и объектом яростной критики тех, кто привычно считал, что книга, изготовленная типографским способом, — с ее требованиями линейной последовательности и логичности — является ведущей силой исторического прогресса. Сам Маклуэн десятки лет преподавал английскую литературу, но, поскольку он писал о воздействии телевидения, эти критики увидели в нем человека, стремившегося лишить книгу ее возвышающей человечество роли, поставив на ее место телевидение с его неразборчивостью и мгновенностью воздействия и ратуя, тем самым, за «телевизионный рай».

Со временем эта критика сошла на нет, поскольку выяснилось, что речь у Маклуэна шла совсем о другом: о роли электронного коммуникационного окружения, не только ставшего с годами для множества людей само собой разумеющимся, но и действительно требующего к себе повышенного внимания. Тем не менее, у нас перепевы этой критики со всеми ее не позволяющими правильно понять суть дела анахронизмами живы до сих пор. И сегодня можно выйти на сайт «Московского Комсомольца» и прочесть там статью А. Минкина «Ночь Тарковского», опубликованную газетой в 2002 году [3], где автор пишет о Маршалле Маклуэне следующее:

«Он верил, что телевидение, распространяя одинаковую информацию по всей земле, превратит человечество в «глобальную деревню», где все все обо всех знают; исчезнут войны, национальные конфликты, исчезнут раздоры политических партий и сами политические партии.» Маклуэн «радовался телевизору, как ребенок новой игрушке.» [4]

Вот что писал Маршалл Маклуэн о телевидении на самом деле:

— 1964 г. — «Дитя телевидения — это инвалид, которому не положены привилегии» [5];

- 1967 г. «Телевидение действует как ЛСД. Мы не должны позволять этого»; «Мы бы очень выиграли, если бы несколько лет прожили без телевидения»; «Было бы очень хорошо, если в Америке не было бы телевидения вообще.» [6];
- 1977 г. «Безопасная доза телевидения для детей что-то около нуля»; «Телевизор демобилизует мускулы глаза. Поэтому дитя телевидения не может читать. Это не теория, а факт, который мы смогли обнаружить и продемонстрировать» [7].

Что же касается упомянутой журналистом «глобальной деревни», то — опять же — речь у Маклуэна идет совсем о другом, о том, что посредством электронных инфокоммуникаций электричество продолжает центральную нервную систему до образования «глобального объятия», упраздняющего пространство и время на нашей планете (скорость электричества примерно равна 300 000 км. в секунду), и все на ней становится все более непосредственно взаимосвязано. В результате люди все больше «втягиваются» в жизнь друг друга. Неудивительно, что образующаяся в результате «глобальная деревня» «абсолютно обеспечивает максимально возможное несогласие по всем вопросам» [8].

В 2004 г., обнаружив статью А. Минкина, для ознакомления с взглядами Маршалла Маклуэна я направил ему материал, выдержки из которого привел здесь. Он позвонил мне домой, первым делом спросив: «Вы за нас?» В ответ я попросил, по крайней мере, убрать из его статьи, размещенной в интернете, то, что не соответствует действительности, полагая, что сделать это он будет только рад. Но, как сегодня может убедиться каждый, не тут-то было. Своеобразной дезинформацией является, кстати, и ссылка А. Минкина на источник, из которого, как он сказал, он взял рассуждения о Маршалле Маклуэне. Как он пишет, «один из крупнейших российских психологов передал мне книжечку «Идеологическая функция технократических концепций пропаганды», изданную в 1977 под грифом «ДСП» (для служебного пользования), крошечным тиражом, для тех, кому положено.»

Но дело в том, что реферативные сборники, о которых у Минкина идет речь, как раз и читали, в основном, те, кому было именно положено, то есть сотрудники НИИ, занимавшиеся разработкой представленной в них проблематики. Что же касается тиража этого издания (пятьсот экземпляров), то по сегодняшним меркам он не удивляет (недавно знакомый социолог с гордостью восклицал: «Мою книгу раскупили, тираж ее — пятьсот экземпляров!»).

Для сравнения: в конце 1960-х г. автор был среди тех, кто написал книгу «Массовая культура: иллюзии и действительность». Затем книга была сдана в Издательство «Искусство», где ее «мурыжили» около пяти лет, издав, наконец в 1975 г., когда директором Издательства стал К. М. Долгов, да и то самым маленьким разрешенным тогда тиражом: пять тысяч экземпляров.

Люди электронной одновременности

Как бы то ни было, но дело в том, что сейчас в учебные аудитории действительно приходит студенческая молодежь, привычно пользующаяся электронными средствами коммуникации (которые кто-то с целью, о которой я могу только догадываться, успешно научил множество людей у нас называть «медиа»). Это значит, что перед нами люди, для которых первичность одновременности восприятия и мышления само собой разумеется, то есть люди, не привыкшие располагать свои мысли в единстве линейности, последовательности и логичности и которым уже в силу этого бывает трудно и даже очень трудно понимать традиционно выстроенную учебную информацию. Иначе говоря, не следует особенно удивляться, когда при виде того, что то, что ранее считалось само собой разумеющимся, у них не встречает такую поддержку. Это проявляется, например, в равнодушии к конспектированию (хотя, казалось бы, и им нетрудно догадаться, что, не записав текст, они его скоро по большей части забудут), в неумении точно воспроизвести и проанализировать учебный текст, в равнодушии к грамматике и даже к точному прочтению мало знакомого слова.

Недавно, например, чуть ли не в один и тот же день у меня на занятиях это продемонстрировали две студентки третьего курса. Одна из них, смотря в распечатанный ею текст, только с четвертого или пятого раза правильно прочла, наконец, термин «потребительная стоимость» (до этого каждый раз она уверенно говорила «потребительская стоимость»), другая в аналогичной ситуации вместо аристотелевского термина «энергийная потенция» так же уверенно «читала» «энергетическая потенция».

Чтобы выявить неслучайный характер таких оговорок, обратим внимание на четыре вещи, характеризующие понимание сообщений в рамках электронного коммуникационного окружения:

1. извлечение информации (information retrieval);

- 2. информационные перегрузки (information overload);
- 3. распознавание образа (схемы) (pattern recognition) как способ построения схематизма, управляющего восприятием и мышлением;
- 4. интерфейс как результат построения (interfacing) программы восприятия предметов, соотносимых через интервал.

Коротко об этом можно сказать следующее:

- 1. Само по себе извлечение информации (например, из памяти) это вещь, которая всегда с нами, то есть ничего удивительного в ней самой по себе нет. Но дело в том, что посредством электронных средств коммуникации «как пылесосом» так или иначе извлекается все, что накоплено в памяти человечества (в том виде, например, в каком он размещается в интернете), и этот материал, пройдя соответствующие «фильтры», в огромном количестве изо дня в день предлагается для общественного восприятия.
- 2. В результате возникают широко известные «информационные перегрузки».
- 3. А если по существу, то при таком изобилии поступающих сообщений голове человека не хватает времени, чтобы справиться с их пониманием линейно-последовательно, и тогда она переключается на режим «распознавание образа», когда внимание обращается на характеризующие текст, содержательно обобщающие его конфигурации, посредством которых, в основном, и происходит его понимание. Неудивительно, что со временем распознавание образа становится важной областью усилий ученых по созданию как средств исследования, действующих по принципу одновременности, так и соответствующих им управленческих средств.

На переход работы сознания на распознавание образа Маршалл Маклуэн обратил внимание еще в 1960-х гг. Имея в виду распознавание образа как средство восприятия телевизионного изображения, в книге «Понимание средств коммуникации (Understanding Media)» он пишет:

«Пожалуй, наиболее широко известным и трогательным результатом воздействия телевидения является осанка школьников младших классов при чтении. Независимо от того, насколько хорошо они видят, с приходом телевидения они стали держать печатный текст на расстоянии 6,5 дюймов (примерно 16,5 см. — B.T.) от глаз. Наши дети пытаются относиться к печатной странице так же, как если бы перед ними

было телевизионное изображение, вовлекающее в процесс восприятия все органы чувств. Превосходно демонстрируя скрытые в нашей психике возможности подражания, они четко следуют предписаниям, полученным от общения с телевизором [9].»/

Вот вам и студентки, которые далеко не сразу правильно прочли текст. Как это и свойственно людям, живущим в электронном коммуникационном окружении, читая не очень знакомый им текст, они сразу принялись за распознавание его образа, построив схему понимания текста на основе того, что привычно известно.

Одно замечание в этой связи. В ближайшие годы появится много новых профессий, привлекательных и хорошо оплачиваемых. Об этом с помощью интернета может узнать каждый, в том числе, конечно, и студенты. Поэтому они могут спросить преподавателей: «А что же вы нас не учите этим новым профессиям?» На что те могут, конечно, возразить: «А как же им можно учить, когда их еще нет?»

Но есть и другой ответ. Дело в том, что новые профессии будут появляться в рамках именно электронного коммуникационного окружения. Поэтому будут они достаточно доступны тем, кто с этим окружением на ты.

Литература

- 1. Петров М. К. Перед «Книгой Природы». Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в. // Природа. 1978, № 8, с. 23—28.
- 2. 59% населения России бедняки. http://ttolk.ru/?p=9100.
- 3. Минкин A. Ночь Тарковского. http://www.mk.ru/social/article/2002/04/12/168539-noch-tarkovskogo.html.
- McLuhan M. Understanding media, New York: The New American Library, 1967, p. 289.
- 5. McLuhan: Hot & Cool, New York: The New American Library, 1967, p. 286.
- 6. McLean's, 1977, March 7, p. 9.
- 7. Le Monde, 1977, 18 oct.
- Терин В. П. Глобально-управленческий подход и проблемы обновления России // Десять лет внешней политики России: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / Под ред. А. В. Торкунова; Российская ассоциация междунар. исследований; МГИМО (У). — М.: РОССПЭН, 2003, с. 220–227.
- 9. Маклуэн М. Телевидение. Робкий гигант. // ТВ-87: Телевидение вчера, сегодня, завтра. М.: Искусство, 1988, с. 167.

РОССИЙСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ВОПРОСАМ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ

Управление интернетом с 2003 года признается одной из актуальных проблем мировой политики и не утрачивает актуальности по сей день. Участие в международных дискуссиях по вопросам управления интернетом представляет собой сегодня элемент внешней политики многих государств. Россия среди них занимает особое место, будучи государством, которое, не действуя радикально (подобно КНР, Саудовской Аравии или Ирану, политика которых может быть расценена как явно направленная на раскол единого глобального информационного пространства интернета), тем не менее регулярно выступает с инициативами, оказывающими заметное влияние как на мировой политический дискурс управления интернетом, так и непосредственно на развитие и использование технологий сетевого информационно-коммуникационного взаимодействия.

Управление интернетом привлекает внимание исследователей-политологов из разных стран мира. Предпосылки для этого созданы классическими концепциями информационного общества. Ещё Дэниел Белл говорил о неизбежности изменения структур управления в постиндустриальном обществе [2, с. 333]. Элвин Тоффлер, один из наиболее влиятельных футурологов XX века, также писал о «сознательном контроле над развитием технологий» [16, с. 466]. Уже в 1970 году Э. Тоффлер говорил о необходимости сотрудничества учёных из самых разных областей и политиков для создания адекватной системы управления технологическим развитием. Шведские исследователи Александр Бард и Ян Зодерквист в своей работе «Netoкратия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» развили мысль о трансформации моделей управления. По их мнению, во многих сферах, в том числе и в средствах массовой коммуникации, усиливаются такие модели взаимодействия, которые предполагают взаимодействие в сети. «Информационное общество контролируется с помощью разного рода сетей и связей» [1, с. 189].

Основываясь на наработанных теоретических подходах, к проблеме управления интернетом обращаются такие исследователи как К. Бэрзилай-Нахон и Г. Бэрзилай [21], А. Клаузет, К. Мур и М. Ньюман [23],

Р. Коллинз [24] и многие другие. Наиболее известная монография на эту тему написана Й. Курбалийей и Э. Гелбстайном [10].

В российском политологическом дискурсе в целом сложилось представление об интересах Российской Федерации в вопросах управления интернетом [7; 18]. Однако конкретные инициативы Российской Федерации в вопросах управления интернетом пока не удостоены оценки политологов.

Говоря об управлении интернетом, исследователи нередко выносят за скобки вопросы контроля государств за использованием интернета на своей территории. Для обозначения этого вида вмешательства государств в информационное пространство интернета часто используется другой термин «регулирование интернета» [27]. Однако определение управления интернетом, разработанное Рабочей группой по управлению интернетом, созданной по решению Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, включает в себя в том числе «разработку и применение правительствами ... процедур принятия решений, ... регулирующих ... применение интернета» [29, с. 4]. Поэтому можно сказать, что регулирование использования интернета в каждой стране также является частью процесса управления интернетом. Настоящий доклад в связи с этим охватывает российские инициативы и на данном направлении.

В ходе подготовки к Тунисскому этапу Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества российская сторона заявила, что ни одно правительство не должно осуществлять единоличный контроль в сфере управления интернетом. С тех самых пор и по сей день Россия придерживается позиции, согласно которой ведущей организацией по глобальным вопросам управления интернетом должен стать Международный союз электросвязи [15].

В управлении интернетом на национальном уровне политика Российской Федерации менее последовательна. На открытии второго Российского форума по управлению интернетом, прошедшего 12 мая 2011 года в Москве, тогдашний министр связи и массовых коммуникаций Игорь Щёголев заявил: «Мы выступаем за свободное развитие интернета и не собираемся вводить жесткий тотальный контроль функционирования интернета в России» [20]. Однако зачастую предложения российских органов свидетельствуют об обратном. Так, например, в апреле 2011 года начальник центра защиты информации и спецсвязи ФСБ Александр Андреечкин заявил, что «Федеральная

служба безопасности обеспокоена использованием в России сервисов передачи данных с применением систем шифрования на основе зарубежных алгоритмов (например, Skype, Gmail, Hotmail), видя в них потенциальную угрозу национальной безопасности РФ» [17].

Одной из наиболее важных инициатив России в сфере управления интернетом является введение национального домена с кириллическим написанием. Россия стала одной из первых стран в мире, выступившей с инициативой создания домена высшего уровня (странового) на национальном языке — «рф». Род Бекстром, генеральный директор ICANN, говоря об исторической важности факта, что РФ стала первой страной с кириллическим доменом, подчеркнул, что «многие из 96 миллионов россиян, которые на данный момент не пользуются интернетом, могут войти в следующий миллиард пользователей интернета» [22]. Действительно, введение национального домена с использованием русского алфавита способствует не только формализации присутствия России во всемирной сети, но и привлечению новых пользователей российского интернета. Введение кириллического домена позволяет в большей степени использовать потенциал интернета пользователям с невысоким уровнем освоения навыков работы в интернете, что представляет особую актуальность в небольших населённых пунктах на периферии российской территории.

Кроме того, в контексте российских инициатив в сфере управления интернетом примечательно проведение в РФ Российского форума по управлению интернетом. Как указано на сайте форума, цель мероприятия — «объединить все профессиональные точки зрения и организовать дискуссию для поиска консенсуса между государственными органами, профессиональным телекоммуникационным сообществом, бизнесом и гражданским обществом по вопросам дальнейшего развития интернета в России и в мире и обеспечения его безопасного функционирования» [13]. Важной чертой Российского форума является присутствие на нём высокопоставленных чиновников из влиятельных международных организаций, например ICANN. В целом, Российский форум по управлению интернетом способствует активизации участия российских представителей в форумах и конференциях глобального уровня, что увеличивает потенциал продвижения российских интересов в сфере управления интернетом при выработке международных норм в данной области. Проведение конференций и форумов по управлению интернетом даёт возможность достаточно быстро договориться

о приемлемых моделях поведения, определить приоритетные направления и способы взаимодействия по актуальным вопросам, которые ставит перед российским обществом интернет.

В 2008 году Международный союз электросвязи заявил о введении Глобальной программы кибербезопасности. Как отметил руководитель информационно-аналитической службы межрегиональной общественной организации «Информация для всех» Евгений Альтовский, «пять принципов Глобальной программы кибербезопасности — это почти дословное изложение позиции, которую отстаивали российские эксперты... Теперь можно сказать, что ... наша страна задала вектор работы в этом направлении для всего мира» [6]. Факт участия РФ в разработке Глобальной программы кибербезопасности свидетельствует об амбициях России занять лидирующие позиции в сфере управления интернетом.

Также российской инициативой в сфере управления интернетом является предложение о создании «Кодекса поведения в интернете», высказанное российской делегацией в Гармиш-Партенкирхене на Международном форуме по информационной безопасности, прошедшем с 24 по 28 апреля 2011 года. Стоит отметить, что данный форум был созван также по инициативе России [8]. Однако практически полное отсутствие упоминаний данного мероприятия в мировых СМИ свидетельствует о нежелании и неготовности мирового сообщества всерьёз воспринимать российские инициативы, а также саму Россию в качестве активного субъекта международного режима управления интернетом.

Саммит «Группы восьми» во французском Довиле, прошедший с 25 по 26 мая 2011 года, стал первым межгосударственным мероприятием подобного формата, где обсуждались вопросы управления интернетом. Однако в ходе переговоров выяснилось, что взгляды сторон на управление интернетом существенно разнятся. Российские предложения касались прежде всего вопроса авторских прав. Д. А. Медведев предложил пересмотреть традиционные нормы права, которые, будучи принятыми более полувека назад, не могут адекватно отражать современные реалии [11]. Данную позицию поддержал премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. Однако большинство лидеров странучастниц «Группы восьми» придерживались более консервативной позиции в этом вопросе, поэтому предложение России не было отражено в декларации саммита. Несмотря на то, что вся вторая часть декларации посвящена интернету, никаких новых предложений в его регули-

ровании там не выдвигается [25].

Большая часть российских инициатив в сфере управления интернетом приходится на время президентства Д.А. Медведева и во многом обусловлена его персональным интересом к данной сфере. Однако и после его ухода с поста Президента инициативы не прекратились. Самыми громкими из них можно назвать введение в России реестра запрещенных сайтов [14] и подготовленную совместно с Китаем, Саудовской Аравией и рядом других стран для Конференции МСЭ, состоявшейся в декабре 2012 года в Дубае, инициативу, заключающуюся в том, что правительства государств должны получить право регулировать доступ к сайтам, присваивать, изымать и распределять айпи-адреса и доменные имена. Оба эти шага нацелены на обретение государством суверенитета над частью информационного пространства интернета. Однако как первую, так и вторую инициативу нельзя признать успешными. Запрещённая информация распространяется не только через веб-сайты, которые блокируются, но и через одноранговые и прочие анонимные сети. Да и блокирование сайтов не означает невозможности доступа к ним с территории государства: огромное количество прокси-серверов и анонимайзеров помогают пользователям пройти по запрещённым адресам, а общедоступный «Единый реестр» только способствует популяризации таких адресов [9]. А от предложений, подготовленных для конференции МСЭ, России пришлось отказаться из-за публичной критики со стороны США и ЕС [5].

Из менее заметных инициатив, относящихся к 2012—2013 годам, можно назвать развитие доменов верхнего уровня на кириллице [3] и создание некоммерческого партнёрства «Чистый интернет», планирующего получить от Роскомнадзора функцию регулирования списка запрещенных сайтов [12]. Последний шаг призван создать видимость коллективного государственно-общественного регулирования интернета в России.

Таким образом, наиболее удачной инициативой России в сфере управления интернетом следует признать введение доменов верхнего уровня на кириллице. Гораздо менее успешны ее попытки перестроить существующую организационную структуру управления интернетом.

Петербургский политолог И.А. Быков считает введение кириллических доменных имён скорее имиджевым моментом, нежели отображением реального влияния во всемирной паутине [4]. Развитие событий в последние годы подтверждает его точку зрения.

Однако, на наш взгляд, как российские политологи, так и российские политики преувеличивают политическую роль ICANN в вопросах управления интернетом, и поэтому главной целью им долгое время виделась передача полномочий этой корпорации на международный уровень. На наш взгляд, такое повышенное внимание неоправданно, и более эффективным и перспективным направлением является изучение механизмов фактического влияния на интернет как коммуникационную технологию. Действительно, по соглашению с Министерством торговли США ICANN делегированы полномочия по обеспечению бесперебойной работы интернета путём осуществления функций, в совокупности известных как IANA (администрация адресного пространства интернета) [26]. Однако перечень функций, выполняемых ICANN, далеко не полностью охватывает возможные виды деятельности, которые можно охарактеризовать как управление интернетом. Кроме того, даже переданные ICANN функции она не всегда в силах выполнять самостоятельно. В частности, роль ICANN в координации работ по выработке технических параметров протоколов весьма условна. На деле эту координацию осуществляет неформальная международная организация разработчиков — IETF [19]. Но её значение пока недооценивается российскими властями и иными участниками дискуссий об управлении интернетом в России. Именно этим, вероятно, обусловлены нападки России на ICANN, воспринимаемую как организацию, управляющую интернетом в интересах Соединённых Штатов Америки. Необходимо отметить, что все желающие, жители любых стран мира могут принимать активное участие в деятельности ІЕТГ, представляющей собой открытое сообщество разработчиков интернет-стандартов, и каждый может в ходе этой деятельности оказывать влияние на развитие технологической платформы интернета таким образом, чтобы аспекты управления интернетом, входящие в компетенцию ICANN (прежде всего, маршрутизация на корневых серверах системы доменных имён, а также распределение блоков айпи-адресов и обслуживание доменных зон верхнего уровня), не имели бы такого стратегического значения, которое у них есть сейчас.

Но Россия не идёт по этому пути, предпочитая реальному влиянию на развитие интернета громкие заявления и пиар-проекты. Россия видит в интернете политический ресурс, поэтому стремится увеличить свое влияние на принятие решений по вопросам управления интернетом на политическом, а не операциональном уровне.

Возможно, объявленный Министерством торговли США отказ от продолжения сотрудничества с ICANN приведёт к изменению приоритетов [28]. Если функции контроля над одним из ключевых компонентов инфраструктуры интернета окончательно выходят из ведения национального правительства Соединенных Штатов и передаются частному сектору, и при этом ICANN, созданная именно на основе Меморандума о взаимопонимании с Министерством торговли США, становится в полном смысле слова независимой и международной организацией, то теперь дело за выработкой и применением механизмов реального управления, которые с простой выдачей доменных имён имеют мало обшего. И направление работы здесь достаточно очевидно. Оно уже внедряется в массовое сознание через проправительственные СМИ и лучше всего описывается кратким комментарием корреспондента веб-проекта «Однако» к предложению «Дойче-Телекома» создать «национальный интернет» для немцев. Этот комментарий таков: «Это придётся делать всем». Ближайшие инициативы России по вопросам управления интернетом будут нацелены на сегментацию глобальной сети.

Литература

- 1. Бард А., Зодерквист Я. Netoкратия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
- 2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999.
- 3. Благовещенский A. ICANN одобрила домены .москва и .дети // Российская газета, 2013. URL: http://www.rg.ru/2013/04/08/domains-site.html
- 4. Быков И.А. Управление интернетом как одна из проблем современных международных отношений // Политэкс: Политическая экспертиза. 2008. № 2. С. 164—174.
- 5. Винокурова Е., Ермаков Д. Google остановил Кремль // Газета.ru, 2012. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/11/30_a_4875093.shtml
- 6. Плобальная программа кибербезопасности начинает работать по российскому сценарию // МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2008. URL: http://www.ifap.ru/pr/2008/080908a.htm
- 7. Зиновьева Е. С. Российские интересы в сфере управления интернетом // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 19. С. 101–108.
- Компьютерам готовят мирную программу // Коммерсантъ. 29.04.2011.
   № 76 (4617).

- 9. Конюхова К. Посещаемость включенных в «черный список» Роскомнадзора сайтов выросла в разы // Комсомольская правда, 2012. URL: http://www.kp.ru/daily/25983/2916037/
- Курбалийя Й, Гелбстайн Э. Управление интернетом: проблемы, субъекты, преграды. М.: МГИМО

  —Университет МИД России, 2005.
- Медведев: интернет должен приобрести более современную конструкцию // Вести.Ru, 2011. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=457413&tid=90894
- Минкомсвязи пригласило операторов в «Чистый интернет»: идея «белых списков» снова столкнула Кремль с правительством // NEWSru.com, 2013. URL: http://www.newsru.com/russia/01feb2013/minkom.html
- 13. О Российском форуме по управлению интернетом 2013 // Координационный центр домена RU, 2013. URL: http://intgov.net/about/
- 14. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 года № 1101 "О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»" // Российская газета. 29.10.2012. № 5922.
- 15. Россия, информационное общество и управление интернетом // Полит.Ру, 2006. URL: http://polit.ru/article/2006/03/03/grin/
- 16. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО "Издательство АСТ", 2002.
- ФСБ обеспокоена использованием в РФ сервисов Skype и Gmail // РИА Новости, 2011. URL: http://rian.ru/science/20110408/362375922.html
- Ширин С.С. Интересы внешней культурной политики России в интернете // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012. № 12. URL: http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/shirin.pdf
- 19. Ширин С.С. Сообщества разработчиков интернет-проектов // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1. С. 48—54.
- 20. Щеголев И.О. Приветственное слово на Российском форуме по управлению интернетом // Координационный центр домена RU, 2011. URL: http://russia2011.intgov.ru/press/?p=report
- Barzilai-Nahon K., Barzilai G. Cultured Technology: The Internet and Religious Fundamentalism // The Information Society: An International Journal. 2005. Vol. 21. Issue 1. P. 25–40.
- CEO Commends Russia for Bringing Cyrillic to Internet's Top-level Domain Names // ICANN, 2010. URL: http://www.icann.org/en/news/releases/release-13may10-en.pdf

- Clauset A., Moore C., Newman M. E. J. Hierarchical structure and the prediction of missing links in networks // Nature. 2008. No. 453. P. 98–101.
- Collins R. Internet Governance in the UK // Media, Culture & Society. 2006. Vol. 28. No. 3, P. 337–358.
- 25. Deauville G8 Declaration Renewed Commitment for Freedom and Democracy // European Commission, 2011. URL: http://ec.europa.eu/commission_2010-2014/ president/news/speeches-statements/pdf/deauville-g8-declaration en.pdf
- ICANN/U.S. Government Contract for the IANA Functions (effective 1 October 2012) / ICANN, 2012. URL: http://www.icann.org/en/about/agreements/iana/ contract-01oct12-en.pdf
- 27. MacKinnon R. Consent of the Networked: The Worldwide Struggle For Internet Freedom. New York: Basic Books, 2012.
- NTIA Announces Intent to Transition Key Internet Domain Name Functions // National Telecommunications and Informational Administration, 2014. URL: http://www.ntia.doc.gov/press-release/2014/ntia-announces-intent-transition-key-internet-domain-name-functions
- 29. Report of the Working Group on Internet Governance. Château de Bossey, 2005.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА, УГРОЗЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одной из черт современности является глобальное распространение ИКТ, сочетающееся в ряде стран с неэффективным управлением и иными трудностями в строительстве инновационных инфраструктур, базирующихся на них. Это приводит к воспроизводству угроз, прежде всего связанных с возможностью использования ИКТ в целях, несовместимых с задачами поддержания международного мира и безопасности, соблюдением принципов отказа от применения силы, невмешательства во внутренние дела государств и т. п. В связи с этим фигурируют такие термины, как «угроза информационных войн», «информационный терроризм» и пр. Их суть в том, что указанные явления способны вызвать информационные конфликты, чьи последствия могут быть сопоставимы с последствиями преступлений, угрожающих международному миру и безопасности [1, с. 792].

Их анализ делает настоятельным постоянное уточнение современных взглядов на структуру информации, взаимосвязь между ней и политикой, на природу явлений, известных под названием «информационная война» и «информационная безопасность», различающихся подходами к политике как таковой, стратегиями, вариантами воздействия и поведения. Сутью между тем для любого объекта, понятия является содержание, поэтому и для информации, и для ее производных — сущностным понятием остается субъект, его восприятие объективной реальности, основанное на определенных целях, потребностях, интересах, что и подчеркивает социально-политический (гуманитарный) характер информации.

Хотя угроза, которую информационная война представляет для безопасности тех стран, что пока проигрывают в глобализации, не редко преувеличивается, ее влияние на национальную политику бесспорно. И на фоне целого комплекса этнокультурных, религиозных и других цивилизационных конфликтов будет лишь возрастать, что требует модификации существующих систем обеспечения безопасности. Ныне

уже не только постмодернисты выражают мнение, что традиционные способы обеспечения национальной и международной безопасности не способны справиться с новыми угрозами.

В их меняющейся иерархии угроза информационной войны (по аналогии с тем, как российский лидер охарактеризовал феномен «мягкой силы»): это «...комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. ...нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств» [3].

В рамках научной терминологии, следует признать, что число «работающих» дефиниций собственно информационной войны в таком ключе не много и опираются они на два основных методологических подхода к изучению современных конфликтов и войн в контексте глобализации. Первый базируется на сборе и анализе информации о параметрах конфликтов с упором на количественные, исчисляемые показатели. Второй — изначально нацелен на качественный анализ форм насилия и изменений в их характере.

Именно второй подход, учитывающий количественные показатели, но не абсолютизирующий их значения, дал науке и практике большее число знаковых теоретико-аналитических разработок. Своевременно, в частности, отреагировав на то, что характер современных конфликтов меняется гораздо быстрее, чем системы их категоризации и учета в базах данных, вводом установки на развитие профессионального конструирования реальности [4]. В нашем случае, субъекты, конструирующие угрозы в контексте актуальной для них системы значений, участвуют в борьбе за власть, конкурируя друг с другом за производство смыслов, как сфере войны, так и безопасности.

Определение информационной войны (ив) как «коммуникативной технологии по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [5, с. 20–23] в очередной раз возводит элитарное сознание и его носителей в ранг творцов истории, ставших и доминирующих ныне за счет далеко неоткрытой борьбы и политики. Для этих субъектов был и остается актуальным вопрос, как эффективно воздействовать на аудиторию, как сохранить контроль над коммуникацией, как правильно манипулировать массами, чтобы удержать перевес сторонников.

Объективно такая ситуация связана с разной степенью развитости демократических институтов и гражданского (информационного) общества в странах мира. Кроме того, в каждой из них различают сравнительно большие социальные слои, не имеющими по разным причинам возможности стать «современными людьми» (А. Инкельс). Поэтому у социума была и остается как-бы ответная потребность: как удержать под контролем ускользающие информационно-политические коммуникации, не «впасть» под нарастающее манипулятивное воздействие власти, каким образом сохранять свою субъектность, получать адекватное представление о текущих процессах, месте и роли в них себя и других.

Такое состояние общества в целом дает основание выделять и подчеркивать его особый статус как объекта воздействия, целью которого является внесение изменений в «когнитивную карту» управляемых с тем, чтобы получить соответствующие изменения в ее механизмах, главное — характере участия и структуре их поведения. На тоже, практически, нацелено и политическое манипулирование. Поэтому другая часть определений ив связана с специфической формой массированного использования манипулятивных технологий — особым способом перепрограммирования массового и индивидуального сознания в интересах гегемонии тех или иных политических акторов путем изменения сложившейся в сознании групп и индивида картин мира (А. Грамши и его последователи). Параллельно следует выгодное манипулятору структурирование реальности, задающее большинству не только алгоритм поведения, но и образ жизни.

Взаимосвязь этих подходов очевидна и наглядно представлена А.И. Соловьевым: «Показателем безусловной крепости положения политической элиты служит и ее способность к манипулированию общественным мнением, такому использованию идеологических и иных духовных инструментов, которые могут обеспечить требуемый уровень легитимности власти, вызвать расположение и поддержку со стороны общественного мнения» [6, с. 134].

В логике власти, т.е. обладания элитой всеми возможными в современном обществе способами управления, продолжается освоение ей возможностей интернета — сети. О чем свидетельствует и сетецентрический подход, который с конца 90-х прошлого века, будоражит умы не только военных, но и политиков. Тогда же на Западе и в России существовали немалые надежды на то, что массовое распространение

интернета позволит избежать манипулятивного воздействия СМИ, создать определенный противовес доминированию конгломератов технократии.

Этого не произошло. Более того, возможность создания сетевых организаций и появление информационных сетей породили новый тип войны — сетевой. Ее цель — установление и поддержание со стороны соответствующего субъекта информационного превосходства над теми или иными (экономическими, политическими, культурными) процессами. Властная иерархия данный момент пропустила. В силу чего, умелая координационная и пропагандистская работа особенно в социальных сетях создает ныне больше условий для быстрой мобилизации масс с целью начала революции, чем продвижения вглубь модернизации.

Интернет как информационная среда все больше теряет демократичность и все чаще выступает в виде инструмента односторонней самоорганизации, ложной героизации и манипуляции. Причем конфликтов и войн, ведущихся не столько вовне и против кого/ чего либо, а скорее, внутри и за. Последнее столь емкое, что в нем хватает места и смене элит, событиям, получивших название «цветных революций» и операциям за спасение и развитие народов, оказывается способными быть «без стрельбы и крови».

Другими словами, формы, которые приобретает текущий процесс «войны и мира», с возрастающим в нем значением информационной составляющей, требуют глубокой научной рефлексии. А проблема политических коммуникаций в их контексте, где манипулирование является общим механизмом — взывающей к новым решениям. В связи с чем, крайне остра необходимость создания интегративной модели для установления взаимосвязи когнитивных, социальных и политических процессов конструирования угроз, обусловленных новыми формами конфликтов.

С научной точки зрения в изучении информационной войны актуальна сама верификация ее концепции с целью достижения большей результативности политологических выводов, содействующих приращению знаний по ее нейтрализации и повышению уровня полезности соответствующих исследований в познании существующих и потенциальных угроз. В частности, именно эти знания (образы, представления) выступают фундаментом системы информационной безопасности, объектом которой является информация, информационные технологии и методы их использования. Новые взгляды и понимания с опо-

рой на ее принципы вкупе с изменениями в соотношении сил применяются для определения характера приоритетных угроз, закрепляются в правилах и нормах, практиках внешне- и внутриполитического сотрудничества по управлению конфликтами.

Прошлое сделало понятие «информационная война» в отечественной науке мистифицированным и одновременно недостаточно систематизированным. Эта неопределенность его качественного состава искажает понимание явления как феномена кризисной политики, его реальных параметров и системных связей. Сегодня оно рассматривается в качестве одного из базовых по методологии воздействия в арсенале военно- и социально-коммуникативных исследований. Это делает переход от прежней мировоззренческой установки, согласно которой тотальность и изощренность ив практически не оставляет объекту воздействия надежды на возможность реализации своих интересов, к иной, понимающей в соотнесении форм войны и мира ценность безопасности, более успешным и действенным. Фактически кумулятивное влияние целого спектра изменений приводит к формированию новой культуры безопасности, носителями (производителями) которой выступают и политические элиты, и народы.

Она служит основой для осмысления значения традиционных и новых источников опасности, продуцируемых агентами войны, в организацию инфраструктурных практик. Организационная их составляющая включает в себя производство средств информации и информационных услуг, информационный рынок, подготовку и переподготовку кадров, проведение научных исследований. Последние несут ответы не только академического, научно-технического, но и содержательно-технологического характера, национально и практически ориентированы.

Никогда не следует забывать, что идеи и технологии только тогда «дойдут» до адресата, когда технико-технологическая составляющая, представленная информационно-телекоммуникационными системами и сетями связи, способна на производство эксклюзивного программного продукта. Наличие национальной операционной системы это не только конкурентное преимущество, но и решение проблем обеспечения информационной безопасности, где дифференцированные ответные меры есть и мощное средство воздействия на источники, передатчики, и способ объяснения обществу тех представлений, что поддерживают устойчивость политической системы.

Информационная война, таким образом, как реальность в рамках схемы «вызов-ответ», занимает то место в комплексе информационно-коммуникационных ресурсов, при помощи которых государство (или их коалиция) решается на проведение своей политики средствами информационного насилия по отношению к Другому. Выделяется 11 факторов, создающих опасность для основных интересов личности, общества и государства в информационном пространстве и представляющих таким образом, непосредственные угрозы международной и национальной безопасности. Это прежде всего: разработка и использование средств несанкционированного вмешательства в работу и неправомерного использования информационных ресурсов другого государства, а также нанесения ущерба им; целенаправленное информационное воздействие на критические инфраструктуры и население другого государства; действия, направленные на доминирование в информационном пространстве, поощрение терроризма, и собственно ведение информационных войн.

Соответственно, используя совокупность международных и региональных организаций, приемов и способов их действий, а также правовых, дипломатических, религиозных и этических норм, государство организует для упреждения, минимизации и ликвидации возможностей нанесения ущерба противостоящую им систему информационнополитических мер и мероприятий. Для чего использует уместные каналы, структуры и инструменты, создавая, в том числе и себе, насколько это возможно, нужный масштаб коммуникации со всеми социальными слоями.

Уже классик теории политических коммуникаций Э. Бернейс использовал в качестве аргумента в защиту пропаганды (разграничения Г. Джоветта и В. О'Доннела) борьбу с инерцией общества. В этой связи разработал концепцию общественного мнения как механизма изменения социума. Значение последнего определяется для него тем, что «авторитетные и влиятельные группы могут стать важными каналами для влияния на аудитории, превосходящие их по размерам. Чтобы преодолеть инерцию существующих традиций и установок, идеи необходимо подавать эффектно, а сценарии реализовывать с драматизмом» [7, с. 149].

В этом коммуникация противостоит традиции как институциональному механизму формирования общественного мнения, а также соответствующему представлению о нем как отношении к тем или

иным текущим темам. Без манипуляции как его движущей силы общественное мнение, по мнению Бернейса, функционировать неспособно. Использование такой силы предполагает намерения и расчет. Поэтому, учитывая наличие как внутренних, так и внешних угроз, путь базового подхода в аналитике информационной войны может опираться на цели существенного изменения картины мира (как об этом писал Почепцов) и «расшифровку» выгодной манипуляторам структуры реальности путем конструирования угроз. Они объясняют враждебные намерения субъекта посредством атрибутивной модели, которая выводит их из нарушений установленных правил и норм.

Изменение целей картины мира и «навязывание» реципиенту альтернативной его модели есть ничто иное как определенное информационное вторжение. С помощью пропаганды, манипуляций и подобных им элементов, оно стремиться подавить морально-политическую способность личности и государства защитить себя от внешних угроз. С учетом сказанного, информационная безопасность понимается нами как состояние защищенности основных национальных интересов личности, общества и государства в информационном пространстве, интересов граждан в обеспечения их потребностей в свободном потоке информации, необходимой для нормальной созидательной деятельности и достойном образе жизни. Следовательно, не только технические и политические в широком смысле, но и гуманитарные, т.е. ориентированные на человека, средства занимают ключевое место в ее основании [8, с. 22–27].

Среди них процессы социализации, познания как первопричины норм, практики самостоятельного мышления, личностного и государственного конструирования угроз действительно пользуются ныне повышенным спросом. Степень его трансформации в «умную политику» безопасности зависит от уровня ответственности власти. Помимо институциональных инструментов повышения она может получить поддержку со стороны профессиональной этики элиты и аргументации, опирающейся на фундаментальные ценности общества. Политика такой власти способна на ранжирование угроз и на свободу маневра в их отражении.

Не секрет и то, что даже при осуществлении этих мер возможны политические манипуляции, искажающие их с целью подмены интересов общества интересами отдельных личностей, групп лиц, кланов, корпораций посредством одностороннего контента, дискурса и пропа-

ганды. Это ведет к расколу и росту напряженности в обществе, отрицательно сказывается на его управляемости, так как нарушается система обмена информацией и сигналами между ним и властью [9, с. 28—29]. Понимание характера и направленности этих угроз, представляющих собой побочный эффект политических действий, обращает внимание на особенности проявления и конструирования угроз в области информационной безопасности.

Они проясняются в процессах политизации и применении «старыми» и «новыми» акторами дискурсов безопасности в борьбе за власть. В результате практически любая ситуация в сфере безопасности становится фокусом множественных трактовок, исходящих из широкого круга объектов безопасности, источников опасности в конкретных ее областях. Кроме того, угрозы, понимаемые как риски, характеризуются неопределенностью следствий, что диктует всестороннюю проработанность стратегий обеспечения безопасности, продуманность информационных потоков, преследующих разные цели и направленных на разных адресатов с эффектом развития и личности, и государства. Как никогда, нужна конверсия этой неопределенности в поиск внутренних стимулов развития.

В контексте разворачивающихся вокруг России событий процессы обеспечения информационной безопасности являются сегодня едва ли не самыми насущными. Ибо не столько расширение масштабов санкций, что не исключает их углубления, сколько рост специальных операций в рамках информационной войны вплоть до некоего политического разрешения ситуации будет неуклонно возрастать. Это позволяет говорить об информационной безопасности как о приоритетной в нынешней обстановке форме национальной реальности. Пребывание в ней наполняет бытие российских граждан смыслом и значимостью, поэтому состояние их защищенности как результат выражается в их информационно-психологической достаточности, состоятельности.

Развитие сфер связи, информационно-коммуникационных технологий и массовых коммуникаций является общепризнанным индикатором оценки развития информационного общества РФ. В современных условиях оно является, по сути, ядром идущих преобразований, во многом контролирующим решение проблем в процессе реализации национальных интересов. Различия в нем внутри- и внешнеполитические аспекты, важно подчеркнуть, что поскольку данные уровни подразумевают обсуждение экономических, политических и социальных

последствий угроз, конкуренция за формирование основных источников опасности сопряжена с борьбой за власть в сферах внутренней политики и международных отношений.

Исследование этих процессов и лежащих в их основании механизмов через призму информационной безопасности общества — благородная задача политических наук. Эффективность ее решения проистекает и из сравнительного контекста двух рассмотренных реальностей. Информационной войны, где пребывание в политике объявляется борьбой за существование, а отношения определяются в терминах «друг»—«враг», «свой»—«чужой». Превосходство над оппонентом или «захват его территории» является целью политической деятельности. И информационной безопасности, выступающей деятельностью аналогичной процессу политического управления, включающей совокупность компонентов, являющих собой вплоть до технологий их гуманитарный характер.

Из этого контекста и само решение представляет собой отношение достигнутого результата информационно-политического воздействия к намеченной цели — формированию позитивного образа России. Приведение ее политики в соответствие с запросами здорового общественного мнения, что обеспечивает проводимость инициатив власти внутри страны и повышает легитимность действий РФ в мире.

Литература

- 1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 92, С. 103–104, 126–127.
- Бернейс Э. Манипуляция общественным мнением: как и почему // Полис: политические исследования. 2012. № 4. С. 149.
- 3. Казаков М. А. Гуманитарная безопасность как основание внутренней политики современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки № 1(29). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. C. 22-27.
- 4. Международное право: учебник / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. С. 792.
- 5. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2000. С. 20-23.
- 6. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 2012. 27 фев.
- 7. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 134.
- 8. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. M.: Алгоритм, 2000. C. 28—29.

КИБЕРВОЙНА В ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ НАТО

Введение

Концепции военного строительства, ставящие во главу угла информационные технологии, реализуют на практике не только отдельные страны, но и международные военно-политические организации. Так, НАТО ставит готовность к кибервойне в один ряд с противоракетной обороной и борьбой против международного терроризма. Получил известность принцип политики НАТО в сфере кибербезопасности, в соответствии с которым кибератака на одного члена НАТО должна всеми членами альянса расцениваться как нападение на всех (в соответствии с 5-й статьей Североатлантического пакта). Это должно повлечь совместные действия, причём их диапазон довольно широк и включает в себя не только ответные кибератаки, но и возможность удара с помощью обычного оружия. Особенно актуальным этот вопрос стал после принятия странами НАТО Стратегической концепции 1999 г., где была прописана возможность военных операций НАТО за пределами территории стран-членов блока. В 2010 г. американский сенатор от Республиканской партии Сьюзен Коллинз заявила, что в США всерьёз рассматривается вопрос о приравнивании кибератаки к объявлению войны [1]. Пока что на практике этот принцип не был применён, однако сама возможность таких действий говорит о признании странами НАТО огромной роли информационных технологий в современной военно-политической сфере, сопоставимой с ролью обычного (и даже ядерного) оружия. Очевидно, что применение на практике этого принципа пока что затруднено слабой разработанностью международного права в области «информационного оружия».

Концепция кибервойны

Министерство обороны США определяет кибервойну как «использование компьютеров и интернета для ведения боевых действий в киберпространстве» [2]. Кибервойну нельзя назвать войной в традиционном смысле. Кибервойна представляет собой один из аспектов более широкого феномена — т.н. кибератак. Обычно понятие «кибератаки» включает в себя четыре сферы: 1) киберпреступления (осуществление

преступный действий в киберпространстве против индивидов и частных компаний с целью получения финансовой выгоды); 2) кибершпионаж (проводятся в отношении правительственных учреждений и частных компаний с целью сбора информации); 3) кибертерроризм (наименее поддающееся определению понятие, зависящее от определения собственно терроризма); 4) кибервойна (военные операции, проводимые в киберпространстве как государствами, так и негосударственными акторами).

Стоит отметить, что границы между этими сферами довольно зыбкие из-за воздействия социальных факторов и развития ИКТ.

В данном исследовании мы будет использовать определения кибервойны, кибертерроризма и киберпреступности том же ключе, что и американский специалист Б. Шнайер:

Кибервойна — военные действия в киберпространстве. Это прежде всего атаки против ВС противника (выведение из строя каналов связи, атаки против гражданского населения).

Кибертерроризм — это использование киберпространства для совершения террористических актов (взлом компьютерной системы атомной электростанции с целью нарушения ее работы, открытие плотины, или столкновения двух самолетов).

Киберпреступность — преступления в киберпространстве (кража интеллектуальной собственности, вымогательство под угрозой проведения DOS-атак, мошенничество, основанное на краже идентификационных данных и т.д.) [3].

Развитие информационно-технологической модернизации вооруженных сил HATO

Началом информационно-технологической трансформации вооруженных сил стран НАТО считается 1987 год, когда было принято решение о модернизации оснащения, трансформировавшееся в 1991 г. в общую концепцию «Солдат будущего». Поворотным моментом стал 2002 г., когда на саммите в Праге страны НАТО приняли решение о разработке программы отражения кибератак [4]. Были созданы специальная служба компьютерных инцидентов NATO Computer Incidents Response Capabilities Centre, Гаагский исследовательский центр проверки действующих систем и выработки новых стандартов защиты, а также программа разработки защищенных систем связи [5]. Также ведётся разработка специальной структуры, которая будет заниматься «сбором

Р.В. Болгов 109

разведывательных данных и координировать действия членов НАТО в борьбе против киберпреступности» [6]. В 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте было принято решение о выделении «политики кибернетической обороны» в отдельное направление работы [7]. Данное решение было обусловлено мощными кибератаками, имевшими место в мае 2007 г. в Эстонии [8] и направленными на сайты НАТО и государственных учреждений Эстонии, которая является членом НАТО [9].

В мае 2008 г. в Таллине был открыт Центр киберзащиты Соорerative Cyber Defense Center of Excellence. Эта структура должна помочь НАТО в решении «технических, юридических и политических вопросов, связанных с ведением электронных войн» [10]. Деятельность Центра направлена на определение кибернетической концепции и стратегии НАТО, с разработкой и уточнением доктрины, а также на решение вопросов технической поддержки. На базе Центра планируется создание Университета, где помимо уже проводящихся семинаров по киберзащите также будет разработана программа фундаментального образования в области информационных технологий в военном деле [11]. Представители Центра заявляют, что их организация не ведет никакой операционной деятельности, НАТО «не подбирает для них кадры, не платит зарплату и не указывает, как проводить исследования». Речь идет об исследованиях, проведении конференций, т.е. «создании среды открытых дискуссий, которая носит академический характер» [12].

Следует отметить, что развитие странами НАТО инфраструктуры киберзащиты обусловлено не только серией кибератак в мае 2007 г., а постоянными нападениями, которым подвергается кибернетическая инфраструктура НАТО со времён операции в Косово в 1999 г [13]. Атакам подвергаются не только официальные веб-сайты органов власти стран-членов и самой организации, но и банковская инфраструктура, информационные системы социальных служб, больниц и т.д. К тому же угрозы кибербезопасности нередко исходят изнутри, а не только извне. Речь идёт об ошибочном использовании информации и несанкционированном доступе к ней самих сотрудников данных организаций. На решение этих вопросов также направлена политика НАТО в сфере кибербезопасности.

Также в целях обеспечения единства протоколов обработки и представления информации был создан специальный консорциум NCOIC. Консорциум будет взаимодействовать с бизнесом в «выполнении

требований по достижению необходимого уровня взаимодействия и интеграции перспективных систем и комплексов в обеспечении реализации сетецентрических принципов управления формированиями» [14].

Обеспечение совместности действий вооруженных сил НАТО с помощью ИТ

Несмотря на актуальность вопросов кибербезопасности, основное внимание НАТО уделяет развитию ИКТ для повышения возможностей обычной военной силы. И здесь ИКТ также не остаются в стороне, поскольку концепция совместности действий в рамках военной коалиции не может быть реализована без современных средств коммуникации. Для обеспечения совместимости военных потенциалов также требуется развитие информационно-технологичных вооружений. Наконец, для борьбы с сетевыми структурами террористов, провозглашенной приоритетным направлением деятельности Североатлантического альянса, необходимо развитие сетевых принципов организации и управления ВС в рамках НАТО, что потребует внедрения ИКТ.

Важным препятствием реализации совместности действий в рамках НАТО является, как это ни странно, военно-технологическое лидерство США и связанное с этим серьёзное отставание европейских членов НАТО от США. Поэтому в апреле 1999 г. на саммите НАТО в Вашингтоне была принята Инициатива об оборонном потенциале (ИОП), направленная на сокращение и в дальнейшем на ликвидацию разрыва в военно-техническом оснащении ВС европейских странчленов НАТО с США. ИОП предполагала усиление военного потенциала европейских государств НАТО в 5 областях: мобильность войск, тыловое обеспечение, выживаемость, эффективность ведения боевых действий, системы C4ISR [16]. Благодаря совместности действий ВС должна была повыситься не только согласованность вклада союзников в выполнение задач НАТО, но и возникнуть «эффект масштаба», т.е. общий эффект от совместности действий должен был превысить эффективность сумму потенциалов каждого отдельного союзника.

Однако данная инициатива показала недостаточную эффективность: в соответствии с выводами руководящей группы высокого уровня, созданной специально по данному вопросу, по 16 из 58 поставленных целей за 3-летний срок работа почти не продвинулась. Основная причина — ограниченность военного бюджета европейских членов

Р.В. Болгов

НАТО. Необходимость противостояния негосударственным акторам с сетевой структурой, вышедшая на первый план после террористических атак 11 сентября 2001 г., также подстегнула разработку нового документа, который бы регламентировал развитие совместных действий ВС стран НАТО. Новая инициатива, принятая на саммите НАТО в ноябре 2002 г. (т. н. Пражское обязательство по потенциалу, ПРОП) [17], учитывает недостаточное по сравнению с США финансирование ВС европейских стран-членов НАТО. В ПРОП акцент сделан на небольшом числе сил и средств, которые играют решающую роль для выполнения всего круга задач НАТО. Одним из главных направлений обеспечения совместности названо развитие «совместимых средств связи в сопряженных системах командования, управления и информации, обеспечивающие эффективную связь во всех звеньях взаимодействующих воинских формирований разных стран» [18].

Однако отставание европейских стран-членов НАТО от США сохранялось, и дальнейшее развитие событий показало, что США в ходе военных операций в Афганистане и Ираке делали ставку на собственные силы, а не на совместных действиях с союзниками по коалициям, многие из которых являются членами НАТО. Ряд экспертов считает, что это было связано именно с отсутствием многих военных возможностей у ВС европейских государств — высокоточных вооружений, БЛА, приборов ночного видения, систем цифровой связи и т.д., необходимых для проведения высокотехнологичных операций [19]. Также проблемным оставалось недостаточное взаимодействие внутри подразделений, состоящих из разных родов войск разных государств. Это дало повод корреспонденту ВВС Фрэнку Гарднеру сравнить совместные действия разных родов войск разных государств НАТО со строительством Вавилонской башни [20].

Стоит также отметить и неоднородную позицию внутри НАТО по вопросам кибербезопасности и информационно-технологической модернизации ВС. Так, европейские члены этой организации боятся чрезмерного информационного превосходства США, и у них для этого есть повод в связи со скандалом, связанным с использованием США разведывательной сети «Эшелон» для несанкционированного сбора информации в странах НАТО. Неоднородна позиция по этой проблеме и внутри системы принятия решений США. Позиция Президента, а также спецслужб и Госдепартамента состоит в том, что они выступают против спешки в данном вопросе, говоря о том, что вопрос международно-пра-

вового регулирования военно-политических аспектов информационной безопасности пока не приобрёл достаточной актуальности, считая необходимым сначала накопить достаточный практический опыт регулирования подобных проблем. Однако в интересах Министерства обороны — скорейшее приравнивание информационного противоборства в качестве вооружённого конфликта и распространение норм права вооружённых конфликтов на информационные войны. Пока что большая часть полномочий в данном вопросе принадлежит спецслужбам, определённые полномочия имеет Госдепартамент (дипломатическое обеспечение информационной политики), и в их интересах сохранение текущей ситуации, поскольку в случае признания информационного противоборства в качестве вооружённого конфликта значительная часть полномочий перейдёт к Министерству обороны.

Успехи и неудачи в сфере кибербезопасности на саммитах 2004—2012 гг.

Однако следует признать, что за последнее десятилетие определенные успехи все же были достигнуты. Так, была налажена кооперация между странами НАТО в плане объединения усилий в производстве высокоточных вооружений. Так, Нидерланды обладает технологиями конверсии обычного оружия в высокоточное. Германия управляет консорциумом, производящим коммуникационное оборудование для стратегических ВВС. Дания и Норвегия сконцентрировались на координации закупок вооружений для ВМФ [21]. Некоторые эксперты скептически настроены в отношении этих инициатив, полагая, что наращивание военной силы в условиях войн против террористов и партизан не имеет смысла, и данные инициативы служат прежде всего интересам компаний-производителей информационно-технологичных вооружений [22].

В 2005 г. в документе NATO Defence Requirements Review было объявлено о начале реализации концепции «комплексных сетевых возможностей НАТО» (NATO Network Enabled Capabilities) [23]. В рамках этой концепции решаются вопросы синхронизации действий высокотехнологичных подразделений ВС государств НАТО. Работа ведется по 3 направлениям: внедрение современных систем связи, разработка перспективных систем C4ISR, а также реформирование оргструктур управления ВС, переподготовку личного состава, реформа доктринальной базы [24].

Р.В. Болгов 113

Из последующих саммитов НАТО наиболее интересными в рамках проблематики высокотехнологичных вооружений представляются саммиты в Стамбуле (2004 г.), Риге (2006 г.), Лиссабоне (2010 г.) и Чикаго (2012), хотя ни в Стамбуле, ни в Риге не были приняты новые столь же широкие инициативы в рассматриваемой сфере, как было в Вашингтоне и в Праге. На саммите в Стамбуле лидеры стран-членов НАТО согласились проводить дальнейшую трансформацию боевых возможностей. На саммите в Риге было принято Всеобъемлющее политическое руководство, где помимо прочего речь идет о развитии совместных возможностей в проведении информационных операций, защите от кибератак и внедрении сетевых принципов в организацию и управление ВС [25]. В выводах руководящей группы высокого уровня говорится, что 70 % из 460 обязательств стран-членов полностью выполнено [26].

В Стратегической концепции НАТО, принятой по итогам саммита в Лиссабоне в ноябре 2010 г., говорится, что кибератаки стали более частыми, более организованными и представляют существенную угрозу для жизнеобеспечивающей инфраструктуры. Члены НАТО взяли на себя обязательства координировать свои действия в данной сфере через единый орган киберзащиты, который должен быть создан [27], но кем, когда и кто ответственный — не указано. Отсутствие конкретики еще раз говорит об отсутствии консенсуса по данной проблеме внутри НАТО (между США и европейскими членами организации).

Заключение

Таким образом, дальнейшее развитие совместных возможностей ВС и оснащение войск НАТО информационно-технологичными вооружениями зависит от того, как будут развиваться события в местах, где воюют коалиционные силы, состоящие в т.ч. из сил членов НАТО. Растущие боевые возможности НАТО потребуют от её членов выделения дополнительных средств, найти которые смогут далеко не все члены Североатлантического альянса, поэтому военно-технологический разрыв между США и остальными членами НАТО будет сохраняться.

Литература

1. В Давосе обсудили вопросы кибербезопасности // Портал Security Lab, 01.02.2010 URL: http://www.securitylab.ru/news/390311.php (дата обращения: 15.06.2014)

- 2. Department of Defense Directive 3600.1 Information Operations. October 2001 URL: http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/360001p.pdf (дата обращения: 15.06.2014)
- Schneier B. Cyberwar // Crypto-Gram Newsletter, January 15, 2005. URL: http:// www.schneier.com/crypto-gram-0501.html#10 (дата обращения: 15.06.2014)
- 4. Defending against cyber attacks // NATO Official Web Site. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/75747.htm (дата обращения: 15.06.2014)
- The Evolution of NATO Network-Enabled Capabilities: Immediate Reaction Task Force (Land). U.S. Department of Defense, 06 August 2007. URL: http://www.oft. osd.mil/library/library_files/document_407_IRTF(L) HBR.doc (дата обращения: 11.07.2012)
- 6. Тараскин М. М., Чешуин С. А. Взгляды Высшего военно-политического руководства ведущих иностранных государств на противодействие угрозам кибернетических войн / Бюллетень «Проблемы безопасности» Научно-исследовательского центра «Наука-XXI», 2008, № 3. URL: http://www.naukaxxi.ru/materials/171/ (дата обрашения: 15.06.2014)
- 7. Hughes R.B. NATO and Cyber Defence: Mission Accomplished? // Atlantisch Perspectief, 2009, No. 1. P. 4–8.
- 8. Эти атаки, по мнению ряда экспертов и официальных лиц, были осуществлены из России и связаны с недовольствами по поводу переноса памятника «Бронзовый солдат». Однако такие высказывания можно считать политической риторикой, поскольку очень сложно отследить, кто реально стоит за этими атаками группа хакеров (как показало расследование) или государственные структуры. См., например: Депутат Госдумы признался, что эстонские сайты завалил его помощник // Портал Security Lab, 05.03.2009 URL: http://www.securitylab.ru/news/369590.php (дата обращения: 15.06.2014); «Наши» признались в организации кибератак на эстонские сайты // Портал Security Lab, 12.03.2009 URL: http://www.securitylab.ru/news/369936.php (дата обращения: 15.06.2014); Эстония снова обвиняет Россию в кибератаках 2007 года // Портал Security Lab, 09.03.2009 URL: http://www.securitylab.ru/news/369756.php (дата обращения: 15.06.2014)
- 9. Российские хакеры перешли в кибернаступление // Портал Security Lab, 30.10.2009 URL: http://www.securitylab.ru/news/387173.php (дата обращения: 15.06.2014)
- В Таллине продолжает работу центр киберзащиты HATO // Портал IT Security, 26.06.2009 URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=59067 (дата обращения: 15.06.2014)
- 11. Там же.

Р. В. Болгов 115

- 12. Там же.
- 13. Gardner F. NATO's cyber defense warriors // BBC News, 3 February 2009. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7851292.stm (дата обращения: 15.06.2014)
- 14. Чельцов Б.Ф., Замалтдинов И.Ш., Волков С.А. Борьба за информацию на основе информации // Воздушно-космическая оборона, 2009, № 3(46). С. 29—30.
- 15. Defence Capabilities Initiative. NATO Press Release NAC-S(99)69, 25 April 1999. URL: http://www.nato.int/docu/pr/1999/p99s069e.htm (дата обращения: 15.06.2014)
- Prague Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Prague on 21 November 2002.
- 17. URL: http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-127e.htm#capabilities (дата обращения: 15.06.2014)
- Штоль В. Новые военные потенциалы НАТО // Обозреватель-Observer, 2003, № 10.
- 19. Ek C. NATO's Prague Capabilities Commitment. CRS Report for Congress. Washington: Congress Research Service, 2007. URL: http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21659.pdf (дата обращения: 15.06.2014)
- 20. Gardner F. Op.cit.
- 21. Ek C. Op. cit. P. 3.
- 22. Ek C. Op. cit. P. 6.
- 23. Mission Task Analysis for the NATO Defence Requirements Review. Prepared by S.Armstrong (QinetiQ Ltd, UK). 1 February 2005. URL: http://www.dtic.mil/get-tr-doc/pdf?AD=ADA438925 (дата обращения: 15.06.2014)
- 24. Ibid.
- 25. Comprehensive Political Guidance. Endorsed by NATO Heads of State and Government on 29 November 2006. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts 56425.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.06.2014)
- 26. Ek C. Op. cit. P. 5.
- Strategic Concept for the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation. Adopted by Heads of State and Government in Lisbon, 19 November 2010. URL: http://natomission.ru/files/upload/strategic-concept-2010-eng_12at67.pdf (дата обращения: 15.06.2014)

НФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Мир сталкивается с драматическими событиями (Арабские революции на Ближнем Востоке, инициированные «Захвати Уолл стрит» выступления по всему миру, шпионские скандалы последних лет). Такого рода действия все в большей мере затрагивает информационную сферу политических отношений. Такие факты как, вбросы «служебных данных» через Wikileaks, деятельность Сноудена, «подслушанные» Ю. Тимошенко и В. Нулланд своими целями имеют влияние на международную политику. Причины усиления влияния информационных факторов на международные отношения кроются в ряде существенных тенденций развития современного общества, среди которых следует выделить:

Во-первых, виртуальные пространства стали неотъемлемой частью жизни не только человека, но также организаций и государств (обязательное наличие сайтов, интернет-услуги, в числе которых и госуслуги, электронное правительство и т.д.).

Во-вторых, полностью трансформирована среда масс-медиа в пользу автономных независимых или формально независимых источников (в числе которых теперь могут быть обозначены блоги, интернет-порталы).

В-третьих, наступила стадия острого несоответствия социальных ожиданий, доносимых информацией о взаимодействиях личности с реальностью.

В современном мире влияние на общественно-политическую ситуацию, конечно, оказывают печатные, телевизионные, радио СМИ, но наиболее востребованным и существенным в последние десятилетия является интернет. В рамках глобальной сети, в настоящее время по данным ТНЅ действует более 2,27 млрд постоянных пользователей, и это не включая тех, кто использует мобильные телефоны для выхода в сеть (например, в странах Африки южнее Сахары в основном используется такой способ).

Глобальный охват и слабо прогнозируемые последствия развития технологий передачи информации вынуждают правительства реагиро-

вать на накатывающиеся изменения. Разработка правовых норм в области регулирования информационной политики уже стала реальностью для более 90 стран, еще более 50 разрабатывают соответствующие законы.

Одним из первых шагов в этом отношении еще 1994 г. стал выпуск доклада Министерство промышленности Канады «Построение более инновационной экономики», в рамках которого был предложен проект «Канадской информационной магистрали» и создания специализированного консультативного совета с этими целями. Среди основных направлений политики в этой сфере были обозначены:

- государственное регулирование деятельности СМИ;
- развитие интернета как социально-политического ресурса;
- нормативное регулирование информационной политики и процессов;
- создание единого информационного пространства;
- реализация концепции «Нового государственного менеджмента»:
  - Единый сайт для правительственных учреждений;
  - Government On-line:
  - Доступ СМИ к официальной информации;
  - Специальный уполномоченный по информации.

Использование этой комплексной политики повлекло за собой рост доверия со стороны населения в отношении деятельности правительства и органов государственной власти. Существенную роль впоследствии сыграл принятый позднее закон «О доступе к информации для граждан», в котором была прописана как процедура запросов официальной информации, так и возможности ограничений на сведения, представляющих государственные интересы. В конкретных случаях важную роль играет фигура уполномоченных по информации, которые наподобие судебных органов могли самостоятельно принимать решения относительно возможности предоставления тех или иных сведений.

Однако, канадский пример может быть положительным по многим позициям, но не дает основания для решения сложных задач, стоящих перед странами, которые претендуют на лидерство в информационной сфере. Самым ярким образцом страны, простирающей свое информационное влияние на глобальном уровне, выступают США. Конечно, в силу инфраструктурных и институциональных особенностей Соединенные Штаты не могут рассматриваться в качестве эталонного примера, их влияние, возможности, ресурсы в рассматриваемой сфере не достижимы в настоящее время ни одному другому государству.

Вашингтон сохраняет приверженность к такому формату взаимоотношений с окружающим миром, при котором будет сохранена цель в области безопасности: «Соединенные Штаты, наряду с другими странами, стремятся поощрять ответственное поведение в киберпространстве и выступают против тех, кто допускает нарушение сетей и систем, предотвращают и сдерживают злоумышленные действия и оставляют за собой право защищать эти жизненно важные национальных активы по мере необходимости и целесообразности». То есть в отличие от внутригосударственных ориентиров (представленных Канадской политикой), в информационной политике США прослеживаются доминирующие экспансионистские мотивы. Это довольно четко прослеживается в политике последних лет этой страны, особенно в результате принятия Международной стратегии по действиям в киберпространстве 2011 г.

Другим нехарактерным примером глобального подхода выступает наше государство, страна с гораздо меньшим потенциалом в информационной сфере, но с достаточно прочными дипломатическими связями и серьезным политическим влиянием в мире. Для России сохранение своих принципов в области информационной политики и информационной безопасности легло в основу подхода, позволившего предложить собственный проект глобальной Конвенции международной информационной безопасности 2012 г., конкурирующей Будапештской конвенции по киберпреступности 2001 г.

Однако, в плане собственной политики в информационной сфере Россия предпочитает опираться на собственные силы. Это стало очевидным после принятия в 2013 г. Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г. В этом документе в качестве ключевых угроз безопасности в информационной сфере называются:

- использование информационно-коммуникационных технологий:
  - в качестве информационного оружия в военно-политических целях, направленных на дискредитацию суверенитета, территориальной целостности;
  - в террористических целях (уничтожение информационной инфраструктуры), для пропаганды терроризма;
  - для вмешательства во внутренние дела;
  - разжигания межнациональной розни;
  - для совершения преступлений посредством компьютерных программ, нарушения прав доступа и т. д.

Таким образом, отмечается кардинально отличающийся от американского подход отечественного правительства, он больше увязан с феноменом государственного суверенитета в информационной сфере. Если определить ключевые дефиниции, то в российском представлении на первый план в этой области выходят такие понятия как информационное оружие, информационное противоборство. В подходе США больше высвечиваются такие аспекты, как кибербезопасность, киберпостранство, киберпреступность, кибертерроризм.

Это не просто отражает ряд современных тенденций, а является следствием разного понимания всего комплекса глобальной информационной безопасности. В связи с этим строятся различные модели собственной информационной политики в международном направлении. Важно иметь в виду такие категории, как глобальная информационная инфраструктура (ГИИ) и информационное пространство, которая также определяет суть приоритетов в этой сфере. Если для России ГИИ должна представлять собой совокупность суверенных, подчиненных национальным правительствам информационных инфраструктур (эта позиция поддерживается странами БРИКС), то США придерживаются свободного и единого глобального информационного пространства. Идеологически этот факт осложняется преобладанием соединенных штатов в ГИИ, так 11 из 13 серверов расположены в этой стране. ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers — компания, присваивающая доменные имена, ІР-адреса) находится на территории Соединенных Штатов.

Пользуясь отечественными категориями, необходимо сказать, что информационное противоборство в качестве конкурентного взаимодействия субъектов политики, при котором они стремятся нанести ущерб друг другу с помощью информационных средств и способов взаимодействия при одновременном стремлении защитить объекты собственной информационной инфраструктуры и информационного пространства.

В ряде случаев можно говорить о возможности проявления этого самого противоборства в некоторых ситуациях. Так, в 2011 г. по данным того же Сноудена США провели 231 кибератаку против сетей РФ, КНР, ИРИ, КНДР. Ярким примером проявления информационного противоборства в общественно-политической жизни по данным Аналитического центра Разумкова может быть опрос, посвященный предпочтениям населения в отношении приоритет-

ного для Украины направления внешней политики (проведенный осенью 2013 г.):

- 40,8% опрошенных предпочли среди ответов развитие сотрудничества с ЕС;
- 34,5% предпочли укрепление связей с Россией (в 2009 г. Этот же центр определил, что 52,5% украинцев считают так);
- 2,8 % развитие связей с США (в 2009 г. 0,6 %).

Замерить уровень воздействия того или иного действия в информационном пространстве на изменения общественного мнения довольно сложно. Однако, отрицать такое влияние не возможно. А проявления информационного противоборства в большинстве случаев носят публичный характер и с приложением определенных усилий поддаются анализу.

Существует два направления этой борьбы: блокирование или разрушение инфраструктуры и информационно-психологические операции. То, что происходит в последнее время на фоне углубляющихся кризисных процессов, в числе которых ситуация на Украине, носит характер именно информационно-психологического противостояния, хотя привлекаются и методы разрушения инфраструктуры.

Если говорить о той специфике, которая свойственна СМИ и руководству национальных государств, то обычно идет деление на два блока технологий информационно-психологического характера:

- манипулятивные методы («приклеивание ярлыков», «игра» с цифрами, замалчивание фактов и т.д.);
- маркетинговые методы (открытая позиция, информирование о рабочих ситуациях, намерениях, последовательность в заявлениях и действиях).

Необходимо отметить, что со всех сторон, интересы которых, так или иначе, соприкасаются с конфликтными зонами и кризисными процессами, можно в большей мере наблюдать именно манипулятивные методы. Задачи же в области информационной политики должны носить определенную самоценность, поэтому пример Канады с ее неуклонным ростом доверия в отношении деятельности правительства заставляет искать новые подходы в реализации государственной политики в этом отношении. Конечно, интересы ряда стран выходят далеко за пределы их территорий, поэтому строго применять такой подход к США, КНР или России не представляется возможным. Однако, существенные корректировки могут быть сделаны, среди них:

- повышение коммуникативной компетентности политиков и государственных служащих;
- формирование института уполномоченного по государственной информации и открытие доступа граждан к государственным документам;
- работа с общественным мнением в отношении своего государства в странах-партнерах;
- достижение баланса в отношении маркетинговых и манипулятивных мер при реализации национальных интересов;
- соподчиненность внешнеполитических задач и информационной политики.

ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Как форма публичной дипломатии, цифровая дипломатия является механизмом влияния на зарубежную аудиторию посредством определенных методов, таких как: размещение радио и телепередач в сети интернет, распространение в открытом доступе литературы в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блогосфере, рассылка информации через мобильные телефоны, а также создание персонифицированных страничек членов правительства в социальных сетях. А что же могут социальные сети предложить людям, интересующимся внешней политикой России, ее инициативами на международной арене, развитием двусторонних и многосторонних отношений, в том числе на площадках, предлагаемых ООН? Людям, которые регулярно посещают сайт Министерства иностранных дел России в интернете и читают единую новостную ленту [1].

Дипломатия, которая ранее была относительно «закрытой» сферой деятельности, благодаря развитию «информационного общества» становится все более открытой для обычных граждан. Официальное присутствие в интернете, в том числе и в мировых социальных сетях (твиттере, фейсбуке, ю-тубе т.п.) государственных дипломатических ведомств отмечено соответствующими «страницами» на этих площадках, которые есть, практически, у всех министерств иностранных дел развитых стран, в том числе и у российского МИД. Эта новая форма «цифровой дипломатии» дает новые возможности осуществления государственной международной политики, но и выдвигает особые требования к ее участникам.

В качестве примера можно посмотреть на официальные сайты МИД Франции, Италии и России. К сожалению, пока сравнение будет несколько не в нашу пользу.

Наиболее интересным и функциональным представляется французский сайт, озаглавленный «Франция. Дипломатия» [2], поскольку этот сайт содержит не только официальную информацию МИД Франции, но представляет собой развернутый информационный портал (с переводом на английский, немецкий, испанский,

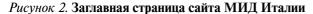
арабский и китайский язык), охватывающий практически все стороны внешнеполитической деятельности Французской Республики (рисунок 1).

Рисунок 1. Заглавная страница внешнеполитического портала Франции

На портале представлены такие разделы, как «Внешняя политика Франции», «МИД Франции и его зарубежные представительства», «Персональные страницы министра иностранных дел и государственных секретарей Франции», «Информация по странам мира», «Советы выезжающим заграницу», «Иностранное усыновление», «Переезд во Францию на постоянное место жительство», «Вакансии и конкурсы на замещение должностей», «Информация для прессы», «Фото, видео, публикации, инфографика». С портала информация транслируется в многочисленные социальные сети, и не только в такие известные, как Фейсбук и Твиттер, но и на видеохостинги Dailymotion и Flikcr, на фотохостинг Pinterest и на некоторые другие площадки.

Итальянский сайт представляет собой непосредственно сайт Министерства иностранных дел Италии [3] (с переводом на английский и арабский язык) и содержит разделы «Министр иностранных дел», «Министерство иностранных дел», «Внешняя политика», «Услуги», «Вакансии и обучение», «Пресса» (рисунок 2).

Так же представлена информация, необходимая выезжающим из страны и въезжающим в страну. Есть новости по деятельности зарубежных представительств, представлены тематические статьи из ведущих итальянских СМИ, есть раздел мультимедиа, а так же трансляция в ведущие социальные сети — твиттер, фейсбук и видеохостинги Flikcr и You Tube.

На фоне вышеназванных сайтов, сайт российского Министерства иностранных дел [4] выглядит менее информативным, и это в основном за счет устаревшего дизайна (Рисунок 3). Хотя формально на нем представлена практически та же информация, что и на итальянском сайте. Есть единая новостная лента, раздел внешней политики, архив документов, раздел дипломатических и консульских представителей за рубежом, информация для выезжающих за границу, информация по учебным заведениям, «Дипломатический клуб», фото и видеоматериалы и т.д. Есть трансляция в твиттер, фейсбук и You Tube. Но дизайн сайта и не всегда оперативная его поддержка (в период марта-апреля этого года, когда началось основное обострение внешнеполитической ситуации в связи с событиями на Украине, сайт периодически подвисал и практически не работал) занижают его конкурентность по сравнению с аналогичными площадками ведущих европейских стран.

Рисунок 3. Заглавная страница сайта МИД РФ

Разумеется, что все сайты дипломатических ведомств снабжены возможностью осуществления обратной связи со своими читателями, которая возникает благодаря тому, что посетители этих страниц имеют возможность оставлять комментарии к той информации, которую они получают с сайта. Эта обратная связь между дипломатическими ведомствами и населением — новое явление современного информационного общества, чего раньше, еще пару десятилетий назад, не было. Основной отклик, разумеется, идет на страницах в социальных сетях. При этом надо отметить, что подписчиков у твиттера российского МИД

Рисунок 4. Заглавная страница твиттера МИД РФ

практически столько же, сколько и у французского (281 тыс. и 303 тыс. читателей соответственно — рисунки 4 и 5). Это свидетельствует о том, что информация нашего дипломатического ведомства востребована и хорошо воспринимается в обществе.

Рисунок 5. Заглавная страница твиттера МИД Франции

Стоит подчеркнуть, что нельзя недооценивать роли социальных сетей в формировании общественного мнения, и поэтому то, как подается информация на официальных страницах дипломатических ведомств в социальных сетях, имеет первостепенное значение. С развитием блогосферы все чаще отдельные граждане или организации обращаются к МИД через свои блоги или страницы в социальных сетях. В таких случаях, видимо, уместно давать ответ так же — в социальные сети или в блоге, как это было, например, в апреле 2013 года, когда российский бизнесмен Полонский, задержанный в Камбодже, обратился к МИД РФ через свой аккаунт в фейсбуке.

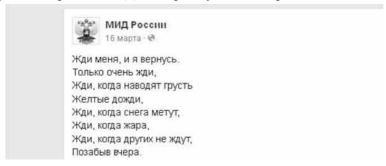
МИД России создал свой акканут в фейсбуке в начале 2013 года, а аккаунт в твиттере был создан чуть раньше. Задача, которую ставил перед собой в связи с этим Департамент информации и печати МИД РФ, была связана с тем, чтобы предложить людям, интересующимся внешней политикой, информацию, выраженную современным динамичным языком молодых людей и вообще людей активных [5]. Особое внимание было уделено присутствию МИД в фейсбуке. По словам заместителя директора Департамента информации и печати МИД РФ Марии Захаровой, в ведомстве к этому достаточно серьезно готовились, «потому что, в отличие от аккаунта в твиттере, где министерство рабо-

тает полтора года, здесь нужно было понять формат, определить, что хотим и зачем нам это надо. Мы однозначно понимали, что нам неинтересно заводить страницу в фейсбуке только ради того, чтобы она там была. Мы хотели сделать отдельно стоящий и самостоятельный информационный продукт» [6]. По прошествии года с момента создания этого аккаунта можно сказать, что с поставленной задачей удалось справиться успешно. Страница МИД РФ в фейсбуке всегда актуальна, всегда точна и неожиданно креативна.

Концепцию информационного блока МИД на фейсбуке можно разделить на три основные группы. Во-первых, это официальные сообщения министерства, во-вторых, сопутствующие материалы, относящиеся к истории российской дипломатии или к актуальным международным событиям, и, в-третьих, сообщения с ироничным или откровенно юмористическим наполнением, внезапными цитатами, смелыми заголовками. Очевидно, именно последняя категория и привлекает наибольшее общественное внимание. Как сказала в своем интервью Мария Захарова: «Образно говоря, мы ставили перед собой задачу сделать некое "научно-популярное издание", в котором сочетались бы официальные комментарии с какими-то историческими материалами и элементами "развлекательности". Думаю, неправильно строго выдерживать какой-то один стиль, особенно в социальных сетях. Фейсбук не должен дублировать официальный сайт, где стоят исключительно серьезные материалы. Здесь нужно, чтобы было интересно, познавательно и нескучно» [6].

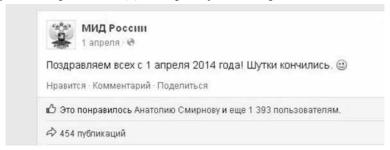
Несколько примеров. В дни проведения референдума в Крыму вот, как выглядела страница МИД РФ в фейсбуке (рисунок 6):

Рисунок 6. Страница МИД РФ в фейсбуке от 16 марта 2014 года

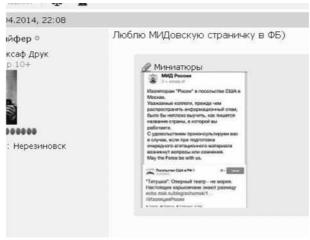
А 1 апреля, когда ситуация на Юге-Востока Украины начала обостряться, эта же страница выглядела вот так (рисунок 7):

Рисунок 7. Страница МИД РФ в фейсбуке от 1 апреля 2014 года.

По количеству «лайков» и перепостов, которые собрала эта запись, виден позитивный отклик читателей. Вообще, на форумах и в Живом Журнале все больше встречается положительных отзывов о странице МИД РФ в фейсбуке (рисунок 8).

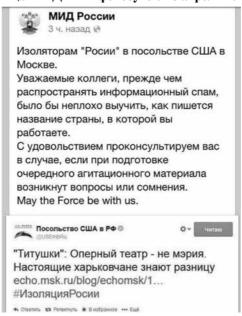
Рисунок 8. Страница с форума Соfe.ru от 8 апреля 2014 года

Чтобы понять, что именно так понравилось пользователю, рассмотрим подробнее этот заочный диалог в виртуальном пространстве

между посольством США в Москве и МИД РФ. Вот этот «обмен любезностями», который состоялся во время информационного освещения событий в Харькове в начале апреле этого года, когда там шли массовые акции протеста (рисунок 9).

Рисунок 9. Страница МИД РФ в фейсбуке от 8 апреля 2014 года

Как мы видим, посольство США в Москве, следуя руководящей линии Госдепа США, поспешило создать хэштег «Изоляция России», но впопыхах совершило досадную ошибку. Кстати, этот диалог в соцсетях не остался незамеченным и официальными СМИ, в частности, агентством РИА Новости: «Внешнеполитическое ведомство РФ предложило американским коллегам помощь в подготовке информационных материалов из-за ошибки в написании слова "Россия" в одном из сообщений в микроблоге» [7].

К сожалению, то, как проявляет себя в социальных сетях дипломатическое ведомство США, можно зачастую охарактеризовать таким специфическим термином, как сетевое хулиганство или троллинг. В пример можно привести следующий твит (рисунок 10):

Рисунок 10. Твит посольства США в Москве от 3 мая 2014 года

То есть в период ввода экономических санкций против России, когда по инициативе Госдепа США были заблокированы международные операции нескольких российских банков, посольство США в Москве разместило в Twitter сообщение: «RT @UkrProgress Из-за Кремля россиянам придется запасаться наличными: кредитки заблокированы #НепомернаяЦена». К сообщению было приложено изображение кредитной карточки на имя И.И.Сечина и подписями. Сверху — «Каждый день в твоих руках, но не работает». На самой карточке — «Отказано». Снизу — «Вы доверяете Кремлю свое финансовое будущее?». По поводу адекватности этого твита сразу же высказались многие пользователи рунета, в том числе и известный журналист Максим Соколов: «никто не отменял основополагающего правила, на котором покоится вся дипломатия вообще, согласно которому посол, а равно и всякий дипломат не имеет своего личного мнения, но его устами говорит пославший его государь. Соответственно, твиты от имени @USEmbRu как бы рассылает непосредственно Б. Обама — чтобы русская (и не только) аудитория могла лучше составить себе представления о его взглядах и его моральных и деловых качествах. Она и составляет. Какие представления — это другой вопрос» [8].

Другой пример такого «троллинга» в истории цифровой дипломатии разоблачил один из пользователей мировой паутины, назвав свое сообщение «Путин спонсирует терроризм: клеветническая кампания Белого дома в Твиттере и Google» [9]. Оказалось, что Белый дом купил ключевые слова в Google, чтобы нанести удар по Путину. Используя Keyword Spy — весьма уважаемый и широко используемый ресурс в SEO—индустрии, журналисты проверили сообщение и выяснили, что, действительно Белый дом купил ключевые слова в Google, используя доменное имя White House.gov (рисунок 11).

Рисунок 11. Сообщение на Keyword Spy

Ad Variations Putin Sponsors Terrorism Vote to stop him and prevent war Your vote a re-post count! whitehouse.gov

А также, нашлись и другие ключевые слова, которые купил Белый дом (рисунок 12):

Рисунок 12. Информация на Keyword Spy о приобретении ключевых слов

No.	Ad Copy	ROI T	Affiliate	Keyword	Volume	CPC	Position	Days Seen	Last/First Seen
1.	Putin Sponsors Terrorism Vote to stop him and prevent war Your vote a re-post count! whitehouse gov	o	N/A	telenor russia	110	\$0.10	Lest: 7 Avg: 7.0	1/12 days	28 Apr 2014, 12:21 PM 28 Apr 2014, 12:21 PM
Z.	Infographic: What \$40 Means to Americans infographic: What \$40 Means to Americans Across th Whate House whitehouse governopraphics whate 40-collar-means	o	N/A	\$40	0	\$0.05	Last: 6 Avg: 6.0	1/0 days	11 May 2014, 08:42 PM 11 May 2014, 06:42 PM

Как считают журналисты портала Переводика, проводившие расследование, такой набор слов связан с тем, что Telenor (огромная телекоммуникационная компания, базирующаяся в Норвегии и предоставляющая телекоммуникационные услуги в Восточной Европе) и Russia является, вероятно, популярным критерием поиска Google в России и на Украине. И Белый дом купил ключевые слова в Google чтобы троллить Путина [10]. Все вышеприведенные примеры показывают, что сетевое сообщество активно реагирует на «цифровую дипломатию»,

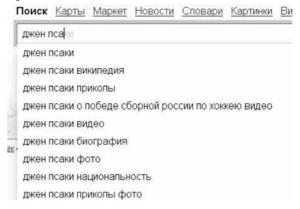
а та, в свою очередь не оставляет без внимания эту реакцию. Об этом свидетельствует, например, бурная реакция Джен Псаки (официального представителя Государственного департамента США) на то, как ее компетенцию оценивают российские блоггеры (рисунок 13).

Рисунок 13. Твит Джен Псаки от 6 июня 2014 года

Джен Псаки назвала себя жертвой «российской пропаганды», хотя никто из официальных лиц никаких «пропагандистских» комментариев в ее адрес не делал, но качество ее выступлений не прошло мимо внимания российских пользователей интернета, в результате поисковик Яндекс выдает следующий результат (рисунок 14):

Рисунок 14. Представление поисковых слов на Яндексе

А реакция пользователей рунета на ее заявление о том, что против нее работает российская пропаганда, оказалась следующей (рисунок 15):

Рисунок 15. Демотиватор со страниц из Живого Журнала

Кстати, одним из выступлений, прославивших Джен Псаки, было ее утверждение о том, что Россия причастна к протестам на востоке Украины. В качестве доказательств она привела фотографии, размещенные в социальных сетях, на которых запечатлены люди, «чья внешность указывает на их связь с Россией» [11]. Таким, увы, анекдотическим образом, еще раз продемонстрировав действие обратной связи между дипломатическим ведомством и пользователями социальных сетей.

vePsa

Другой аналогичный случай уже нельзя рассматривать как анекдот, а необходимо рассматривать уже как проявление информационной войны. 14 июня на официальном сайте НАТО было опубликовано сообщение о «доказательствах» вторжения российских войск на Украину, подкрепленное соответствующими спутниковыми изображениями [12].

Не доверять такому серьезному ведомству формально нет никаких причин, однако уже 16 июня известный российский блоггер Анатолий Эль-Мюрид обнародовал полученное им письмо бывшего сотрудника Государственного космического агентства Украины, в котором тот рас-

крыл несоответствие обнародованных снимков подлинным изображениям с космических аппаратов [13].

Эту же информацию подтвердил и веб-портал PravdaTodey, который разместил у себя письмо бывшего военнослужащего Украины, говорящего, что о «подтасовках на снимках» было неоднократно доложено и.о. министра обороны Украины Михаилу Ковалю, однако, по словам автора письма, «руководству минобороны было все равно». Портал приводит снимки и описание к ним, опубликованные в украинских СМИ, а также схему разоблачения этих снимков от автора письма [14].

На фоне быстрого расширения масштабов использования в обшественно-политической жизни социальных медиа возникла необходимость в разработке новых научных подходов к социальным сетям, которые построены на технологической базе, не существующей до последнего времени. В 2011 году агентство DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency) начало работу по проекту SMISC (Social Media in Strategic Communication). В проекте исследования отмечалось, что условия в которых вооруженные силы США проводят свои операции, быстро меняются по мере распространения сайтов социальных сетей, блогов и технологий обмена аудио-визуальной информацией (например. YouTube), причем эти изменения только ускоряются с развитием мобильных инфо-коммуникационных технологий. Изменения в природе международных конфликтов, инициированные применением социальных медиа, являются столь глубокими, как и изменения, вызванные предыдущими революциями. Поэтому главной задачей проекта SMISC являлась разработка новых научных подходов к социальным сетям. А именно, проект предполагал разработку автоматизированных и полуавтоматизированных инструментов и технологий для систематического и основанного на соответствующих методиках использования социальных медиа для того, чтобы:

- распознавать структуры кампаний по убеждению и операций влияния в рамках социальных сетей и сообществ;
- идентифицировать участников и намерения и измерять эффект от проведения кампаний по убеждению;
- противостоять сообщениям, передаваемым враждебной стороной в ходе выявленных операций влияния;
- выявлять, классифицировать, измерять и отслеживать следующие направления: образование, развитие и распространение концеп-

ций и идей, а также целенаправленность вводящих в заблуждение сообщений и дезинформации.

В итоге к концу 2011 года Лабораторией передовых технологий LM ATL (Lockheed Martin Advanced Technology Laboratories) был разработан инструмент анализа социальных сетей и динамики мнений SNODA (Social Networks and Opinion Dynamics Analysis tool), который был предназначен для моделирования, анализа и визуализации распространения мнений в больших социальных сетях. SNODA позволяет осуществлять моделирование операций влияния (influence operations), направленных на изменение мнений в желаемом направлении. Апробация и эксперименты были проведены на членах социальной сети из состава специально созданного искусственного виртуального сообщества.

В области применения современных разработок из сферы «визуальной аналитики» для организации контроля за киберпространством и анализа социальных сетей заслуживает внимания разработка лаборатории PNLL (Pacific Northwest National Laboratory) — визуальная аналитическая среда Starlight (Starlight Visual Information System — VIS). Следует отметить, что в число пользователей системы входят АНБ, ФБР, ЦРУ, РУМО, Министерство обороны Великобритании, Управление полиции Нью-Йорка и др. Среда Starlight представляет собой технологическую платформу для визуального анализа, которая позволяет пользователям в интерактивном режиме переключаться между различными представлениями информации, то есть одновременно работать, например, с геопространственными, временными, сетевыми и другими формами отображения.

Среди средств работы с социальными сетями следует отметить технологии совместной компании i2 (Великобритания — США), которые помогают автоматизировать аналитическую деятельность, обеспечивая поиск скрытых закономерностей и связей и визуализируя объекты анализа. Разработки i2 представляют собой аналитическую среду, позволяющую легко интегрироваться с GIS-технологиями и другими технологиями аналитической обработки данных. Среди разработок i2 отметим модуль SNA (Social Network Analysis) нацеленный на анализ и понимание сложных сетей сущностей, как, например, люди или организации, путем измерения или «взвешивания» взаимодействия между ними. Этот модуль комбинирует организационную теорию с математическим моделированием и берет свое начало в социологии.

Ключевой концепцией в анализе социальных сетей является центрированность (centrality). Сеть с высокой центрированностью управляется единственным человеком, который контролирует основные информационные потоки и может представлять собой потенциальную точку сбоя связи. Сети с меньшими степенями центрированности не имеют таких слабых мест, и сеть будет продолжать функционировать и в случае выхода каких-либо каналов из строя.

Здесь следует сказать несколько слов о «сетецентризме». Впервые термин «сетецентрический» (Network Centric) был использован вицеадмиралом ВМС США Артуром Себровски и Джоном Гарстка в опубликованной ими в журнале «Proceedings» в январе 1998 года статье «Сетецентрическая война: ее происхождение и будущее». Данная концепция была доработана и представлена в книге Джона Гарстка, Давида Альбертса и Фреда Стейна. Необходимо отметить, что концепция «сетецентрической войны» по существу представляет собой не новый тип войны, а новый подход к подготовке, организации и ведению боевых действий, где в центре внимания оказывается сеть. Причем наиболее важным аспектом являются принципы ее организации и, во многом, самоорганизации. В основе такой сети лежит глобальная информационная решетка (ГИР — GIG, см. рисунок 16).

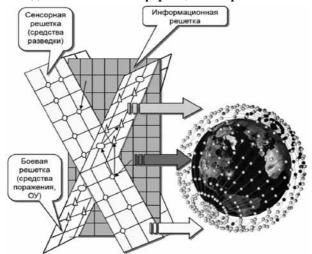

Рисунок 16. Модель глобальной информационной решетки

GIG — глобально взаимосвязанное, сквозное (end-to-end) множество информации, которое в ней накапливается, хранится, распространяется и распределяется по запросу от военных, политических деятелей и обслуживающего персонала. GIG включает свои и арендованные коммуникации, компьютерные системы и сервисы, программное обеспечение (включая приложения), данные, сервисы безопасности, другие связанные сервисы, а также системы обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, продолжающаяся технологическая и контентная революция в средствах массовой коммуникации по ряду основных показателей усложняет взаимодействия участников международных отношений.

Невиданный ранее формат тесного взаимодействия между обществом и дипломатическими ведомствами делает современную дипломатию чрезмерно публичной с одной стороны и менее сдержанной с другой. В этих обстоятельствах очень важно не упуская информационной инициативы и применяя новые современные средства коммуникации с их специфическим стилем общения, не допускать падения уровня политической культуры, как это произошло с дипломатическим ведомством США и некоторых других стран.

Использование цифровых технологий в сфере дипломатической деятельности открывает новые возможности для ведения политики «мягкой силы», для выработки согласованных действий по преодолению обществом политико-социальных и экономических кризисов, а также выработке мер по их недопущению.

Литература

- 1. Интервью заместителя директора Департамента информации и печати МИД РФ Марии Захаровой Радио OOH// URL: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/137431/
- 2. Внешнеполитический портал Франции // URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/
- 3. Официальный сайт МИД Италии // URL: http://www.esteri.it/MAE/IT
- 4. Официальный сайт МИД России // URL: http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf
- 5. Мария Захарова о том, зачем МИД РФ понадобились Фейсбук и Твиттер // URL: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/137431/
- 6. Российский МИД завел необычный аккаунт в фейсбуке // URL: http://lenta.ru/articles/2013/04/19/mid/
- 7. МИД предложил дипломатам США помощь из-за ошибки в Twitter посольства // URL: http://ria.ru/world/20140408/1003085310.html

- 8. Соколов М. Ю. Креативная дипломатия // URL: http://izvestia.ru/news/570438
- 9. Cm. https://twitter.com/idaltae/status/472819528326332416/photo/1
- 10. Белый дом скатился до уровня «Тролль обыкновенный» // URL: http://perevodika.ru/articles/24713.html
- 11. Госдеп США делает выводы о ситуации на Украине по фотографиям из интернета // URL: http://politikus.ru/video/17463-gosdep-ssha-delaet-vyvody-osituacii-na-ukraine-po-fotografiyam-iz-interneta.html
- 12. Cm. http://aco.nato.int/statement-on-russian-main-battle-tanks.aspx
- 13. Cm. http://el-murid.livejournal.com/1875424.html
- 14. Натовские снимки с русскими танками фальшивка // URL: http://pravdatoday. info/content/natovskie-snimki-s-russkimi-tankami-falshivka-dokument

ЧАСТЬ III КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ»

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО СПОРТА

Современная Россия становится столицей спортивных событий глобального значения: Казань приняла Всемирную Универсиаду, в Сочи прошли Олимпийские игры, в 2018 г. в России пройдет самое долгожданное для российских болельщиков событие — Чемпионат мира по футболу. Уже сейчас Россия регулярно принимает международные соревнования и мировые чемпионаты. Обладает ли российский спорт кадровым потенциалом для организации таких мероприятий? А главное — как готовится профессиональный кадровый ресурс для проведения таких важных для международной интеграции России спортивных событий?

Современная Россия укрепляет свои позиции в мировом сообществе по разным направлениям — экономическая либерализация, активное участие в международных политических процессах, членство в международных организациях, организация международных событий и мероприятий, которые формируют имидж новой России и создающие репутацию России как активного члена мирового сообщества.

Международный имидж страны — понятие весьма относительное, и зачастую, связано с развитием когнитивных и эмоциональных процессов в восприятии мировой общественности. Именно поэтому спорт, требующий максимальной вовлеченности со стороны всех контактных аудиторий, становится эффективным инструментом формирования имиджа страны, процессом, в который вовлекаются страны и народы.

Олимпийские игры, мировые чемпионаты и первенства всегда были ареной для утверждения государственных амбиций, а спорт — пожалуй, наиболее мощной формой национального самовыражения. Еще во времена «холодного противостояния» соперничество за медали между советскими и американскими атлетами сравнивали с «битвой гигантов», а рейтинг значимости стран выстраивался по количеству завоеванных медалей. А значит участие российских спортсменов

в международных спортивных соревнованиях, равно как и их проведение приобретают государственное значение, и достижения в крупных спортивных мероприятиях становятся реальным показателем силы государства, приобретают внешнеполитическую окраску.

В связи с этим интеграцию России в мировое сообщество необходимо рассматривать через призму долгосрочной стратегии развития спорта и спортивной инфраструктуры, а подготовку спортсменов и проведение соревнований мирового уровня — как стратегические инструменты государственной политики России.

В современной России делается многое для развития отечественной спортивной индустрии: усиливается социальная значимость физической культуры и спорта, масштабные спортивные проекты переходят в число первоочередных и провозглашаются главным приоритетом государственной политики в области спорта на ближайшие десятилетия. В том числе строятся и реставрируются спортивные объекты (здания и сооружения), проводятся спортивные мероприятия, создаются партнерские отношения с бизнесом, который развивает спортивную инфраструктуру, и наконец, возрождается интерес к болельщикам, как активным участникам создания спортивного продукта.

В условиях возрастающей зрелищности, а следовательно, и коммерциализации спортивных мероприятий участие спортсменов в соревнованиях и их проведение сопровождаются активной кампанией, в основе которой лежат экономические, управленческие и маркетинговые механизмы. Спортивные мероприятия уже не ограничиваются подготовкой спортсменов и включают разносторонние действия со стороны всех членов спортивного сообщества.

Сегодня глобальные спортивные события — это прежде всего государственные бизнес-проекты перспективного развития, к которым привлекаются инвесторы, формируются стратегические бизнес-партнёрства, создается инфраструктура профессионального и массового спорта, реализуется стратегия развития туризма, выстраиваются многие другие направления социально-экономического развития государства.

Современная спортивная инфраструктура включает не только спортивный продукт (как результат работы спортсмена и тренера), но и рынок спортивных товаров и услуг, рынок телевизионных прав на трансляции, спонсорство, работу спортивных агентств, строительство и эксплуатацию спортивных зданий и сооружений. А значит страте-

гический успех спортсмена или команды на соревнованиях является результатом работы профессиональной команды специалистов самых разных направлений — тренеров, врачей, руководителей клубов и команд, спортивных агентств, организаторов соревнований, СМИ, государственных структур, курирующих спортивную инфраструктуру страны и, наконец, болельщиков. И только отлаженная система взаимодействия всех эти элементов способна обеспечить успех спортсмену, команде, и государству в конечном итоге. Сегодня на наших с вами глазах происходит такой стратегический симбиоз разнонаправленных стратегий Олимпиады в Сочи!

Очевидно, что от непосредственного «спортивного продукта» акценты смещаются в сторону системной инфраструктуры спорта, которая включает все элементы подготовки успешного выступления спортсменов на международных соревнованиях. И, как показывает практика, в такой системе команды и тренеры хотя и сохраняют важную роль, но становятся равнозначными элементами большой системы, обеспечивающей общий успех на мировой спортивной арене. А значит существует необходимость системного подхода к выработке концепций, приемов и стратегических подходов к административно-организационным и управленческим технологиям в спорте.

Однако, если в международной практике спортивная инфраструктура является сложившейся системой и работает по отлаженным механизмам, то в России она только начинает формироваться и характеризуется неразвитостью (за исключением может быть Москвы, Санкт-Петербурга и Казани), малоэффективным менеджментом и маркетингом, отсутствием экономического и коммерческого планирования в стратегии развития и неумением спортивных организаций зарабатывать самостоятельно. И, как следствие, недостаточной конкурентоспособностью российских спортсменов, команд и клубов на мировой спортивной арене.

Следовательно, для полноценной интеграции России в международное спортивное сообщество требуются принципиально новые подходы к стратегическому и административно-организационному планированию деятельности спортивных организаций, а также к формированию кадрового ресурса — подготовке высококвалифицированных специалистов для спортивного отрасли, включая спортсменов и тренеров, медиков, менеджеров клубов и команд, специалистов административно-хозяйственных работ, эксплуатирующими

спортивные здания и сооружения, спортивных чиновников и других специалистов смежных направлений, обеспечивающих эффективную работу всей системы.

Для полноценного развития спортивной индустрии в России необходимо обеспечить ее квалифицированными ресурсами, т.е. во-первых, подготовить профессиональные управленческие кадры, и, во-вторых, вооружить руководство спортивных организаций эффективными управленческими технологиями, учитывающими специфику отрасли. И будь то клуб, команда, федерация или сам спортсмен — все они являются элементами в большой социально-экономической и административно-хозяйственной системы, в отношении которых могут применяться принципы и методы стратегического управления, и в которых действуют все известные функции менеджмента — планирование, организация, контроль. А маркетинг является не только специфической функцией управления, но и основополагающим стратегическим инструментом, поскольку именно маркетинг позволяет максимально приблизиться к рынку, т.е. к потребителю — болельщику, фанату, покупателю спортивных услуг, учитывая особенно большую эмоциональную привязанность последних к спортивному продукту (спортсмену, клубу, событию).

Образование в спорте — тема для России не новая. Многие годы и даже десятилетия в нашей стране культивировались приверженность спорту, здоровый образ жизни, массовый спорт, а вместе с ними и государственная политика по подготовке спортсменов и тренеров. Истории известны факты, когда советские лидеры лично участвовали в формировании тренерского состава для подготовки команды к Олимпийским играм. Советская школа подготовки спортсменов и тренеров была одной из лучших в мире и славилась своей фундаментальностью в подготовке специалистов. К числу легендарных советских и российских вузов в первую очередь относятся Российский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (РГУФКСиТ, Москва) и Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург (ФГОУ ВПО «НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург»), воспитавшие не одно поколение профессионалов-специалистов в сфере физической культуры и спорта.

В наследство от советской системы нам досталась пятилетняя модель подготовки специалистов. Одна из главных проблем совет-

ской системы подготовки специалистов для спортивной отрасли состояла в том, что спортивные вузы всегда были ориентированы на подготовку специалистов одной специальности — тренер-педагог и не давали возможно получить дополнительную квалификацию в рамках специальности. По окончании института молодой специалист мог поступить в другой вуз и продолжить обучение по другой специальности — экономической, юридической и т. д. Однако такой подход имел существенное ограничение — отсутствовали взаимосвязи между учебными программами вузов, и молодому специалисту приходилось самостоятельно соотносить полученные знания и учиться применять их на практике. А выпускникам экономических и управленческих вузов сильную конкуренцию всегда составляли бывшие спортсмены и тренеры, которые не имея специального управленческого образования, но знающие специфику отрасли, традиционно занимали руководящие должности в спортивных организациях и осуществляли управление. А в условиях государственного финансирования спортивной отрасли не ставился вопрос развития бизнес-технологий, стратегического управления и административного менеджмента, что еще в большей степени концентрировало вузы на подготовке спортсменов и тренеров как ключевого звена спортивного сообщества.

Однако сегодня в международной системе подготовки спортсменов происходят качественные изменения — ведущие спортивные державы переходят к формированию новой технологической базы развития физической культуры и спорта, основанной на использовании новейших достижений не только в области физического воспитания, педагогики или психологии, но и экономики, права, менеджмента и маркетинга в спорте, а также в области управления бизнес-процессами.

Учитывая новые запросы спортивной индустрии в последние годы были разработаны новые образовательные стандарты по направлениям подготовки, связанным с физической культурой и спортом. Появились новые программы подготовки как «Основы индустрии спорта», «Олимпийское движение и международные спортивные организации», «Спортивное право», «Спортивный маркетинг», «Управление персоналом в спортивной организации», «Организация работы со спонсорами», «Планирование и организация соревнований», «Финансовое обеспечение деятельности спортивной организации», «Реклама и PR в спорте», «Спортивная медицина и допинг».

Кроме того, после подписания в 2003 г. Болонской декларации Россия присоединилась к процессу формирования единого общеевропейского образовательного пространства. Дальнейшее совершенствование высшего профессионального образования в России связано с реализацией идей этой декларации, с тем чтобы новые образовательные стандарты обеспечили международное признание российского образования и конвертируемость дипломов российских вузов.

В соответствие с новыми стандартами подготовка специалистов для спортивной отрасли, в том числе и спортивных менеджеров стала осуществляться по программам разного уровня — программы бакалавриата, магистерские программы, программы МВА, программы профессиональной переподготовки и программы повышения квалификации разной продолжительности.

Интересно отметить, что с появлением спроса на новые образовательные программы помимо государственных спортивных вузов, традиционно лидирующих в подготовке специалистов (в настоящее время около сотни российский вузов реализуют программы бакалавриата, подготовки специалистов и магистерской подготовки), подготовкой профессиональных кадров для спортивной индустрии начали заниматься также и непрофильные (неспортивные) вузы и образовательные центры, которые оказались более гибкими в агрегации образовательных ресурсов и предложили на рынке образовательных услуг многочисленные коммерческие программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки по направлению «Спортивный менеджмент», «Администрирование в спорте», «Спортивное право» и другим смежным специальностям.

При этом, как показывает практика, наиболее успешными оказываются программы дополнительного бизнес-образования для спорта, которые создаются в партнерстве между сильными государственными вузами, обладающими солидной учебно-методологической базой и профессорско-преподавательскими ресурсами и профильными коммерческими структурами, обеспечивающими практическую стороны образовательной программы.

При таком партнерстве образовательным институтам удается проще и быстрее создавать специализированные программы переподготовки для спортсменов и тренеров, а также программы повышения квалификации для среднего управленческого состава спортивных организаций, не имеющих спортивного образования.

Особенно хотелось бы отметить развитие международного сотрудничества России в сфере спортивного образования, в результате которого в России стали создаваться международные образовательные центры по подготовке спортивных менеджеров — Российский международный олимпийский университет (г. Сочи) и Международный образовательный центр FISU (г. Казань). Особенностью таких центров является концентрация глобальных образовательных ресурсов с целью подготовка руководителей высшего звена для управления олимпийскими объектами, организации зрелищных мероприятий мирового масштаба, а также с целью подготовки специалистов в области менеджмента, маркетинга, логистика, права и международной дипломатии для спортивных организаций. В 2013 году РМОУ открылся первый международный образовательный проект в формате MSA (Master of Sport Administration).

Как правило, упомянутые выше вузы и образовательные центры предлагают программы дополнительного профессионального образования и программы повышения квалификации, продолжительность 1,5—2 года, а также краткосрочные семинары и тренинги. К работе в таких программах часто привлекаются известные российские и зарубежные специалисты в качестве бизнес-тренеров.

Говоря о дилемме «спорт для бизнеса» или «бизнес для спорта» важно отметить еще одну особенность — инициатива создания таких образовательных программ может инициироваться как бизнесом, так и вузом.

В первом случае коммерческие структуры, т.е. бизнес, на базе образовательных программ общей направленности вузов инициируют прикладные образовательные проекты уровня Мастер делового администрирования для корпоративного обучения своих сотрудников или подготовки будущего кадрового ресурса — EMBA (Executive Master of Business Administration). Во втором случае вуз самостоятельно создает программу дополнительного бизнес-образования в формате Мастер делового администрирования общей направленности МВА (Master of Business administration) и приглашает к обучению уже состоявшихся специалистов с опытом работы в спортивной отрасли. МВА общей направленности приглашают к обучению спортивных функционеров для приобретения фундаментальных знаний в области экономики, права, менеджмента и маркетинга, необходимых им для реализации стратегий развития своих организаций.

Нужно отметить, что особой популярностью у слушателей программ дополнительного образования пользуются среднесрочные программы продолжительностью до 1 года, поскольку за короткий период обучения они позволяют сфокусироваться на навыках стратегического и оперативного управления в организациях спортивной отрасли. Важным преимуществом таких программ является возможность обучения по гибкому графику без отрыва от работы.

Учитывая текущие цели и задачи спортивной отрасли России, которые в первую очередь связаны с необходимостью быстрой подготовки кадрового ресурса для обеспечения текущего управления спортивными организациями и проведения спортивных мероприятий глобального в ближайшие годы, программы дополнительного профессионального образования являются наиболее эффективной формой подготовки менеджеров для спортивной индустрии. Такие программы интересны отрасли по нескольким причинам: во-первых, профессиональна подготовка требует меньшего времени по сравнению с традиционными бакалаврским или магистерскими программами (1,5-2 года обучения), во-вторых, в большинстве случаев нет необходимости отрываться от основной работы на время обучения. В-третьих, это узко направленно и профессионально, потому что на таких программах обучаются специалисты с имеющимся опытом работы в отрасли, что позволяет использовать специальные приемы и методы обучения для работы с профессиональной аудиторией. И, наконец, слушатели получают фундаментальное бизнес-образование (в отличие от семинаров, тренингов и курсов повышения квалификации) и бизнес-знания, необходимые для осуществления стратегической и оперативной управленческой деятельности в своих организашиях.

Таким образом, современная российская образовательная система реализуется на много-уровневой образовательной платформе и позволяет моделировать разно-профильные программы бизнес-образования, включающую специализированные программы подготовки и переподготовки для всех уровней управления спортивных организаций:

Для высшего управленческого звена спортивных организаций российская образовательная платформа предлагает программы в формате МВА и ЕМВА по направлению «Спортивный менеджмент», «Администрирование в спорте» и смежным направлениям подготовки средней продолжительность обучения 1,5—2 года.

Для среднего управленческого звена спортивных организаций вузами реализуются программы бакалаврской и магистерской подготовки по направлению «Спортивный менеджмент» с продолжительность обучения 4 и 2 года, соответственно. Также для функционеров среднего звена на рынке предлагаются программы дополнительного образования, в том числе профессиональной переподготовки и повышения квалификации по направлению «Спортивный менеджмент», «Спортивный маркетинг» и смежным профильным направления средней продолжительность до 1 года.

Для специалистов функциональных подразделений спортивных организаций образовательная платформа предлагает профессиональные тренинги по наиболее актуальным вопросам управления в индустрии спорта, среди которых «Спортивный маркетинг», «Менеджмент спортивного клуба», «Спортивное право», «Контрактинг в спорте», «Бухучет и налогообложение в деятельности спортивных организаций», «Агентская деятельность в спорте», «Психология в спортивном менеджменте» и другим актуальным направлениям.

С вступлением России в европейский процесс интеграции образовательных стандартов спортивная индустрии получила возможность использовать множество моделей бизнес-образования для эффективной подготовки специалистов разных уровней управления. Такой подход выгоден как обучающимся, которые получают профессиональное образование по выбранной тематике и фактически сами формируют свою образовательную программу, так и вузам, которые эффективно адаптируя свои образовательные ресурсы к требованиям спортивной индустрии предлагают на рынке широкий выбор разно-уровневых программ для подготовки специалистов наиболее востребованных специальностей, а также и самой индустрии спорта, организации которой имеют полноценных механизм формирования высококачественного кадрового ресурса, способного решать любые стратегические и оперативные бизнес-задачи.

А главное, что несмотря на многочисленные сложности, связанные с присоединением к европейскому образовательному процессу, у новой образовательной системы появилось главное преимущество — это много уровневая система подготовки специалистов для спортивной отрасли и возможность совмещения специальностей, что позволяет комбинировать образовательные программы с учетом целей обучения.

РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Рассматривая вопросы глобализации бизнес-образования, прежде всего, следует акцентировать внимание на ключевой составляющей всей системы образования, а именно, на кадровом потенциале учебных заведений. Преподаватели, являющиеся ключевым персоналом вузов и бизнес школ, в большей степени формируют их успех, чем другие составляющие процесса образования. При этом, в большинстве учебных заведений, уделяется недостаточно внимания развитию потенциала преподавателей.

Выделим четыре основные тенденции современного образования, затрагивающих вопросы повышения конкурентоспособности российских учебных заведений через развитие потенциала ключевого персонала — преподавателей.

Глобализация образования, единство стандартов обучения, «синхронизация знаний». Присоединение российской системы образования к болонской конвенции дает возможность студентам вузов и бизнесшкол значительно расширяется возможность выбирать место образования: страну, и даже несколько стран (широко распространяется практика перемещения студентов каждый год в учебные заведения по всему миру). Данная тенденция ставит на повестку дня вопрос о единстве стандартов обучения и *стандартов преподавания*. Если программы обучения уже прошли процесс стандартизации, то работа по стандартизации преподавания учебных дисциплин только начинается.

Развитие информационных технологий позволяет синхронизировать общемировые знания. Информация о передовых достижениях науки, техники и бизнесе распространяется практически мгновенно. Знания все в большем объеме получают из интернет-источников, а не из печатных учебников. Следовательно, уровень информированности преподавателей и студентов о передовых технологиях един в любой точке планеты.

Данная тенденция ставит перед преподавателями повышенные требования к уровню информированности о передовых достижениях в науке и бизнесе и уровню преподавания.

Важным представляется и профессиональная мобильность преподавателя, его способность расширять круг своих профессиональных интересов.

Для следования вышеобозначенной тенденции российским вузам и бизнес-школам необходимо более активно включаться в процесс глобализации образования преподавателей. Современные технологии обучения, активно использующиеся в бизнесе: вебинары, on-line конференции, мастер-классы от экспертов, обмен лучшими практиками, кейсами весьма актуальны для преподавательской аудитории. Интересен опыт создания профессиональных преподавательских сообществ, как в российских, так и мировых. Россия интересна мировому преподавательскому сообществу с точки зрения получения уникальных практических бизнес-кейсов.

В свете следования тенденции «глобализации знаний» актуально создание «Банка знаний» для преподавателей и студентов.

Таким образом, перед вузами и бизнес-школами встает вопрос *инвестиций в поддержание современных форм обучения преподавателей, создания Баз знаний по направлениям науки и бизнеса.*

Повышение требований к качеству преподавания со стороны студентов, представляющих поколения Y и Z. Представители данных поколений амбициозны, любят учиться, узнавать новое, при этом, они требовательны к качеству и методам образования. Они любят многозадачность и активность во время занятий: смену лекционного материала видеороликами, фильмами, кейсами, практическими задачами. Занятия должны быть увлекательными и запоминающимися. По сути, молодежь становится двигателем инновационных процессов в образовании.

Для соответствия данной тенденции учебным заведениям необходимо в ближайшее время активизировать деятельность по модернизации методов обучения, расширения способов преподнесения учебной информации. Стандарт проведения лекционных и практических занятий позволит повысить уровень удовлетворенности студентов уровнем обучения, преподаватели же повысят уровень своего профессионализма.

Преподавателей следует обучать современным методам образования, развивать их навыки презентации, работы с возражениями, подачи и получения обратной связи от студентов. Нелишним будет для преподавателей повышать свои языковые знания, помогающие активно

изучать современные зарубежные материалы, общаться с зарубежными коллегами и студентами. Инструментарий современной психологии также важен для преподавателя.

Для активизации общения преподавателей и студентов с целью получения обратной связи, интересным представляется современный инструмент общения — социальные сети. В России уже создана такая сеть toStudents.ru, но в ней сейчас всего 73 участника. Данная социальная сеть создана для общения преподавателей и студентов, обмена профессиональным опытом и создания собственных преподавательских и студенческих сайтов и блогов, посвященных научной и учебно-методической работе.

Работа с кадровым потенциалом вузов и бизнес-школ будет основой их конкурентоспособности. В данном ключе актуальна постановка вопроса о серьезной программе с кадровым резервом. В настоящее время возрастной состав преподавателей учебных заведений преимущественно предпенсионного или уже пенсионного возраста. Невысокая материальная мотивация преподавательского состава и снижение статуса профессии, привело к тому, что студентов и даже аспирантов приходится «зазывать» в профессию. Несмотря на требование о наличии в преподавательском составе вузов определенного процента преподавателей до 35 лет, учебным заведениям достаточно сложно выдержать данное требование. Для руководителей учебных заведений одним из основных вопросов является вопрос о том, кто придет на смену современным профессорам. Многие вузы, по мнению экспертов, утратили свои ведущие позиции из-за острой нехватки в вузах молодых талантливых преподавателей.

Менее напряженной является ситуация по данной проблеме в бизнес-школах, где успешные бизнесмены и бизнес-консультанты охотно делятся своими знаниями.

Гранты, участие в бизнес-проектах, повышение материальной мотивации преподавателей (средства есть — коммерческое обучение), формирование статуса преподавательской профессии, инвестиции в развитие преподавателей позволят, на наш взгляд, вузам привлечь в свои преподавательские круги молодых специалистов.

Положительным примером является опыт Московского гуманитарного университета по созданию бесплатных курсов для молодых преподавателей и программы «Педагогика высшей школы»¹.

Активное внедрение HR-технологий в компаниях. Бизнес-структуры активно осваивают современные технологии по развитию потенциа-

ла своих работников. Данные программы появились уже и в государственных структурах. Яркий пример тому Правительство г. Москвы, где применяются самые современные методы. К сожалению, учебные заведения, не используют в своей работе современные HR-технологии, позволяющие выстроить требования к преподавательским компетенциям (профессиональным знаниям и навыкам преподавания) произвести системно их оценку, и, самое главное, начать их развивать.

Удивительный парадокс заключается в том, что преподаватели относятся к той категории людей, которые имеют повышенную внутреннюю самомотивацию к развитию, обучению, и, при этом, очень мало программ повышения квалификации организуют вузы и бизнес-школы для своих преподавателей. Зачастую они носят формальный характер. Не в полной мере реализуются и программы работы с талантами, мотивационные программы, наставничество и менторство, передачи знаний опытных преподавателей новичкам, подготовки приемников, развития корпоративной культуры.

Инвестирование в современные HR-технологии в учебных заведениях является насущной необходимостью, которое позволит повышать на системной основе научный и преподавательский потенциал, что, в свою очередь, позволит решить главную задачу — повысит их конкурентоспособность.

¹ Ильдарханова Ч. И.. Профессиональная мобильность молодого преподавателя российского вуза. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/3/Ildarhanova

ОБ АВТОРАХ

Бережнова Елена Викторовна — доктор педагогических наук, доцент, профессор Кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России

Беспалов Дмитрий Николаевич — кандидат политических наук, доцент Кафедры информационной безопасности Факультета бизнес-информатики, НИУ «Высшая школа экономики»

Болгов Радомир Викторович — кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

Ермолаева Светлана Анатольевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая Кафедрой педагогики, профессор Московского государственного областного социально-гуманитарного института, г. Коломна

Зиновьева Елена Сергеевна — кандидат политических наук, доцент МГИМО МИД России

Казаков Михаил Анатольевич — доктор политических наук, профессор Кафедры прикладной политологии Факультета международных отношений ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Каримова Алла Бекмухамедовна — профессор, доктор политических наук Российского государственного гуманитарного университета

Кузьмина Татьяна Ильинична — кандидат экономических наук, доцент, преподаватель Программы «HR» Бизнес-школы МГИМО, HR-консультант

Лаптева Марина Дмитриевна — кандидат психологических наук, доцент Кафедры английского языка № 7 МГИМО МИД России

Перминова Людмила Михайловна — доктор педагогических наук, профессор Московского института открытого образования

Плотников Владислав Александрович — кандидат политических наук, доцент Кафедры международных отношений, начальник Отдела мониторинга и сопровождения НИР, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Рудая Елена Анатольевна — доцент Кафедры менеджмента и маркетинга МГИМО МИД России

Рябенко Наталья Леонидовна — старший преподаватель Кафедры английского языка № 7 МГИМО МИД России

Сурма Иван Викторович — кандидат экономических наук, доцент Кафедры государственного управления и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России, член экспертного совета Комитета по финансовому рынку Государственной Думы РФ

Терин Валерий Павлович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии МГИМО МИД России

Цветкова Наталья Игоревна — кандидат педагогических наук, доцент Кафедры английского языка N2 1 МГИМО МИД России

Чикнаверова Карине Григорьевна — кандидат педагогических наук, доцент Кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России

Ширин Сергей Сергеевич — кандидат политических наук, доцент Кафедры международных гуманитарных связей Факультета международных отношений Санкт-Петербургского Государственного Университета

Научное издание

Материалы VIII Конвента РАМИ **ОБРАЗОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО**

25-26 апреля 2014 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-Ф3 данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка А.С.Туманова

Подписано в печать 18.10.2015 Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,87. Уч.-изд. л. 7,35 Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет» 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССПЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А.В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России состоялся восьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». Его программа включила в себя две пленарных сессии, 29 секций, два круглых стола, несколько партнерских мероприятий — VI Международную научную конференцию испанистов и III конференцию Российской ассоциации украинистов, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63 www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин Алексей Анатольевич Громыко Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский Ирина Доновна Звягельская

Программа мирополитических исследований и изучения деятельности негосударственных акторов

Марина Михайловна Лебедева Павел Афанасьевич Цыганков

Программа исследований в области теории международных отношений и сравнительной политологии

Татьяна Александровна Алексеева Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский Владимир Олегович Печатнов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Кортунов Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония Валерий Иванович Салыгин Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономии

Светлана Павловна Глинкина Алексей Владимирович Кузнецов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко Александр Николаевич Вылегжанин Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головнин Александр Сергеевич Булатов Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопал Галина Мирославовна Лесная Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников

Секретариат

Марина Сергеевна Василевская Анджей Артурович Габарта Нина Сергеевна Дымшиц